
Учредитель: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Издается на кафедре государственного и муниципального управления историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета

Журнал включает в себя авторские статьи по вопросам государственного и муниципального управления, экономики и политологии. Издание публикует как теоретические статьи, так и основанные на результатах эмпирических исследований. Особое внимание уделяется теориям управления, пространственной и региональной экономики; эффективности как государственных отраслевых политик в целом, так и различных управленческих структур в частности; роли политико-экономических институтов в развитии государства и общества; управлению публичной политикой; деятельности органов публичной власти; развитию человеческого потенциала, государственной и муниципальной службы; информационным и цифровым технологиям в публичном управлении и экономике; взаимодействию государственных институтов и гражданского общества; локальным управленческим практикам, а также различным аспектам региональной экономики, включая государственное регулирование экономики, проблемы моногородов, территориальную организацию населения, агломерирование и ряд других

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научной специальности: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-66778 от 08.08.2016

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны

Подписка на журнал осуществляется на сайте «Урал Пресс» (<https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8648137/>). Подписной индекс – 41047

Главный редактор журнала – Елена Андреевна Третьякова,
доктор экономических наук, профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, e.a.t.pnrgu@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9345-1040>
SPIN-код (РИНЦ): 5846-1742
AuthorID (РИНЦ): 453819
Web of Science ResearcherID: M-7494-2017
Scopus Author ID: 55888410400

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Иван Александрович Антипин, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой Региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия

Мария Александровна Богомолова, кандидат технических наук, доцент кафедры математического моделирования в экономике и управлении Нижегородского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель директора института информационных технологий, математики и механики Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Яна Юрьевна Бондарева, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры прикладной экономики и экономической безопасности Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Надежда Владимировна Борисова, доктор политических наук, доцент, декан историко-политологического факультета, профессор кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия

Марина Валентиновна Владыка, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры прикладной экономики и экономической безопасности Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия

Елена Георгиевна Коваленко, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры статистики и информационных технологий в экономике и управлении Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, Саранск, Россия

Галина Борисовна Козырева, доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела институционального развития регионов Института экономики Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук», Петрозаводск, Россия

Наталья Сергеевна Козырь, кандидат экономических наук, доцент кафедры кибербезопасности и защиты информации Института компьютерных систем и информационной безопасности Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия

Елена Викторовна Курушина, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и организации производства Тюменского индустриального университета, Тюмень, Россия

Мария Викторовна Назукина, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, Пермь, Россия

Илья Викторович Наумов, кандидат экономических наук, заведующий лабораторией моделирования пространственного развития территорий Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

Антонина Владимировна Селезнева, доктор политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Сергей Алексеевич Сергеев, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета, Казань, Россия

Александр Владимирович Соколов, доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, Ярославль, Россия

Елена Андреевна Третьякова, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия – **главный редактор**

Елизавета Александровна Троицкая, кандидат политических наук, исполняющая обязанности заведующей кафедрой государственного и муниципального управления, старший научный сотрудник Центра делового образования Регионального института непрерывного образования Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия – **заместитель главного редактора**

Анна Александровна Урасова, доктор экономических наук, доцент, директор Пермского филиала Института экономики Уральского отделения Российской академии наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия

Юлия Викторовна Усова, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений, политологии и мировой экономики Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия

Марина Валериевна Цуркан, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления Института экономики и управления Тверского государственного университета, Тверь, Россия

Наталья Анатольевна Шибаева, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры менеджмента и государственного управления Орловского государственного университета имени И. С. Тургенева, Орел, Россия

Станислав Николаевич Шкель, доктор политических наук, доцент, профессор департамента политологии и международных отношений Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

Адрес учредителя и издателя:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Адрес редакции:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
кафедра государственного и муниципального управления

Тел.: (342) 239-66-89

E-mail: arsmag@yandex.ru

Сайт: ars-administrandi.com

© Редакционная коллегия, 2023

Publisher: Perm State University

Published by Department of State and Municipal Governance, Perm State University

The journal includes the contributory articles on issues of theory and practices of state and municipal governance, economics, and political sciences. We publish both theoretical articles and those based on the results of empirical research. A special emphasis is placed on the issues of governance, spatial and regional economics; the effectiveness of both sectoral public policies in general and various governance structures in particular; the role of political and economic institutions in the state and society development; public policy governance; activities of public authorities; human development management, state and municipal service; information and digital technologies in public administration and economy; interaction between state institutions and civil society; local management practices, as well as various aspects of the regional economy, including state regulation of the economy, problems of single-industry towns, territorial organization of the population, agglomeration, etc.

The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science should be published for the following academic specialty:
5.5.2. Political institutions, processes, techniques (Political Sciences)

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) – Certificate PI no. FS77-66778 dated Aug. 8, 2016

Distributed within the Russian Federation and abroad

You can subscribe to the journal on the website “Ural-Press” (<https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8648137/>).
Subscription index – 41047

Chief Editor – Elena A. Tretyakova,

Doctor of Economics, Professor, Perm State University, Perm, Russia, e.a.t.pnrpu@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-9345-1040>

SPIN-code (RSCI): 5846-1742

AuthorID (RSCI): 453819

Web of Science ResearcherID: M-7494-2017

Scopus Author ID: 55888410400

EDITORIAL BOARD

Ivan A. Antipin, Doctor of Economics, Associate Professor, Head of the Department of Regional, Municipal Economics and Management, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

Maria A. Bogomolova, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor of the Department of Mathematical Modeling in Economics and Management, Nizhny Novgorod Institute of Management, the Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Deputy Director for Development of the Institute of Information Technology, Mathematics and Mechanics, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Yana Yu. Bondareva, Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Applied Economics and Economic Security, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Nadezhda V. Borisova, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of History and Political Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russia

Elena G. Kovalenko, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Statistics and Information Technologies in Economics and Management, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia

Natalya S. Kozyr, Candidate of Economics, Associate Professor of the Department of Cybersecurity and Information Protection, Institute of Computer Systems and Information Security, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Galina B. Kozyreva, Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Regional Institutional Development, Institute of Economics of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk, Russia

Elena V. Kurushina, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Production Management, Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Ilya V. Naumov, Candidate of Economics, Head of the Laboratory for Modeling Spatial Development of Territories, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Maria V. Nazukina, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher of the Institute for Humanitarian Studies, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia

Antonina V. Selezneva, Doctor of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Psychology of Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Sergey A. Sergeev, Doctor of Political Science, Professor, Professor of the Department of Political Science, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia

Natalya A. Shibaeva, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Management and Public Administration, Orel State University, Orel, Russia

Stanislav N. Shkel, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, St. Petersburg Branch of the National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg, Russia

Alexander V. Sokolov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Socio-Political Theories, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

Elena A. Tretyakova, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of State and Municipal Governance, Perm State University, Perm, Russia – **Chief Editor**

Elizaveta A. Troitskaya, Candidate of Political Sciences, Acting Head of the Department of State and Municipal Governance, Senior Research of the Center for Business Education at the Regional Institute for Continuing Education, Perm State University, Perm, Russia – **Deputy Chief Editor**

Marina V. Tsurkan, Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Administration, Institute of Economics and Management, Tver State University, Tver, Russia

Anna A. Urasova, Doctor of Economics, Associate Professor, Director of the Perm Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of State and Municipal Governance, Perm State University, Perm, Russia

Yuliya V. Usova, Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of International Relations, Political Science and World Economy, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Marina V. Vladyka, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor of the Department of Applied Economics and Economic Security, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Publisher address:

Perm State University, 15 Bukirev Str., Perm, 614068, Russia

Editors address:

Department of State and Municipal Governance, Perm State University,
15 Bukirev Str., Perm, 614068, Russia

Tel. +7(342)239-66-89

E-mail: arsdmag@yandex.ru

Web-site: ars-administrandi.com

© Editorial Board, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

I. ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПУБЛИЧНОМ УПРАВЛЕНИИ И ЭКОНОМИКЕ

- Нига́й Е. А.** Формирование цифровых экосистем бизнеса в условиях развития информационного общества: управленческий аспект 353
- Якимова В. А., Панкова С. В.** Закономерности размещения цифрового предпринимательства в регионах России 377

II. УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

- Гайсина А. Ш., Минязев А. И., Мигранова Л. И.** Цифровая модель прогнозирования трудоустройства выпускника вуза с учетом поведенческих аспектов 406
- Измайлова М. А., Корнева Е. Ю., Цуркан М. В.** Проблема женского лидерства в корпоративном управлении 426

III. ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКОЙ

- Витковская Т. Б., Назукина М. В.** Динамика самоопределения этнических движений на постсоветском пространстве (на примере Азербайджана и Грузии) 447
- Турцева К. П.** «Экспертная сбалансированность» в общественных экологических советах регионов России 471

IV. РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА И РЕГИОНАЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

- Митрофанова И. В., Чернова О. А.** Социально-экономические эффекты реализации национального проекта «Цифровая экономика» в старопромышленных регионах Юга России 495

V. ЛОКАЛЬНЫЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

- Рогач О. В., Фролова Е. В.** Оценка деятельности органов власти по развитию социальной инфраструктуры урбанизированных пространств 516

CONTENTS

I. INFORMATION AND DIGITAL TECHNOLOGIES IN PUBLIC ADMINISTRATION AND ECONOMY	
Nigay, E. A. Digital business ecosystems formation in the context of information society development: Management aspect	353
Yakimova, V. A. and Pankova, S. V. Digital entrepreneurship placement regularities in the regions of Russia	377
II. HUMAN DEVELOPMENT MANAGEMENT	
Gaisina, A. Sh., Minyazev, A. I. and Migranova, L. I. A digital model for predicting the university graduates employment in view of behavioral aspects	406
Izmailova, M. A., Korneva, E. Yu. and Tsurkan, M. V. The problem of female leadership in corporate governance	426
III. PUBLIC POLICY AND PUBLIC POLICY GOVERNANCE	
Vitkovskaya, T. B. and Nazukina, M. V. Ethnic movements self-determination dynamics in post-Soviet states (the cases of Azerbaijan and Georgia)	447
Turtseva, Ch. P. “Fair balance” in the Russian regional public environmental councils	471
IV. REGIONAL ECONOMY AND REGIONAL ECONOMIC DEVELOPMENT	
Mitrofanova, I. V. and Chernova, O. A. Socio-economic effects of implementing the national project “Digital economy” in the old industrial regions of the South of Russia	495
V. LOCAL MANAGEMENT PRACTICES	
Rogach, O. V. and Frolova, E. V. Evaluating the activities of the authorities in developing social infrastructure of urbanized spaces	516

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В журнал могут быть представлены материалы по фундаментальным и прикладным проблемам в сфере государственного и муниципального управления, экономики и политологии.

География авторов принимаемых к публикации статей охватывает как российских, так и иностранных научных и научно-педагогических работников, а также депутатов, руководителей и специалистов органов публичной власти. Основным языком журнала является русский. Также статьи могут быть опубликованы на английском языке.

Автору необходимо подать статью через сайт журнала <http://ars-administrandi.com> или направить ее на электронную почту журнала arsadmag@yandex.ru.

Редакция принимает статьи (материалы) объемом от 20 до 60 тыс. печатных знаков (основной текст, с пробелами).

Плата за публикацию рукописей не взимается.

К каждой научной статье должны быть приложены сведения об авторе (соавторах) рукописи, лицензионный договор, согласие на обработку персональных данных.

Автор (соавторы) предоставляет(ют) издателю журнала (Пермский государственный национальный исследовательский университет) право на использование его (их) статьи в составе публикаций журнала, а также на воспроизведение статьи в любых базах данных.

Право использования журнала в целом в соответствии с п. 7 ст. 1260 ГК РФ принадлежит издателю журнала и действует бессрочно на территории Российской Федерации и за ее пределами.

Объем прав издателя на использование журнала в целом соответствует объему принадлежащего автору (соавторам) исключительного права, предусмотренного ст. 1270 ГК РФ. Издатель вправе также разрешить использование журнала в целом другим лицам на определенных условиях по его усмотрению.

Автор (соавторы) включенной в журнал статьи сохраняет(ют) исключительное право на нее независимо от права издателя на использование журнала в целом.

Авторское вознаграждение за предоставление автором (соавторами) издателю указанных выше прав не выплачивается.

Направление автором (соавторами) статьи в журнал означает его (их) согласие на использование статьи издателем на указанных выше условиях и свидетельствует о том, что он (они) осведомлен(ы) об условиях ее использования.

Издатель предлагает любому физическому лицу заключить с издателем безвозмездный лицензионный договор о предоставлении права использования статьи, автором (соавторами) которой он (они) является(ют)ся.

Лицензионный договор является договором присоединения (офертой), условия которого определяются издателем, и может быть подписан другой стороной не иначе как путем присоединения к договору в целом. Направление автором (соавторами) рукописи статьи для опубликования в журнале счита-

ется акцептом, то есть согласием автора (соавтора) на опубликование статьи в соответствии с условиями договора. Факсимильные (электронные) копии собственноручной подписи и текста лицензионного договора действительны и имеют равную юридическую силу наряду с подлинными.

Издатель размещает фамилию, имя, инициалы автора (соавторов), ученую степень, ученое звание, должность, место работы, адрес места работы, идентификационные коды ORCID, ResearcherID, Scopus Author ID, SPIN-код (РИНЦ), AuthorID (РИНЦ), адрес электронной почты автора (соавторов), название, аннотацию, ключевые слова и текст статьи на сайте журнала.

Издатель включает полнотекстовые варианты статей в «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), а также иные базы данных. Направление автором (соавторами) статьи издателю является согласием автора (соавторов) на подобное размещение и включение.

Гонорар за публикации не выплачивается. Автору высылается авторский экземпляр по указанному им адресу. В случае если рукопись написана в соавторстве, авторский экземпляр высылается каждому соавтору по указанным ими адресам.

Полученные редколлегией статьи не возвращаются.

Подробные правила оформления и представления рукописей статей размещены на сайте журнала в разделе «Авторам» по адресу: <http://ars-administrandi.com/index.php/arsadm/guide>.

Желающие получить экземпляр журнала или консультацию редакции могут обращаться по адресу: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15, Пермский государственный национальный исследовательский университет, кафедра государственного и муниципального управления. Заместитель главного редактора – Елизавета Александровна Троицкая. Тел./факс (342) 239-68-30, 239-66-89. Сайт: ars-administrandi.com, e-mail: arsadmag@yandex.ru.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПУБЛИЧНОМ УПРАВЛЕНИИ И ЭКОНОМИКЕ

INFORMATION AND DIGITAL TECHNOLOGIES IN PUBLIC ADMINISTRATION AND ECONOMY

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 3. С. 353–376.
Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 3, pp. 353–376.

Научная статья
УДК 338.28:004.8
<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-353-376>

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ЭКОСИСТЕМ БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Евгения Антоновна Нигай¹

¹ Владивостокский государственный университет, Владивосток, Россия, jenia_nigay@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0858-5835>

Аннотация. Введение: формирование цифровых бизнес-экосистем является закономерным и неотъемлемым процессом в становлении цифровой экономики. Цифровая трансформация, будучи следствием развития технологий и усложнения среды ведения деятельности, неизбежно обуславливает изменение используемых управленческих и бизнес-моделей, а также вовлекаемых инструментов и технологий. Логика развития бизнес-моделей в условиях цифровизации такова: «аналоговая экономика – традиционные бизнес-модели» → «переходная экономика – смешанные бизнес-модели» → «цифровая экономика – инновационные бизнес-модели и цифровые экосистемы». **Цель:** обоснование концепта процессной схемы формирования цифровых экосистем бизнеса, позволяющей выстроить комплексное видение системы управленческих подходов и решений при переходе к цифровым бизнес-моделям и экосистемам в условиях развития информационного общества. **Методы:** сравнительного и системного анализа, моделирования и декомпозиции процессов, а также методы статистического сопоставления, базирующиеся на комплексном подходе к исследованию процессов цифровой трансформации экономики и бизнеса. **Результаты:** обобщены современные подходы к структурированию процесса перехода от аналоговых (традиционных) моделей ведения бизнеса к цифровым (инновационным) бизнес-системам, выявлены характерные признаки отдельных этапов этого процесса, систематизированы инструменты, обеспечивающие эффективный цифровой переход. **Выводы:** цифровая трансформация экономических систем и бизнес-моделей способствует изменению потребительского поведения, увеличению эффективности экономических субъектов, расширению рынка, наращиванию конкурентных преимуществ, развитию инноваций.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: цифровая трансформация, аналоговая экономика, переходная экономика, цифровая экономика, цифровые экосистемы, цифровые бизнес-модели

Для цитирования: Нигай Е. А. Формирование цифровых экосистем бизнеса в условиях развития информационного общества: управленческий аспект // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 3. С. 353–376. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-353-376>.

Original article

DIGITAL BUSINESS ECOSYSTEMS FORMATION IN THE CONTEXT OF INFORMATION SOCIETY DEVELOPMENT: MANAGEMENT ASPECT

Evgeniya A. Nigay¹

¹ Vladivostok State University, Vladivostok, Russia, jenia_nigay@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0858-5835>

Abstract. Introduction: digital business ecosystems formation is a natural and integral process in growing digital economy. Digital transformation, as a consequence of the technologies development and complexity of the environment, inevitably causes a change in management and business models used, as well as the tools and technologies involved. The logic of business models development in the context of digitalization can be traced in the following sequence: “analog economy – traditional business models”, “transitional economy – mixed business models”, “digital economy – innovative business models and digital ecosystems”. **Objectives:** concept justification of a process scheme for digital business ecosystems formation, which allows building a comprehensive vision of management system approaches and decisions in the transition to digital business models and ecosystems in the context of the information society development. **Methods:** comparative and system analysis, processes modeling and decomposition, as well as statistical comparison methods based on a comprehensive approach to the study of digital transformation of the economy and business processes. **Results:** the modern approaches to structuring transition process from analog (traditional) business models to digital (innovative) ones have been summarized; business models characteristics typical of the process have been identified as well as the instruments ensuring the efficient transition. **Conclusions:** economic systems and business models digital transformation contributes to changing consumer behavior, increasing the efficiency of economic entities, expanding the market, building competitive advantages, and developing innovation.

Keywords: digital transformation, analog economy, transitional economy, digital economy, digital ecosystems, digital business models

For citation: Nigay, E. A. (2023), “Digital business ecosystems formation in the context of information society development: Management aspect”, *Ars Administrandi*, vol. 15, no. 3, pp. 353–376, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-353-376>.

ВВЕДЕНИЕ

Тренды стремительного развития и повсеместного использования цифровых технологий неизбежно обуславливают изменения практически во всех сферах деятельности. Цифровая трансформация наблюдается и на уровне отдельных предприятий, и в масштабах всей экономики и общества: модифицируются производственные и управленческие процессы, развиваются новые форматы взаимоотношений и прогрессивные способы коммуникаций с деловыми партнерами и клиентами, повышается доступность информации, скорость обработки данных и принятия решений, меняются повседневные модели поведения людей и образ мышления.

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы¹ (далее – Стратегия) определила ключевые направления, задачи и содержание процессов цифровой трансформации экономики и общества. Одна из генеральных установок Стратегии – формирование экосистемы цифровой экономики на основе партнерства организаций, обеспечивающего постоянное взаимодействие технологических платформ, интернет-сервисов, аналитических и информационных систем органов власти, организаций и граждан.

Цифровые экосистемы предполагают реализацию интегрированной схемы взаимодействия разрозненных субъектов, информационных ресурсов, сервисов и бизнес-процессов на основе “win-win” – принципа совместной эффективной и взаимовыгодной деятельности (Доржиева, 2022, с. 29). Цифровые экосистемы объединяют в своей структуре как самостоятельные подсистемы, так и процессы, относимые к деятельности на уровне отдельной компании, партнерской сети, смежных компаний на различных этапах производственного цикла, отрасли, экономической системы в целом.

Развитие цифровых экосистем обеспечивает ряд преимуществ как для их участников, так и для пользователей (Milovanov, 2022; Verhoef et al., 2021).

Для участников (субъектов экосистемы) интеграция в единую цифровую среду обеспечивает:

- повышение конкурентоспособности за счет синергетического эффекта взаимодействия;
- расширение базы пользователей и их охвата при одновременном снижении затрат на привлечение клиентов;
- генерацию потоков доходов от дополнительных видов деятельности.

Для пользователей цифровых сервисов экосистем улучшаются качественные параметры сопровождения обслуживания, благодаря чему формируется «бесшовный пользовательский опыт»:

- предоставляется общий доступ к сервисам через единый аккаунт;
- вследствие объединения разрозненных сервисов под общим брендом упрощается узнаваемость, восприятие информации и сокращается клиентский путь;

¹ Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [Электронный ресурс]: утв. Указом Президента Рос. Федерации от 09.05.2017 № 203. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/> (дата обращения: 30.04.2023).

- значительно уменьшается время ожидания предоставления услуги и повышается скорость обмена информацией в цепи «пользователь – экосистема»;
- обеспечивается удобство совершения операций и доступность сервисов без привязки к месту нахождения пользователя;
- достигается возможность беспрепятственного переключения между отдельными сервисами экосистемы².

В сложившихся условиях комплексности, динамичности, неопределенности предпринимательской среды повышается значимость цифровых механизмов взаимодействия, оптимизирующих бизнес-процессы, ускоряющих обработку и анализ большого объема информации, обеспечивающих возможности расширения рынка (в том числе цифрового), масштабирования деятельности за счет инноваций и улучшения пользовательского опыта.

В этой связи целью статьи является обоснование концепта процессной схемы формирования цифровых экосистем бизнеса, позволяющей выстроить комплексное видение системы управленческих подходов и решений при переходе к цифровым бизнес-моделям и экосистемам в условиях развития информационного общества. Достижение поставленной цели базируется на обобщении современных подходов к структурированию процесса перехода от аналоговых (традиционных) моделей ведения бизнеса к цифровым (инновационным) бизнес-системам, выявлении характерных признаков отдельных этапов этого процесса, составлении типологии бизнес-моделей, свойственных каждому из этапов, систематизации применяемых инструментов, обеспечивающих эффективный цифровой переход, а также определении общих тенденций становления цифровых бизнес-моделей и экосистем в России.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Трансформационные процессы в экономике запустили механизм преобразования моделей управления бизнес-структурами. При этом фазы модификации бизнес-моделей и экономических формаций по цифровым параметрам развития общества обнаружили сопоставимость между собой: «аналоговая экономика – традиционные бизнес-модели», «переходная экономика – смешанные бизнес-модели», «цифровая экономика – инновационные бизнес-модели и цифровые экосистемы» (рис. 1).

1. Аналоговая экономика – традиционные бизнес-модели.

В большинстве исследований аналоговая экономика представлена как система, структурирующая социально-экономические отношения, связанные с использованием осязаемых активов и результатов, распределением, обменом и потреблением реальных (материальных и нематериальных) товаров и услуг (Емельянов, 2018; Ватутина и др., 2021).

Ряд авторов рассматривает аналоговую экономику в системе отношений по поводу обмена, передачи и хранения информации, осуществляемых

² Цифровые экосистемы – 2021 [Электронный ресурс] // Сайт Центра развития компетенций в бизнес-информатике, логистике и упр. проектами) НИУ ВШЭ. 2021. 25 мая. URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/tsifrovye-ekosistemy/> (дата обращения: 02.05.2023).

Рис. 1. Логика трансформации бизнес-моделей при переходе к цифровой экономике / Fig. 1. The logic of transforming business models in the transition to the digital economy

Источник: составлено автором.

исключительно на твердом носителе (Миленький и др., 2018; Косолап, 2022; Vyayanova et al., 2022). При этом в качестве основных средств управленческого учета и взаимодействия выступают аналоговые компьютеры, технологии и носители, которые обрабатывают информацию, представленную в аналоговой, или непрерывной, форме. Аналоговая экономика связана с применением традиционных методов производства и распределения товаров и услуг, которые не зависят от цифровых технологий и сетей. Процессы производства и потребления контролируются и управляются вручную, без использования компьютерных систем и программного обеспечения (Юдина, 2019; Алиев и Шахвердиева, 2023).

Ключевая концепция экономических отношений в рамках аналоговой экономики основана на двух проблемных факторных условиях, реализуемых в режиме «осязаемого взаимодействия»:

- ограниченность ресурсов;
- неограниченность потребностей человека и общества (Бейсембай, 2019, с. 208).

Экономические системы аналоговой экономики ориентированы на совершенствование и наращивание материального производства, поиск источников и добычу ресурсов и энергии, автоматизацию производственных и управленческих процессов. Ключевым аспектом управления выступают материальные (физические) активы (Бутенко, 2021, с. 21).

Обобщая вышесказанное применительно к построению бизнес-моделей организаций в условиях аналоговой экономики, следует отметить преобладание в системах партнерского взаимодействия бизнес-структур традиционных цепочек создания ценности с ориентацией на покупательский спрос. При этом анализ и оценка потребительских рынков осуществляются с исполь-

зованием классических инструментов – количественных и качественных методов исследования.

2. Переходная (предцифровая) экономика – смешанные бизнес-модели.

Характеристики экономики перехода от аналоговой формации к цифровой практически не рассматриваются в исследованиях. Тем не менее процесс преобразования «аналоговая экономика – цифровая экономика» не может осуществиться одномоментно и неизбежно предполагает промежуточные уровни.

Переход к цифровой экономике – процесс комплексный, включающий в себя определенные составляющие, которые обеспечивают движение к цифровой модели экономики и бизнеса (Brix, 2020, p. 10). Речь идет о развитии:

1) инфраструктуры в виде совокупности технологий, программного обеспечения, сетей и систем, обеспечивающих базовую архитектуру для работы в цифровом режиме;

2) правовой и регуляторной среды, предполагающей внедрение законов и правил, регламентирующих использование цифровых технологий, а также защиту пользователей и их данных;

3) кадрового потенциала путем обучения и подготовки кадров для работы в цифровой среде;

4) цифровой культуры, то есть повышение осведомленности и обучение населения активному использованию цифровых технологий в рутинных процессах;

5) цифровых бизнес-моделей, основанных на цифровых технологиях;

6) цифровой экономики – создании инновационных продуктов и услуг, которые могут быть произведены и распространены с помощью цифровых технологий.

Переход к цифровой экономике требует сотрудничества между правительством, бизнесом и обществом.

Таким образом, предцифровая экономика характеризуется совокупностью отношений по поводу управления производством и распределением материальных активов с поступательной компьютеризацией и информатизацией процессов и результатов. Бизнес-модели переходной экономики предполагают сочетание материальных (аналоговых) инструментов с частично внедряемыми виртуальными (цифровыми) технологиями в цепочках создания ценности.

3. Цифровая экономика – инновационные бизнес-модели и цифровые экосистемы.

Обобщая научные подходы к определению цифровой экономики, можно выделить различные акценты в трактовании этого термина.

Одни авторы рассматривают цифровую экономику с точки зрения применяемых инструментов, сменивших доминирующие аналоговые технологии, характерные для предцифровой экономики. Таким образом, цифровая экономика предстает как интернетизированная хозяйственная деятельность, включающая систему экономических отношений, которые основаны на программно-вычислительных (цифровых) технологиях произ-

водства благ для удовлетворения потребностей человека (Емельянов, 2018; Земцов и др., 2022; Bal and Erkan, 2019).

Другие ученые изучают цифровую экономику с позиций формирования принципиально нового управленческого подхода в виде виртуального способа организации управления производством и реализацией материальных и нематериальных продуктов. Данный способ организации управления базируется на использовании автономных технических средств и платформ, работающих при оснащении базовым и специальным программным обеспечением (Petrenko, 2018; Косолап, 2022; Culot et al., 2020).

В самостоятельное направление можно выделить исследования цифровой экономики с точки зрения роли в ней человека. С этих позиций цифровая экономика представляет собой зарождающуюся систему производственных и экономических отношений, способных функционировать без непосредственного участия человека (Юдина, 2019; Tyulin et al., 2022).

Наконец, цифровую экономику можно представить как систему динамичного и интенсивного поведения человека и общества в процессе производства, распределения и потребления материальных и нематериальных цифровых благ, созданных на принципах комплексного и всестороннего использования цифровой информации. «Цифровая информация создается в системе подотраслей цифровой экономики и потребляется как конечными, так и промежуточными потребителями – организациями, предприятиями, фирмами и компаниями различных организационно-правовых форм. Цифровая экономика может располагать неограниченными ресурсами, технологиями для производства нематериальных цифровых благ, а также позволять удовлетворять неограниченные потребности в нематериальной цифровой информации» (Бейсембай, 2019, с. 207).

Резюмируя подходы к определению цифровой экономики, можно выделить два основных аспекта его трактовки: классический и расширенный. В рамках классического подхода цифровая экономика представляется как система социально-экономических отношений, в которой цифровые технологии играют роль инструментов оптимизации и совершенствования производственных, управленческих, социальных процессов. При расширенном подходе цифровая экономика связывается как с преобладающим использованием цифровых инструментов, так и с формированием принципиально нового «цифрового» мышления и культуры, а также с развитием соответствующей инфраструктуры бизнеса, экономики и общества (Антохонова, 2018; Усков, 2022).

Формирование цифровых экосистем обусловлено закономерными процессами развития экономики от аналоговой до цифровой и соответствующей трансформацией бизнес-моделей как основы реализации предпринимательской деятельности от аналоговых (традиционных) к переходным и цифровым, в том числе экосистемным.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Трансформация бизнес-моделей

Логика трансформации экономики требует обоснования соответствующей модификации бизнес-моделей с учетом доступности и специфики применения цифрового инструментария, технологий, ресурсов и других факторов.

На рисунке 2 представлена классификация бизнес-моделей организаций, характерных для условий аналоговой, переходной и цифровой экономики.

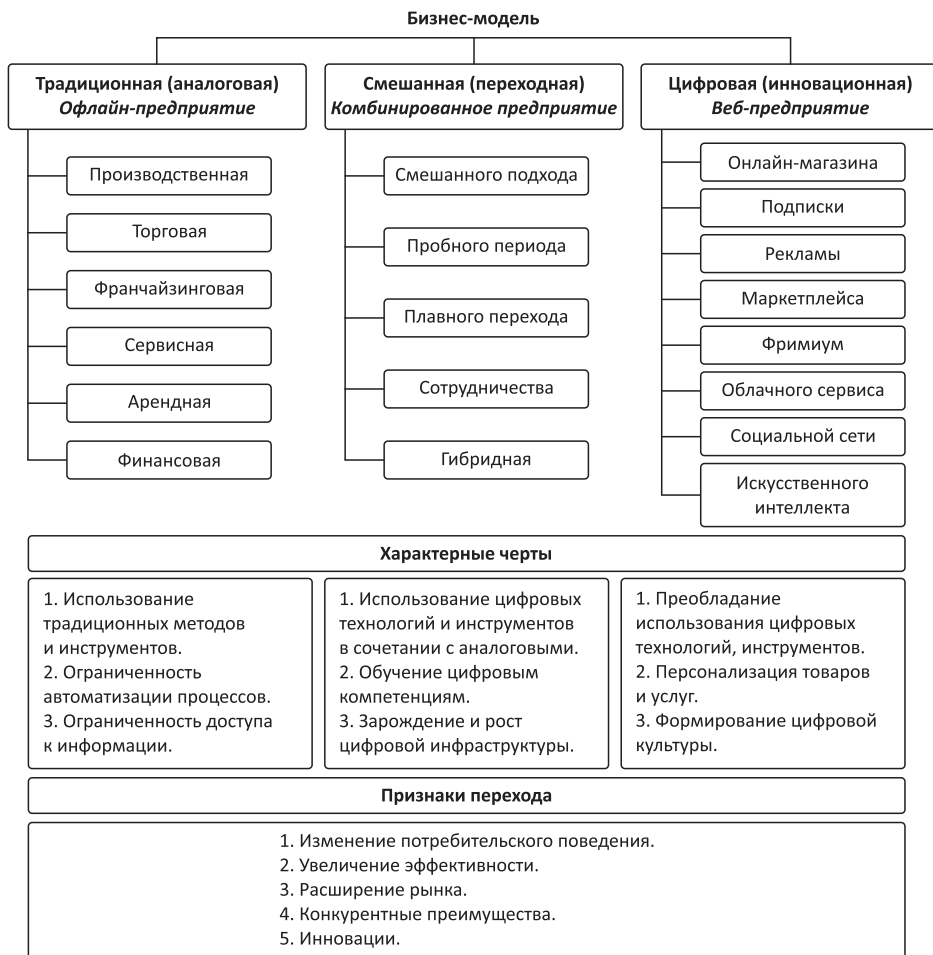

Рис. 2. Процессная схема классификации бизнес-моделей от традиционных к цифровым /
Fig. 2. Process diagram of business models classification (from traditional to digital ones)

Источник: составлено автором на основе (Нугай, 2022a; Randhawa et al., 2020).

Аналоговая бизнес-модель – это тип бизнес-модели, основанный на традиционных методах производства, распространения и продажи товаров и услуг, не связанных с цифровыми технологиями. В зависимости от специфики осуществляемой деятельности вариантами реализации данного типа являются:

1) *производственная модель*: компания осуществляет производство и реализацию товаров посредством традиционных каналов продаж;

2) *розничная модель*: компания выступает в роли торгового посредника, реализуя товары конечным потребителям через систему розничных сбытовых каналов;

3) *оптовая модель*: компания оперирует на деловом рынке в роли сбытового посреднического звена, взаимодействуя с поставщиками-производителями и компаниями-покупателями и связывая их в цепи товародвижения;

4) *франчайзинговая модель*: компания предоставляет партнерам право использовать свой бренд, товары и услуги на определенных условиях за вознаграждение;

5) *сервисная модель*: компания занимается предоставлением услуг через традиционные каналы продаж, такие как сервисные центры, магазины, офисы;

6) *арендная модель*: компания предоставляет в аренду свои товары или услуги, такие как автомобили, недвижимость, оборудование, инструменты;

7) *финансовая модель*: компания предоставляет финансовые услуги, такие как кредиты, страхование, инвестиции, через традиционные каналы продажи: банки, страховые компании, инвестиционные фонды.

Бизнес-модели переходного типа используются компаниями в процессе перехода от аналоговой модели к цифровой в условиях переходного состояния экономики (Нига́й, 2022b, с. 136). Вариантами переходной бизнес-модели являются:

1) *модель смешанного подхода*: в компании формируются точечные элементы цифровизации, позволяющие внедрить информационные технологии в отдельные бизнес-процессы с целью их ускорения, оптимизации и повышения эффективности;

2) *модель тестового периода* (направления): компания запускает новое направление бизнеса, основанное на использовании цифровых технологий, в тестовом режиме, чтобы оценить его эффективность и перспективы (например, запуск онлайн-сервисов для охвата новых территориальных рынков);

3) *модель плавного перехода*: компания поступательно реализует долгосрочный план перехода от аналоговой версии бизнес-процессов к цифровой, чтобы повысить эффективность и конкурентоспособность, снизить риски и минимизировать потери;

4) *модель сотрудничества*: компания начинает сотрудничать с другими компаниями или стартапами с целью использования их технологий и сервисов для совершенствования концепции бизнеса;

5) *гибридная бизнес-модель*: компания сочетает в своей деятельности элементы аналоговых и цифровых моделей бизнеса (например, одновременно использует традиционные каналы продаж и онлайн-платформы взаимодействия с клиентами).

Цифровой тип бизнес-модели основан на использовании цифровых технологий для производства, распространения и продажи товаров и услуг (Нигаи и Наумченко, 2023, с. 68). Вариантами цифровой бизнес-модели являются:

1) *модель онлайн-магазина*: продажи товаров через Интернет на основе онлайн-магазина или платформ электронной коммерции, таких как Amazon, eBay, Alibaba;

2) *модель подписки*: предоставление доступа к услугам или контенту на основе ежемесячной или годовой подписки. Например, Netflix, Spotify, Adobe;

3) *модель рекламы*: получение доходов от рекламы, размещаемой на сетевых платформах или сайтах. Например, Google, Facebook, YouTube;

4) *модель маркетплейса*: создание платформы для связи и взаимодействия продавцов и покупателей с получением комиссионного вознаграждения за каждую сделку. Например, Airbnb, Uber, Etsy;

5) *модель фриум*: предложение бесплатных базовых услуг и платного расширенного функционала. Например, Dropbox, LinkedIn, Skype;

6) *модель облачного сервиса*: предоставление доступа к услугам и данным через облачные технологии. Например, Salesforce, GoogleDrive, MicrosoftAzure;

7) *модель социальной сети*: генерирование платформы для социального взаимодействия пользователей с получением дохода от рекламы или продажи данных. Например, Facebook, Instagram³, Twitter;

8) *модель искусственного интеллекта*: использование искусственного интеллекта для создания новых продуктов и услуг или улучшения существующих. Например, Siri, Alexa, GoogleAssistant.

Разрастание цифровых бизнес-моделей в ряде случаев приводит к формированию цифровых экосистем бизнеса в виде сети цифровых технологий, платформ и услуг, которые взаимодействуют друг с другом в создании ценности для бизнеса и потребителей⁴.

На сегодняшний день цифровые бизнес-экосистемы очень разнообразны и охватывают множество сфер деятельности как на уровне бизнеса, так и на уровне государственного управления.

Цифровые бизнес-экосистемы – это совокупность цифровых компаний, предприятий, клиентов, поставщиков, конкурентов и других участников, которые взаимодействуют с целью облегчения цифровых транзакций, общения и сотрудничества на различных этапах клиентского пути.

Бизнес-экосистемы могут быть представлены следующими вариантами:

³ Meta Platforms Inc. признана экстремистской, ее деятельность запрещена на территории Российской Федерации. Социальные сети Facebook, Instagram запрещены на территории Российской Федерации.

⁴ Talin B. Что такое цифровая экосистема? – Понимание наиболее выгодной бизнес-модели [Электронный ресурс] // MoreThanDigital. 2023. 20 янв. URL: <https://morethandigital.info/ru/chto-takoye-tzifrovaya-ekosistemya-ponimaniye-naibolyeye-viguodnoy-biznyes-modyeli/> (дата обращения: 05.05.2023).

1) *цифровые платформы* – объединяют продавцов и покупателей для обеспечения эффективного сотрудничества. Некоторые платформы включают в себя Amazon, Alibaba и Uber;

2) *экосистемы облачных сервисов* – предоставляются для хранения, обработки и передачи данных. Некоторые экосистемы облачных сервисов включают в себя AmazonWebServices, MicrosoftAzure и GoogleCloud;

3) *экосистемы социальных сетей* – объединяют пользователей для обмена информацией и взаимодействия. Некоторые экосистемы социальных сетей включают Facebook, Instagram и Twitter;

4) *экосистемы Интернета вещей (IoT)* – предполагают выстраивание сети устройств, взаимодействующих внутри экосистемы и за ее пределами посредством Интернета. Некоторые экосистемы IoT включают в себя «умный дом» и «умный город»;

5) *экосистемы искусственного интеллекта (AI)* – предполагают использование компаниями искусственного интеллекта для улучшения бизнес-процессов и создания новых продуктов и услуг. Некоторые экосистемы AI включают в себя Google, IBM и Microsoft;

6) *экосистемы электронной коммерции* – используют Интернет для продажи товаров и услуг. Некоторые экосистемы электронной коммерции включают в себя Amazon, eBay и Alibaba;

7) *экосистемы блокчейна* – предполагают использование распределенных баз данных для хранения и передачи информации в безопасной и прозрачной форме. Некоторые экосистемы блокчейна включают в себя Bitcoin и Ethereum.

Необходимо отметить, что иногда фаза становления и развития цифровой экономики может не совпадать с фазой цифровизации бизнеса, в результате наблюдается асинхронность процессов цифровизации. Идентификация и описание механизмов формирования разнообразных видов цифровых бизнес-экосистем важны для понимания взаимодействия компаний в цифровой экономике, а также научного предвидения перспектив их развития.

Изменение бизнес-моделей в условиях трансформации и смены экономического уклада влечет соответствующую модификацию управленческих подходов в системе менеджмента организаций. Происходит поступательное внедрение и концептуальное развитие прогрессивных управленческих подходов в соответствии с уровнем развития технологий. В таблице 1 представлена динамика изменений в системе управления организацией в условиях аналоговой, переходной и цифровой экономики.

Управленческий аспект трансформации бизнес-моделей организаций и становления цифровых бизнес-экосистем рассматривается с позиций структурных и функциональных характеристик системы управления. Первые включают в себя такие элементы, как организационная структура, культура управления, принципы, методы, инструменты управления и ресурсы. Каждый из этих элементов изменяется от аналоговых до цифровых вариан-

Изменение системы управления организацией в условиях аналоговой, переходной и цифровой экономики / Organization's management system changes under conditions of analog, transitional and digital economies

Элементы системы управления организацией	Аналоговая экономика	Переходная (предцифровая) экономика	Цифровая экономика
<i>Структурные характеристики системы</i>			
Организационная структура	Традиционные технологии и принципы построения организационной структуры	Более гибкие и адаптивные принципы построения организационных структур	Частичная или полная виртуализация организационных структур
Культура управления	Управленческая культура выстраивается в системе достижения целей, касающихся материального производства и «реального» взаимодействия	Адаптация управленческой культуры в соответствии с уровнем развития технологий и цифровых инструментов	Формирование «цифрового» сознания и мышления
Принципы, методы, инструменты управления	Аналоговые инструменты и методы управления	Сочетание аналоговых инструментов и методов управления с постепенным расширением использования цифровых	Цифровые технологии вытесняют и замещают аналоговые инструменты
Ресурсы	Материальные, информационные	Материальные, информационные, цифровые (в начальной стадии)	Доминирование цифровых ресурсов
<i>Функциональные характеристики системы</i>			
Планирование	Преобладание традиционных аналоговых процессов	Частичная «оцифровка» отдельных процессов и функций	Вытеснение и замещение аналоговых процессов цифровыми
Организация			
Реализация			
Контроль			

Источник: составлено автором.

тов по мере развития и внедрения цифровых информационных технологий, поступательно интегрируясь в цифровую архитектуру бизнес-модели организации. Традиционные функциональные характеристики системы управления организацией в виде планирования, организации, реализации и контроля также трансформируются – от преобладания аналоговых бизнес-процессов в системе аналоговой экономики до частичной и полной «оцифровки» процессов в рамках переходной и цифровой экономики.

Изменение системы управления закономерно должно соответствовать уровню прогрессивности производственных, сервисных и управленческих технологий, обеспечивая целостность и системность развития выбранной бизнес-модели.

Тенденции развития цифровых бизнес-экосистем

В исследованиях Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара представлены стадии развития цифровых экосистем: зарождение, формирование и зрелость⁵ (рис. 3).

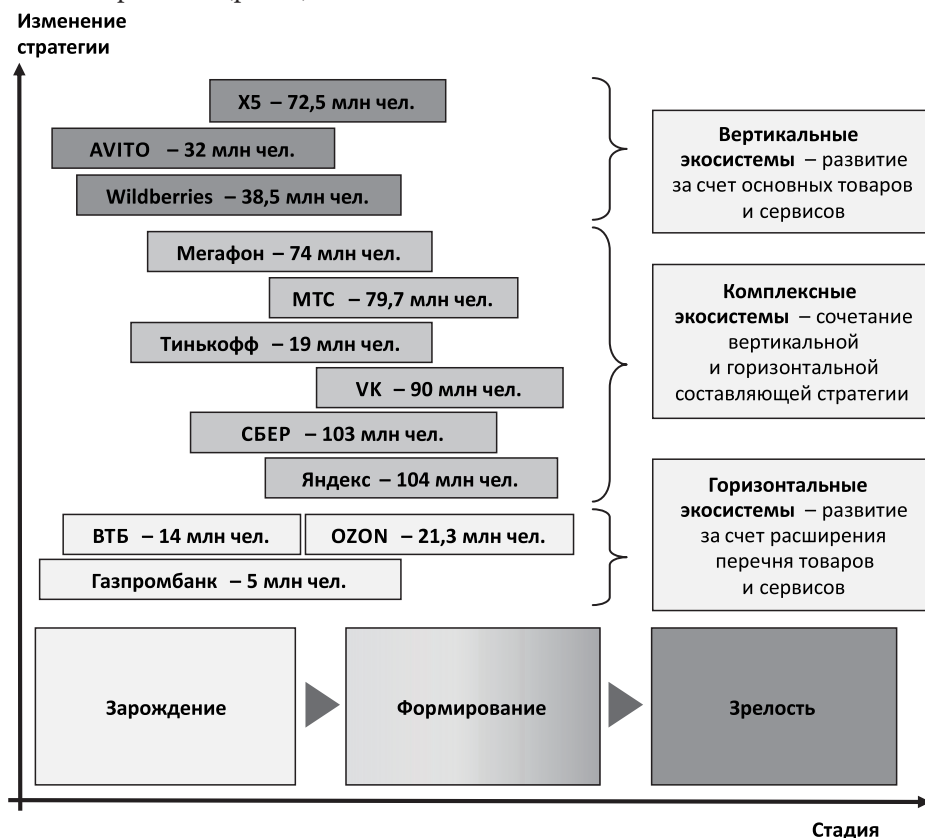

Рис. 3. Развитие цифровых экосистем / Fig. 3. Development of digital ecosystems

⁵ Цифровые экосистемы в России: эволюция, типология, подходы к регулированию – 2022 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара. 2022. 16 июня. С. 41. URL: https://www.iep.ru/files/news/Issledovanie_jekosistem_Otchet.pdf (дата обращения: 01.05.2023).

Стадия зарождения предполагает формирование экосистемной модели организации, которая, масштабируясь, стремится к завоеванию существенной доли рынка – до 50 %. Характерной чертой экосистемы на данной стадии является активное проникновение в смежные рынки и отрасли. Стадия формирования связана с завоеванием значительной доли рынка – до 80 % и продолжением экосистемной экспансии по вертикали и горизонтали цепочки создания ценности. Необходимо отметить, что на обеих стадиях довольно высоки риски снижения активности экосистемы, потери доли рынка, задержки и отсутствия перехода на следующую стадию. По данным Института Брюса Хендерсона BCG (The BCG Henderson Institute), лишь около 15 % сформировавшихся экосистем сохраняют жизнеспособность в долгосрочной перспективе⁶. Стадия зрелости характеризуется сформированностью, стабильностью и устойчивостью экосистемы, которая занимает лидирующее положение в течение длительного периода.

По данным отчетов Института экономической политики им. Е. Т. Гайдара, а также аналитического медиаресурса CDO2day, цифровые экосистемы в России находятся на стадиях зарождения и формирования и пока не в полной мере реализовали свой потенциал. Средний размер прибыли экосистем российского бизнеса примерно в 60 раз меньше мировых аналогов⁷.

Ориентиры развития, обозначенные в Стратегии, привели к усилению роли цифровых экосистем и, как следствие, развитию цифровых бизнес-решений и трансформации бизнес-моделей. Характеризуя динамику изменения бизнес-моделей и процессов в организациях, можно выделить следующие тенденции развития цифровых экосистем:

1. Использование цифровых технологий и инструментов в сочетании с аналоговыми.

По данным исследования тенденций цифровизации бизнеса, в 2022 году индекс цифровизации бизнеса составил 52 п. п.⁸ Большинство компаний внедрило и активно применяет такие категории цифровых инструментов, как корпоративная почта, электронный документооборот, детализированный корпоративный сайт, цифровые сервисы ведения денежных операций, онлайн-карты в геолокационных сервисах (Yandex-карты, Google-maps, 2ГИС), а также использует мессенджеры, инструменты онлайн-продвижения и защиты данных. В то же время специализированные инструменты цифровизации бизнес-процессов, связанные с учетом, управлением, производством, внедряются организациями менее активно. В таблице 2 представлены данные о целях использования цифровых технологий в организациях в 2021 году.

⁶ Там же. С. 38.

⁷ Российские цифровые экосистемы: перспективы развития [Электронный ресурс] // CDO2day. 2022. 10 нояб. URL: <https://cdo2day.ru/analytics/cifrovye-jekosistemy-v-rossii-perspektivy-razvitiya/> (дата обращения: 28.04.2023); *Цифровые экосистемы в России ...* С. 42.

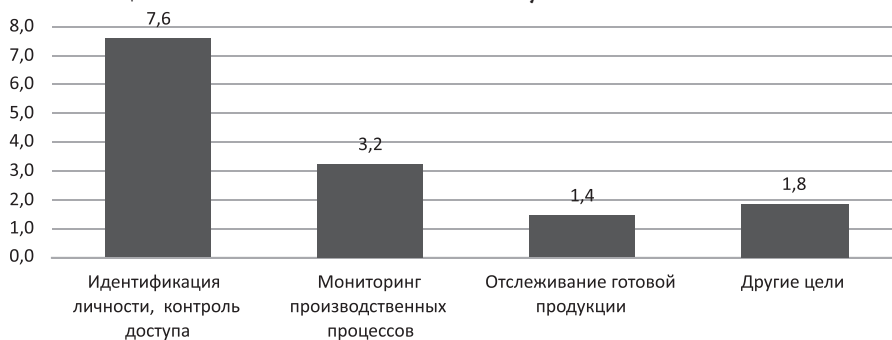
⁸ *Уровень цифровизации бизнеса в России* [Электронный ресурс] // Сайт Акад. бизнеса «Открытие». 2023. 12 янв. URL: <https://academyopen.ru/journal/850> (дата обращения: 30.04.2023).

**Использование цифровых технологий в организациях /
Using digital technologies in organizations**

Цели использования цифровых технологий / комментарий

Цели использования технологий искусственного интеллекта

RFID-технологии используются в основном для идентификации личности, контроля доступа, мониторинга производственных процессов; среднее проникновение 3,5 %

Цели использования технологий искусственного интеллекта

Технологии искусственного интеллекта используются в интеллектуальной аналитике, автоматизации процессов, при обработке языка, технологий компьютерного зрения; среднее проникновение 3%

Источник: составлено автором на основе (Абдрахманова и др., 2023).

Как видно, степень проникновения цифровых технологий в бизнес-процессы невысока, тем не менее скорость их внедрения растет, что характерно для стадии формирования цифровых бизнес-моделей.

2. Развитие системы обучения кадровых ресурсов цифровым компетенциям.

Активно ведется подготовка кадров для цифровой экономики. Численность студентов, обучающихся по образовательным программам в области информационных технологий, в 2021 году составила:

- в сфере среднего профессионального образования – 347 тыс. человек, или 12,1 % от общей численности студентов (прирост по сравнению с 2020 годом 6 %);

- в сфере высшего образования – 1 037,3 тыс. человек, или 25,6 % от общей численности студентов (прирост около 0,04 %);

- в сфере подготовки научных и научно-педагогических кадров в аспирантуре – 30,36 тыс. человек, или 33,2 % от общего числа обучающихся (прирост – 0,5 %) (Абдрахманова, 2023, с. 134).

В таблице 3 представлены данные о распределении общей численности студентов, обучающихся по образовательным программам направлений подготовки в сфере информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), по статусам фактического обучения, приема и выпуска.

Таблица 3 / Table 3

Численность студентов, обучающихся по образовательным программам в сфере ИКТ, тыс. чел. / Number of students enrolled in ICT education programs, thousand people

Численность студентов в зависимости от статуса обучения	2020 г.	2021 г.	Динамика, %
Численность студентов, обучающихся по направлениям сферы ИКТ, тыс. чел.	1036,9	1037,3	100,04
Прием студентов по направлениям сферы ИКТ, тыс. чел.	294,6	306,6	104,07
Выпуск студентов по направлениям сферы ИКТ, тыс. чел.	220,7	208,2	94,34
Всего	1552,2	1552,1	99,99

Источник: составлено автором на основе (Абдрахманова и др., 2023).

Как видим из указанных в таблице 3 данных, численность обучающихся в 2021 году незначительно увеличилась по сравнению с 2020 годом (+0,04 %). Та же динамика, но более заметная, прослеживается для приема студентов на программы в сфере ИКТ (+4,07 %). Однако выпуск студентов по исследуемым программам характеризуется тенденцией к сокращению (-5,66 %).

3. Формирование и рост цифровой инфраструктуры.

Уровень инновационной активности предприятий сектора ИКТ характеризуется тенденцией устойчивого роста с 2018 года, средние темпы роста ежегодно составляют 0,1 %. Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров и выполненных работ, услуг составил 9,4 %, увеличившись по отношению к 2020 году на 1,8 п. п.

Валовые внутренние затраты на развитие цифровой экономики в 2021 году достигли 3,7 % от ВВП с учетом внутренних затрат организаций и домаш-

них хозяйств на генерацию и использование цифровых технологий. При этом по сравнению с 2020 годом доля затрат в ВВП снизилась на 0,1 %, однако в абсолютном выражении величина затрат выросла с 4063 до 4848 млрд рублей без учета затрат на цифровой контент. По структуре затрат основная доля приходится на приобретение машин и оборудования на базе цифровых технологий (33,5 %) и оплату информационно-коммуникационных услуг (30,6 %). Затраты на приобретение программного обеспечения и цифрового контента составляют соответственно 10,5 и 6,5 %, на исследования и разработки – 0,7 %. Удельный вес инновационных товаров в общем объеме продукции сектора ИКТ в 2021 году составил 3,2 %.

Доступ к Интернету домашних хозяйств достиг в 2021 году 84 %: в городской местности – 86 %, в сельской – 78 %. При этом преобладает доступ с мобильных телефонов/смартфонов, карманных персональных компьютеров – 78,1 %. Чуть меньше для доступа в Интернет используются ноутбуки, планшеты, стационарные компьютеры – в среднем около 30 %. И незначительная доля приходится на телевизоры с функцией доступа в Интернет и игровые приставки – в среднем до 20 %. Все это свидетельствует о цифровой мобильности и довольно высокой обеспеченности населения цифровыми устройствами.

Среди организаций доля субъектов с фиксированным широкополосным доступом в Интернет составила в 2021 году 73,8 %, с мобильным широкополосным доступом – 36 %. Рисунок 3 демонстрирует характер использования цифровых технологий в организациях в 2020 и 2021 годах: при наблюдаемой динамике роста востребованности диджитал-инструментов очевидна невысокая степень их проникновения в организационные бизнес-процессы (Абдрахманова и др., 2023, с. 32).

Рис. 4. Характер использования цифровых технологий в организациях в 2020–2021 гг. / Fig. 4. The use of digital technologies in organizations, 2020–2021

Источник: составлено автором на основе (Абдрахманова и др., 2023).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трансформация бизнес-моделей характеризуется последовательностью и поступательностью процессов: от традиционных инструментов к смешанным и цифровым технологиям, свойственным цифровой экономике, от традиционных бизнес-моделей к смешанным и инновационным, а в дальнейшем к цифровым экосистемам. В России экосистемы находятся на стадии зарождения и формирования с преобладанием горизонтального или комплексного типов развития.

Цифровизация бизнес-процессов в организациях предполагает поступательное внедрение цифровых технологий в различные сферы бизнеса и направления деятельности с целью повышения эффективности и конкурентоспособности экономических структур.

В России этот процесс активно поддерживается государством посредством разработки и реализации инициатив стимулирования цифровизации бизнеса – Стратегии, а также национальных проектов «Цифровая экономика», «Цифровая культура», «Цифровая образовательная среда» и др. В рамках этих инициатив предусмотрены меры по развитию цифровых технологий, обучению персонала, созданию цифровых инструментов и сервисов, включая проектирование единой цифровой платформы для бизнеса, развитие электронной коммерции и электронного правительства, а также поддержку цифровых стартапов. Весь этот комплекс мероприятий направлен на развитие цифровой инфраструктуры, повышение качества услуг и улучшение качества жизни граждан.

Цифровизация бизнес-процессов позволяет компаниям повысить эффективность работы, сократить издержки, улучшить качество услуг и товаров, а также расширить рынок и увеличить конкурентоспособность.

Основными тенденциями цифровизации бизнеса в России в настоящее время являются:

1) развитие электронной коммерции: переход на онлайн-продажи с использованием интернет-магазинов, маркетплейсов и других цифровых платформ позволяет компаниям расширить рынок и увеличить продажи;

2) внедрение искусственного интеллекта и машинного обучения: указанные технологии используются для автоматизации бизнес-процессов, улучшения качества услуг и товаров, анализа данных и принятия решений;

3) создание и развитие цифровых платформ и экосистем: цифровые платформы объединяют партнерские компании и предоставляют им доступ к общим ресурсам и инструментам, что способствует сокращению издержек и повышает эффективность работы, усиливает систему взаимодействия с партнерами в цепочках создания ценности;

4) рост использования облачных технологий: облачные сервисы для хранения данных, управления бизнес-процессами и других задач позволяют сократить издержки на IT-инфраструктуру, а также повысить гибкость работы;

5) развитие цифровых навыков, то есть активное обучение и формирование принципиально новых категорий трудовых ресурсов.

В целом процессы цифровизации бизнеса в России характеризуются динамичностью развития и относятся к категории значимых факторов конкурентоспособности компаний. Формирование цифровых экосистем бизнеса ста-

новится неотъемлемой составляющей современной реальности, обеспечивая конкурентоспособность и эффективность организаций в условиях быстро меняющегося рынка.

Список источников

Алиев А. Г., Шахвердиева Р. О. Вопросы применения технологий цифровых двойников в организации и управлении деятельностью инновационных предприятий // Информационные технологии. 2023. Т. 29, № 3. С. 162–168. <https://doi.org/10.17587/it.29.162-168>.

Антохонова И. В. Тенденции перехода от аналоговой к цифровой экономике в секторах региональной экономики // Моделирование развития социально-экономического потенциала территории в условиях современных вызовов: материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Науч. ред. И. В. Антохонова. Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2018. С. 207–211.

Бейсембай Е. Цифровая экономика как фундаментальная основа интенсивного развития постиндустриального общества // Вестник Карагандинского университета. Серия: Экономика. 2019. Т. 96, № 4. С. 207–219.

Бутенко Е. Д. От аналоговой до цифровой. Эволюция или революция? [Электронный ресурс] // Управление в экономических и социальных системах. 2021. № 3. С. 21–26. URL: https://www.journal-mes.ru/_files/ugd/98be83_8b7f7ae4e7b34afcbe83e1374807c8c3.pdf (дата обращения: 14.04.2023).

Ватутина Л. А., Злобина Е. Ю., Хоменко Е. Б. Цифровизация и цифровая трансформация бизнеса: современные вызовы и тенденции // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2021. Т. 31, № 4. С. 545–551. <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2021-31-4-545-551>.

Доржиева В. В. Россия в процессе цифровой трансформации мировой экономики // Россия и современный мир. 2022. № 3. С. 27–39. <https://doi.org/10.31249/rsm/2022.03.02>.

Емельянов Н. В. Сравнительный анализ основных параметров цифровой и аналоговой экономик [Электронный ресурс] // Синергия наук. 2018. № 26. С. 142–149. URL: <http://synergy-journal.ru/archive/article2814> (дата обращения: 18.04.2023).

Земцов С. П., Демидова К. В., Кичаев Д. Ю. Распространение интернета и межрегиональное цифровое неравенство в России: тенденции, факторы и влияние пандемии // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 4. С. 57–78. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-4>.

Индикаторы цифровой экономики 2022: стат. сб. / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневецкий и др. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 332 с. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2697-2>.

Косолап Е. Ю. Аналоговая и цифровая: себестоимость и экономика // Инновации в менеджменте. 2022. № 3. С. 46–53.

Миленький А. В., Хартанович К. В., Дмитриев Ю. А. От «аналоговой» к «цифровой» экономике // Ученые записки. 2018. № 4. С. 94–98.

Нигай Е. А. Многомерная модель конкурентоспособности организации в условиях трансформации конкурентных отношений: обоснование и прин-

- ципы построения // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2022a. № 5. С. 54–69. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2022-5-54-69>.
- Нигай Е. А. Процесс цифровизации бизнеса: от точечной оцифровки бизнес-процессов к цифровой трансформации // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2022b. № 2. С. 134–145. <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2022-2-134-145>.
- Нигай Е. А., Наумченко А. А. От SPOD к BANI: цифровая трансформация бизнес-модели организации сферы недвижимости // Управленческое консультирование. 2023. № 5. С. 63–75. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-5-63-75>.
- Усков В. С. Развитие информационного общества в РФ: проблемы и перспективы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 2. С. 120–137. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.8>.
- Юдина Т. Н. Цифровой сегмент реальной экономики: цифровая экономика в контексте аналоговой // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2019. Т. 12, № 2. С. 7–18. <https://doi.org/10.18721/ЖЕ.12201>.
- Bal H. C., Erkan C. Industry 4.0 and competitiveness // Procedia Computer Science. 2019. Vol. 158. P. 625–631. <https://doi.org/10.1016/j.procs.2019.09.096>.
- Brix J. Building capacity for sustainable innovation: A field study of the transition from exploitation to exploration and back again // Journal of Cleaner Production. 2020. Vol. 268. Art. № 122381. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.122381>.
- Buyanova M. E., Kalinina A. E., Averina I. S. Digital transformation of the national economic system: Identification of key determinants // New technology for inclusive and sustainable growth. Perception, challenges and opportunities/ Ed. by E. I. Inshakova, A. O. Inshakova. Singapore: Springer, 2022. P. 111–119. https://doi.org/10.1007/978-981-16-9804-0_10.
- Culot G., Nassimbeni G., Orzes G. et al. Behind the definition of Industry 4.0: Analysis and open questions // International Journal of Production Economics. 2020. Vol. 226. Art. № 107617. <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2020.107617>.
- Milovanov P. D. Customer-oriented management of business processes in a digital economy // Russian Engineering Research. 2022. Vol. 42. P. 72–74. <https://doi.org/10.3103/S1068798X22010142>.
- Petrenko S. Cyber security innovation for the digital economy: A case study of the Russian Federation. Gistrup: River Publishers, 2018. 490 p.
- Randhawa K., Wilden R., Gudergan S. How to innovate toward an ambidextrous business model? The role of dynamic capabilities and market orientation // Journal of Business Research. 2020. Vol. 130. P. 618–634. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.05.046>.
- Tyulin A. E., Chursin A. A., Yudin A. V. et al. Approaches for creating a digital ecosystem of an industrial holding // Distributed Computer and Communication Networks. DCCN 2021. Communications in Computer and Information Science. Vol. 1552 / Ed. by V. M. Vishnevskiy, K. E. Samouylov, D. V. Kozyrev. Cham: Springer, 2022. P. 433–444. https://doi.org/10.1007/978-3-030-97110-6_34.
- Verhoef P. C., Broekhuizen T., Bart Y. et al. Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda // Journal of Business Research. 2021. Vol. 122. P. 889–901. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.09.022>.

Информация об авторе

Е. А. Нигай – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления Института международного бизнеса, экономики и управления ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», 690014, Россия, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

SPIN-код (РИНЦ): 9372-0442

AuthorID (РИНЦ): 612808

Web of Science ResearcherID: ABQ-2522-2022

Scopus Author ID: 57213829625

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 11.05.2023; одобрена после рецензирования 21.06.2023; принята к публикации 21.06.2023.

References

Aliyev, A. G. and Shahverdiyeva, R. O. (2023), “Issues of application of digital twin technologies in the organization and management of the activities of innovative enterprises”, *Information Technologies*, vol. 29, no. 3, pp. 162–168, <https://doi.org/10.17587/it.29.162-168>.

Antohonova, I. V. (2018), “Transition tendencies from analog to digital economy in sectors of regional economy”, in Antohonova, I. V. (ed.), *Modelirovanie razvitiya sotsial'no-ekonomicheskogo potentsiala territorii v usloviyakh sovremennykh vyzovov* [Modeling of development of social and economic capacity of the territory in the conditions of modern calls: materials of the international scientific-practical conference], VSGUTU (East Siberian State University of Technology and Management) publishing house, Ulan-Ude, Russia, pp. 207–211.

Beisembai, Ye. (2019), “The digital economy as a fundamental foundation intensive development of post-industrial society”, *Bulletin of Karaganda University. Economy Series*, vol. 96, no. 4, pp. 207–219.

Butenko, E. D. (2021), “Analogue to digital. Evolution or revolution?”, *Management in Economic and Social Systems*, no. 3, pp. 21–26 [Online], available at: https://www.journal-mes.ru/_files/ugd/98be83_8b7f7ae4e7b34afcbe83e1374807c8c3.pdf (Accessed Apr. 14, 2023).

Vatutina, L. A., Zlobina, E. Yu. and Homenko, E. B. (2021), “Digitalization and digital transformation of business: Modern challenges and trends”, *Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law*, vol. 31, no. 4, pp. 545–551, <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2021-31-4-545-551>.

Dorzhieva, V. V. (2022), “Russia in the process of digital transformation of the world economy”, *Russia and the Contemporary World*, no. 3, pp. 27–39, <https://doi.org/10.31249/rsm/2022.03.02>.

Emelyanov, N. V. (2018), “Comparative analysis of the main parameters of digital and analog economies”, *Sinergiya nauk*, no. 26, pp. 142–149 [Online], available at: <http://synergy-journal.ru/archive/article2814> (Accessed Apr. 18, 2023).

Zemtsov, S. P., Demidova, K. V. and Kichaev, D. Yu. (2022), “Internet diffusion and interregional digital divide in Russia: Trends, factors, and the influence of the pandemic”, *Baltic Region*, vol. 14, no. 4, pp. 57–78, <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-4-4>.

Abdrakhmanova, G. I., Vasilkovskiy, S. A. and Vishnevskiy, K. O. et al. (eds.) (2023), *Indikatory tsifrovoi ekonomiki 2022: statisticheskii sbornik* [Digital economy indicators in the Russian Federation: 2022: Data book], HSE Press, Moscow, Russia, <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2697-2>.

Kosolap, E. Yu. (2022), “Analog and digital: Cost and economy”, *Innovations in Management*, no. 3, pp. 46–53.

Milenkiy, A. V., Khartanovich, K. V. and Dmitriev, Yu. A. (2018), “From “analog” to “digital” economy”, *Uchenye zapiski*, no. 4, pp. 94–98.

Nigay, E.A. (2022a), “Organization’s competitiveness multidimensional model in the context of competitive transformation: Justification and construction principles”, *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*, no. 5, pp. 54–69, <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2022-5-54-69>.

Nigay, E. A. (2022b), “Business digitalization process: From point-to-point business process digitization to digital transformation”, *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*, no. 2, pp. 134–145, <https://doi.org/10.24412/2071-6435-2022-2-134-145>.

Nigay, E. A. and Naumchenko, A. A. (2023), “From SPOD to BANI: Digital transformation of the real estate organization business model”, *Administrative Consulting*, no. 5, pp. 63–75, <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-5-63-75>.

Uskov, V. S. (2022), “Development of the information society in the Russian Federation: Problems and prospects”, *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, vol. 15, no. 2, pp. 120–137, <https://doi.org/10.15838/esc.2022.2.80.8>.

Yudina, T. N. (2019), “Digital segment of the real economy: Digital economy in the context of analog economy”, *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*, vol. 12, no. 2, pp. 7–18, <https://doi.org/10.18721/JE.12201>.

Bal, H. C. and Erkan, C. (2019), “Industry 4.0 and competitiveness”, *Procedia Computer Science*, vol. 158, pp. 625–631, <https://doi.org/10.1016/j.procs.2019.09.096>.

Brix, J. (2020), “Building capacity for sustainable innovation: A field study of the transition from exploitation to exploration and back again”, *Journal of Cleaner Production*, vol. 268, art. no. 122381, <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2020.122381>.

Buyanova, M. E., Kalinina, A. E. and Averina, I. S. (2022), “Digital transformation of the national economic system: Identification of key determinants”, in Inshakova, E. I. and Inshakova, A. O. (eds.), *New technology for inclusive and sustainable growth. Perception, challenges and opportunities*, Springer, Singapore, pp. 111–119, https://doi.org/10.1007/978-981-16-9804-0_10.

Culot, G., Nassimbeni, G., Orzes, G. et al. (2020), “Behind the definition of Industry 4.0: Analysis and open questions”, *International Journal of Production Economics*, vol. 226, art. no. 107617, <https://doi.org/10.1016/j.ijpe.2020.107617>.

Milovanov, P. D. (2022), “Customer-oriented management of business processes in a digital economy”, *Russian Engineering Research*, vol. 42, pp. 72–74, <https://doi.org/10.3103/S1068798X22010142>.

Petrenko, S. (2018), *Cyber security innovation for the digital economy: A case study of the Russian Federation*, River Publishers, Gistrup, Denmark.

Randhawa, K., Wilden, R. and Gudergan, S. (2020), “How to innovate toward an ambidextrous business model? The role of dynamic capabilities and market orientation”, *Journal of Business Research*, vol. 130, pp. 618–634, <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.05.046>.

Tyulin, A. E., Chursin, A. A., Yudin, A. V. et al. (2022), “Approaches for creating a digital ecosystem of an industrial holding”, in Vishnevskiy, V. M., Samouylov, K. E. and Kozyrev, D. V. (eds.), *Distributed Computer and Communication Networks. DCCN 2021. Communications in Computer and Information Science*, vol. 1552, Springer, Cham, Switzerland, pp. 433–444, https://doi.org/10.1007/978-3-030-97110-6_34.

Verhoef, P. C., Broekhuizen, T., Bart, Y. et al. (2021), “Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda”, *Journal of Business Research*, vol. 122, pp. 889–901, <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.09.022>.

Information about the author

E. A. Nigay – Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Management, School of International Business, Economics and Management, Vladivostok State University, 41 Gogol Str., Vladivostok, 690014, Russia

SPIN-code (RSCI): 9372-0442

AuthorID (RSCI): 612808

Web of Science ResearcherID: ABQ-2522-2022

Scopus Author ID: 57213829625

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 11.05.2023; approved after reviewing 21.06.2023; accepted for publication 21.06.2023.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 3. С. 377–405.

Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 3, pp. 377–405.

Научная статья

УДК 332/132:[334.72:004]

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-377-405>

ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ ЦИФРОВОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РЕГИОНАХ РОССИИ

Вилена Анатольевна Якимова¹, Светлана Валентиновна Панкова²✉

^{1,2} Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия

¹vilena_yakimova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5866-5652>

² Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия,

pankov@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-3632-6702>

Аннотация. Введение: реализация национальной программы «Цифровая экономика» оказывает воздействие на развитие предпринимательского сектора как в России, так и в регионах. Структурные элементы региональных предпринимательских экосистем призваны способствовать развитию цифрового предпринимательства. Нами выдвинута гипотеза, что степень влияния экосистемных субститутов на приращение результативности региональной экономики за счет цифрового сектора различается в индустриальных и неиндустриальных типах регионов. **Цель:** определение закономерностей размещения точек роста цифрового предпринимательства в регионах в целом, а также по типам (индустриальные и прочие) в зависимости от воздействия факторов региональной среды. **Методы:** статистических группировок, сравнения и сопоставления, корреляционно-регрессионного анализа, эконометрического моделирования. **Результаты:** на основании исследований, проведенных с использованием данных по 85 субъектам Российской Федерации за 2018–2021 годы, получены показатели высокой и заметной связи числа организаций сектора информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) с показателями цифровой инфраструктуры, высокой связи – с финансовой обеспеченностью и с числом региональных проектов в области сквозных технологий. Сформированы регрессионные модели, демонстрирующие рост удельного веса и темпов роста объемов производства компаний ИКТ-сектора, а также электронной коммерции в различных типах регионов. **Выводы:** подтверждается гипотеза о заметном влиянии специализации региона на особенности и темпы развития цифрового предпринимательства. Индустриальные регионы не демонстрируют опережающего роста числа субъектов цифрового предпринимательства в силу значительного временного лага до момента проявления прироста объемов производства, обусловленного внедрением и использованием цифровых технологий, но показывают высокую чувствительность к развитию научно-технологической инфраструктуры, более активно проявляются в части спроса и потребления цифровых технологий. В прочих регионах опережающими темпами развивается электронная торговля, сфера услуг с применением цифровых платформ, а для роста объема цифровой экономики большее значение имеют стимулирование проектов в области информационных технологий и состояние научно-образовательной среды.

Ключевые слова: региональное предпринимательство, цифровое предпринимательство, цифровые платформы, цифровые лидеры, предпринимательская среда

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00044 «Концептуальная модель региональной предпринимательской экосистемы в условиях цифровой среды», <https://rscf.ru/project/23-28-00044>.

Для цитирования: Якимова В. А., Панкова С. В. Закономерности размещения цифрового предпринимательства в регионах России // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2023. Т. 15, № 3. С. 377–405. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-377-405>.

Original article

DIGITAL ENTREPRENEURSHIP PLACEMENT REGULARITIES IN THE REGIONS OF RUSSIA

Vilena A. Yakimova¹, Svetlana V. Pankova²✉

^{1,2} Amur State University, Blagoveshchensk, Russia

¹ vilena_yakimova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5866-5652>

² Orenburg State University, Orenburg, Russia,

pankovs@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-3632-6702>

Abstract. Introduction: the implementation of the “Digital Economy” national program has an impact on business sector development both in Russia and in the regional aspect. The structural elements of regional entrepreneurial ecosystems are designed to promote the development of digital entrepreneurship. It has been hypothesized that the ecosystem substitutes influence on the increment of regional economic performance due to the digital sector differs in industrial and non-industrial types of regions. **Objectives:** to determine the growth points placement patterns for digital entrepreneurship in the regions as a whole, as well as by types (industrial and others), depending on the impact of factors in the regional environment. **Methods:** statistical groupings, comparison and matching, correlation and regression analysis, econometric modeling. **Results:** the data on 85 subjects of the Russian Federation for 2018–2021 have been examined, revealing a strong and noticeable correlation between the number of organizations in the information and communication technology (ICT) sector and the indicators of digital infrastructure, as well as strong correlation between financial security and the number of regional projects in the field of end-to-end technologies. Regression models have been built demonstrating the growth of the share and growth rates of production volumes in ICT sector and e-commerce companies in various types of regions. **Conclusions:** the above hypothesis has been confirmed stating that the region’s specialization has a significant impact on the features and pace of digital entrepreneurship development. Industrial regions do not demonstrate outpacing growth of digital businesses due to a significant time lag until the moment the production volumes increase resulting from the introduction and use of digital technologies manifests itself. Industrial regions show a high sensitivity to the development of scientific and technological infrastructure and have a more active demand and consumption of digital technologies. In other regions show a faster developing e-commerce and the service sector using digital platforms. Digital economy growth is boosted by the stimulation of IT projects and the state of the scientific and educational environment in these regions.

Keywords: regional entrepreneurship, digital entrepreneurship, digital platforms, digital leaders, business environment

Acknowledgements: the research was supported by the grant program of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00044 “Conceptual model of a regional entrepreneurial ecosystem in a digital environment”, <https://rscf.ru/project/23-28-00044>.

For citation: Yakimova, V. A. and Pankova, S. V. (2023), "Digital entrepreneurship placement regularities in the regions of Russia", *Ars Administrandi*, vol. 15, no. 3, pp. 377–405, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-377-405>.

ВВЕДЕНИЕ

Вызовы цифровой экономики привели к новым формам предпринимательской деятельности и трансформации уже применяемых бизнес-моделей. В рамках национального проекта «Цифровая экономика» должны быть созданы высокотехнологичные предприятия, которые разрабатывают сквозные технологии, управляют цифровыми платформами, формируют систему стартапов, исследовательских групп для обеспечения развития цифровой экономики. Цифровые трансформации уже сегодня привели к кардинальному сдвигу и появлению новых предпринимательских возможностей, расширили доступ и сократили время на оказание государственных и финансовых услуг. При этом в новых условиях более конкурентоспособными оказываются те предприятия, которые используют новые блага, создаваемые цифровой экономикой. Цифровые технологии ускоряют транзакции, тем самым обеспечивая повышение оборачиваемости капитала и рост доходов предпринимателей. Для бизнеса цифровизация открывает доступ к виртуальным технологиям управления новыми идеями, подготовки бизнес-планов, к новым моделям бизнес-процессов с цифровизацией бизнес-операций и переходом на сервисно-доминирующую логику. Применение сквозных технологий позволяет предприятиям экономить на затратах и генерировать синергетические эффекты сотрудничества на всех стадиях производственно-сбытовой цепочки.

Для исследования феномена цифрового предпринимательства необходимо дать его определение. Содержание понятия включает в себя две составляющие: «цифровое» и «предпринимательство». Экономическая сущность предпринимательства с позиции рыночного поведения раскрывается как деятельность, направленная на завоевание конкурентных преимуществ с целью извлечения дохода и приумножения собственности (Тарануха, 2021, с. 232–233). В рамках инновационного подхода предпринимательство понимается как деятельность, направленная «на получение прибыли за счет реализации идеи о новом способе создания добавленной стоимости (ценности, полезности)» (Юдина и Мингазова, 2021, с. 170). Соглашаясь с мнением, что цифровое предпринимательство есть «предпринимательство с использованием новых технологий (особенно социальных сетей, больших объемов данных, решений для мобильных устройств или “облаков”)» (Лобанова, 2019, с. 53–54), необходимо отметить, что такое понимание будет неполным без уточнения, что этот тип предпринимательства не способен развиваться без названных технологий, в отличие от традиционных направлений бизнеса, которые могут осуществляться как с применением цифровых сервисов, так и без них.

Зарубежными авторами цифровое предпринимательство представляется как «совокупность экономических агентов, которые используют технологические возможности на основе цифровых услуг и инструментов, обеспечивающих

действия и взаимодействие на всех этапах предпринимательского процесса» (Elia et al., 2020, p. 4). Характерными признаками данного типа ведения бизнеса являются деятельность на маркетплейсах для коммуникаций производителей и потребителей, сокращение транзакционных издержек при одновременном повышении производительности труда, возможность выхода на электронные рынки и глобальное присутствие, клиентоориентированность и повышение потребительской ценности товаров и услуг, сокращение жизненного цикла инноваций (Лобанова, 2019). Цифровые предприятия, выступающие объектом исследования, применяют информационные технологии для оптимизации бизнес-процессов, повышения эффективности деятельности и продвижения продукции (Плотников и Пирогова, 2020). При этом некоторые авторы считают синонимичными понятия «цифровое предприятие» и «цифровизация предприятия», отводя цифровым технологиям ключевую роль при трансформации бизнеса (Мугутдинов, 2021; Королева и Золотова, 2019), с чем, по нашему мнению, нельзя согласиться. На цифровом предприятии обеспечивается доступ к Интернету и коммуникациям, электронное взаимодействие с государством, осуществление производственной, финансовой, инвестиционной деятельности с помощью современных технологий, продажа продукции посредством интернет-технологий. К особенностям архитектуры цифровых предприятий относятся принципы Индустрии 4.0 и создание сетей и цепочек создания стоимости (Тельнов, 2021). Цифровизация предприятия – это процесс, который в одних случаях может привести к образованию цифрового предприятия, а в других – способствовать процессам обмена информацией без производства принципиально нового продукта на основе компьютерных технологий.

Для бизнеса цифровизация выражается в сокращении расходов на обслуживание продукции, сроков вывода продукции на рынок, затрат на обеспечение качества продукции и услуг, простоев оборудования, а также в повышении точности экономического прогнозирования. В качестве преимуществ цифровизации рассматривается автоматизация внутренних бизнес-процессов для привлечения клиентов, снижения издержек и времени принятия решений, а в качестве недостатков – отсутствие компетентных кадров в области трансформации бизнес-процессов, ограниченность сроков, консерватизм. Системы класса Enterprise Resource Planning (ERP) ориентированы на управление материальными, трудовыми, финансовыми ресурсами, а класса Customer Relationship Management (CRM) – на автоматизацию процессов взаимодействия с клиентами. Для цифровых предприятий нужны кадры с особыми компетенциями, а именно: умением управлять в условиях виртуальной реальности, рационализировать способ «цифровой жизни», создавать и анализировать цифровые данные, управлять онлайн-продажами, навыками разработки социально-экономических проектов, цифрового финансово-экономического планирования и прогнозирования (Комарова и др., 2022). Но цифровизация для предпринимательства может представлять и вызовы – так, усиливающаяся конкуренция и повышение качества сервиса ведут к снижению продаж готовых изделий (Коровкин и Кузнецова, 2020), а внешнеполитические и социальные факторы способны повлиять на доступность применяемых сервисов и информационных технологий (Шешукова и Титенский, 2022).

В новую предпринимательскую структуру входят: технологическое предпринимательство (прорывные технологии при создании нового продукта с применением достижений научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, например технология получения графена), предпринимательство цифровых технологий (инновации на основе информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и Интернета вещей (IoT), например смартфон) и цифровое предпринимательство (сервисы на базе Интернета, которые работают как облачные технологии, используя большие данные и искусственный интеллект, например Snapchat) (Храмченко и др., 2022). В качестве цифровых предприятий рассматриваются цифровые агенты, наделенные функцией удовлетворения информационных потребностей участников бизнес-среды (Аликаева и др., 2020, с. 285). Л. С. Леонтьева и ее соавторы приводят в качестве формы цифрового бизнеса «цифровой двойник производства», который направлен на цифровизацию производственных цепочек компаний и создание виртуального двойника производственных подразделений с учетом оборудования, его расположения и операций (Леонтьева и др., 2019, с. 35). Формой цифрового предпринимательства выступают и цифровые платформы, предоставляя инфраструктуру, устанавливая правила для участников и тем самым обеспечивая взаимовыгодное сотрудничество производителей и потребителей. Цифровые платформы являются механизмом, направленным на коллективные совместные действия (центры компетенций по формированию сетей, электронные платформы государственно-частного партнерства, платформы предпринимательских групп). Усиливая сетевые эффекты в экосистемах, цифровые платформы и ERP-технологии стимулируют взаимодействие между участниками разных отраслей, компетенций, приводят к обмену информацией, открывают доступ к ресурсам.

Электронно-информационное взаимодействие бизнеса и органов власти включает сервисы по работе с инвесторами (инвестиционные площадки, инвестиционные предложения и т. п.), сервисы по работе с малым бизнесом (партнерские программы, поддержка самозанятых, малого и среднего бизнеса и т. п.), пресс-центр (инвестиционный и информационный дайджест, нормативные акты), сервисы ключевых направлений (поддержка и инфраструктура для бизнеса, государственно-частного партнерства, фонд развития промышленности) (Гайсина и Ризванова, 2022).

В экономике региона цифровое предпринимательство играет следующую роль:

– высокотехнологичные компании с быстрыми темпами роста выступают ядром региональной экосистемы, интегрируя знания и технологии, поставляя их другим предприятиям (Kohtamäki et al., 2019; Li-Ying et al., 2022; Толстых и Агаева, 2020; Mason and Brown, 2014);

– цифровые предприятия, обладая уникальными ресурсами для региона, являются ресурсной базой, которая предоставляет возможности для обучения и разработки стартапов, генерирования инновационных идей и трансфера технологий в индустрию;

– субъекты предпринимательства цифрового сектора способствуют росту валового регионального продукта (ВРП) и приросту добавленной стоимости

в информационно-коммуникационном секторе, отраслях промышленности и в сфере услуг;

– цифровые платформы, выполняя посредническую функцию, создают благоприятную среду для активизации регионального предпринимательства и сетевого взаимодействия между бизнесом и региональными органами власти, бизнесом и населением (Тимиргалеева и Гришин, 2019);

– компании регионального цифрового бизнеса сокращают транзакционные издержки на построение сетей, поиск финансовых ресурсов, знаний, минимизируют риски и предоставляют новые возможности благодаря доступности услуг и скорости обработки и передачи информации.

В настоящее время наблюдается значительная дифференциация регионов по степени цифровизации, что оказывает влияние на производственные отношения (Ермакова и Корабейников, 2019, с. 1204–1205). Рост цифрового предпринимательства возможен лишь в благоприятной региональной среде, которая задает механизмы для аккумуляции, генерирования, диффузии цифровых инноваций.

Экосистемный подход позволяет более детально раскрыть экономическое и структурно-компонентное содержание предпринимательской среды (Третьякова и Фрейман, 2022). По мнению сторонников экосистемного подхода, эта среда является ключевым звеном экосистемы и должна быть благоприятной для быстрорастущих предприятий. Ее роль сводится к стимулированию взаимодействия участников и факторов окружающей среды, что, в свою очередь, приводит к росту предпринимательской активности (Spilling, 1996; Толстых и Агаева, 2020). Роль социально-технической среды заключается в применении цифровых технологий для совместного создания ценности (Toh, 2021). Л. А. Раменская использует понятие «экологическая ниша» как «совокупности пространства ресурсов, обеспечивающих выживаемость и воспроизведение популяции» (Раменская, 2020, с. 18). Г. Б. Клейнер вводит схожее понятие. Он пишет, что «экосистема играет роль естественной оболочки для организации взаимодействия кластеров, платформ, сетей и бизнес-инкубаторов» (Клейнер, 2019, с. 43).

Средовые факторы интегрируют трудовые, интеллектуальные, институциональные, политические, финансовые ресурсы, в результате чего повышается уровень внедрения цифровых технологий в бизнес (Овчинникова и Зимин, 2021). Л. А. Раменская выделила в качестве факторов развития цифрового предпринимательства системы образования и нормативного регулирования, информационную структуру, ресурсы и рынки сбыта (Раменская, 2020). Вместе с региональными органами власти предприятия должны мониторить и реализовывать свою способность к созданию и сохранению устойчивых конкурентных преимуществ. Факторы среды способствуют обмену ресурсами и технологиями, коммерциализации предпринимательских возможностей в регионе и применению преференциальных условий для развития бизнеса.

Рождению в регионе цифрового предпринимательства способствуют усиление интереса со стороны потребителей и государства и приток инвестиций для реализации национальных программ по цифровой экономике. Важным фактором роста цифрового предпринимательства выступает инфраструктура: инкубаторы и акселераторы, поставщики услуг, инжиниринговые струк-

туры, технопарки, организации, ориентированные на применение цифровых технологий и реализацию инновационных цифровых продуктов (Elia et al., 2020; Толстых и Агаева, 2020; Овчинникова и Зимин, 2021). Роль посредников сводится к снижению транзакционных издержек для предприятий и формированию партнерских отношений между государственными структурами и предпринимательством. Программы акселерации направлены на обеспечение развития инноваций и поиск источников финансирования, объединение предпринимателей и разработчиков программного обеспечения. Инкубаторы используют передовые технологии и предлагают разнообразные коммерческие возможности.

Институты в условиях цифровизации обеспечивают поддержку предпринимательства, создают благоприятные условия и снижают риски, ускоряют процессы взаимодействия (Leendertse et al., 2020; Li-Ying et al., 2022; Pushrananthan and Elmquist, 2022). Формальные институты призваны упростить бюрократические процедуры, снизить уровень коррупции, осуществить налоговое стимулирование, развить культуру предпринимательства в регионе, обеспечить цифровой инфраструктурой. Государственные органы разрабатывают политику в области развития предпринимательства в регионе, создания условий для ведения бизнеса и поддержки предпринимательских инициатив. Качество работы институтов оценивается с помощью таких показателей, как уровень коррупции, политическая стабильность, беспристрастность и подотчетность, индекс легкости ведения бизнеса (Leendertse et al., 2020).

Предпринимательская среда включает научно-образовательные организации, которые способствуют притоку новых знаний, исследователей, генерации идей для нового предпринимательства, применению передовых и сквозных технологий и развитию направлений цифровизации бизнеса. Региональные вузы являются катализаторами для формирования человеческого капитала, навыков для применения цифровых технологий. Предпринимательство концентрируется там, где есть локальные ресурсы (в местах, привлекательных для жизни, с известными брендами университетов, уникальных кластеров, научных лабораторий, с культурными достопримечательностями). В предпринимательских экосистемах наблюдается смещение выпускников в ИКТ-сферу или сочетание региональной специализации с цифровыми профессиями. Региональные вузы в связи с географической близостью обеспечивают экосистему квалифицированными сотрудниками, профессионалами в области менеджмента и информационных технологий (ИТ), становятся источником стартапов и «точками роста технологий».

Предпринимательская среда определяет доступ к финансам, обеспечивая денежную поддержку со стороны бюджета, частных инвесторов, венчурного капитала. Цифровизация привела к получению банковских услуг в электронной форме, созданию инвестиционных и краудфандинговых платформ, появлению отдельных форм финансовой поддержки организаций и проектов, направленных на внедрение цифровых технологий.

Таким образом, для исследования динамики развития цифрового сектора региональной предпринимательской экосистемы можно выделить следующие факторы, отражающие способность предпринимательской среды положительно влиять на продуктивность цифровой экономики:

- показатели использования цифровых технологий в бизнесе;
- характеристики ИТ-инфраструктуры;
- уровень развития институтов;
- инициативность в отношении технологических стартапов;
- научно-образовательный потенциал;
- доступность и достаточность финансирования.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для выделения точек роста цифрового предпринимательства в регионах России предлагается использовать переменные, представленные в таблице 1. Источниками данных выступили данные Росстата, Минцифры России, статистические сборники Высшей школы экономики, аналитические данные Ассоциации компаний интернет-торговли и др.

Таблица 1 / Table 1

Переменные, описывающие цифровое предпринимательство в регионе / Variables describing digital entrepreneurship in the region

Обозначение	Переменная, отражающая резульативный признак
I. Сектор информационно-коммуникационных компаний	
G_org	Темп роста региональных компаний в ИКТ-секторе, %
D_org	Доля организаций ИКТ-сектора в общем числе организаций региона, %
Q_Int_torg	Объемы интернет-торговли на локальном и трансграничном рынках, млн руб.
G_e-commerce_loc	Темп роста интернет-торговли в регионах России (локальный рынок), %
G_e-commerce_trans	Темп роста интернет-торговли в регионах России (трансграничный рынок), %
D_IKT	Доля объема производства ИКТ-сектора в общем объеме производства, %
G_pr_IKT	Темп роста объемов производства в ИКТ-секторе, %
G_Zatr_	Темп роста затрат на цифровизацию организаций региона, %
II. Промышленный сектор	
G_INV_prom	Темп роста инвестиций в программное обеспечение и компьютеры организациями сектора промышленности, %
III. Сфера услуг	
G_INV_serv	Темп роста инвестиций в программное обеспечение и компьютеры организациями сферы услуг, %

Источник: составлено авторами.

Для проведения факторного анализа определены индикаторы, характеризующие факторы, которые влияют на развитие в регионе цифрового предпринимательства.

**Детерминанты роста цифрового предпринимательства в регионе /
Determinants of digital entrepreneurship growth in a region**

Сфера	Обозначение	Детерминанта роста цифрового предпринимательства
Спрос и потребление цифровых технологий (PT)	Org_RFID	Доля организаций, использующих автоматизированную радиочастотную идентификацию объектов (Radio Frequency Identification – RFID), в общем числе организаций региона, %
	Org_internet	Доля организаций, использующих сеть Интернет, в общем количестве организаций региона, %
	Wideband_internet	Доля организаций, использующих сеть Интернет с широкополосным доступом, в общем количестве организаций региона, %
	Cloud_serv	Доля организаций, использующих облачные сервисы, в общем числе организаций региона, %
	ERP	Доля организаций, использующих технологии планирования ресурсов предприятия (Enterprise Resource Planning – ERP), в общем числе организаций региона, %
	Online orders	Доля организаций, использующих сеть Интернет для размещения заказов на товары (работы, услуги), в общем числе организаций региона, %
	Elect_sales	Доля организаций, использующих электронные продажи, в общем числе организаций региона, %
	Online retail	Доля продаж через сеть Интернет в общем объеме оборота розничной торговли, %
	Web_sait	Доля организаций, имеющих веб-сайт, в общем числе организаций региона, %
	Zareg_org_k_likvid	Отношение зарегистрированных организаций к ликвидированным, коэффициент

Сфера	Обозначение	Детерминанта роста цифрового предпринимательства
Региональная инфраструктура для цифрового предпринимательства (INF)	D_cluster	Количество кластеров цифрового развития в регионе (кластеры информационных технологий), ед.
	IT_technopark	Количество технопарков в ИТ-сфере, функционирующих в регионе, ед.
	NTI_infrast	Научно-технологическая инфраструктура (по приоритетному направлению – цифровые технологии, роботизированные системы и т. п.): региональные центры коллективного пользования, научно-образовательные центры, исследовательские центры, научные ИТ-сервисы, ед.
	Quant	Число кванториумов в регионе, ед.
	Eng_tech_centr	Число инженерно-технических центров, центров легио-конструирования и кружков робототехники в регионе, ед.
	Accel	Число акселераторов и бизнес-инкубаторов в регионе, ед.
	Accel_platf	Число акселераторов федерального проекта «Платформа университетского технологического предпринимательства», ед.
	Accel_sprint	Число компаний-победителей акселератора Спринт (2021–2022) – платформы для образования, CRM-системы, управления контентом, управления процессами, ед.
	Act_point	Число мероприятий, организованных в точках кипения и точках роста, ед.
	Act_point_NTI	Мероприятия Национальной технологической инициативы (НТИ) в точках кипения, %
	Act_point_part	Число участников в точках кипения, чел.
	Act_point_part_NTI	Участники НТИ в точках кипения, %
	Digital_lider	Число цифровых лидеров в регионе, ед.
R_Digital_lider	Число рейтинговых лидеров в ИКТ-секторе в регионе, ед.	
Развитие институтов в регионе (INS)	Ind_Institute	Индекс развития институтов в регионе, %

Сфера	Обозначение	Детерминанта роста цифрового предпринимательства
Стимулирование ИТ-проектов (PR)	Project_cross_tech	Число региональных проектов в области сквозных технологий, ед.
	Project_cross_tech_scal	Число проектов в области сквозных технологий (работающих и на стадии масштабирования), ед.
	Start	Число стартапов в регионе, ед.
	R_Start	Рейтинг стартапов, балл
	IT-project	Количество инвестиционных проектов в ИТ-сфере, ед.
Научно-образовательный потенциал региона (NOP)	Grad_ICT	Доля выпускников специализации «Информационные и цифровые технологии» региональных вузов в общем числе выпускников региона, %
	Grad_Manag	Доля выпускников специализации «Менеджмент» региональных вузов в общем числе выпускников региона, %
	R_univer_ICT	Рейтинг регионов по образовательному потенциалу в технической сфере, балл
	Internet_users	Доля активных пользователей сети Интернет в общей численности населения, %
	Digital_skills	Доля пользователей цифровых технологий, обладающих цифровыми навыками на высоком уровне, в общей численности населения, %
Финансовое обеспечение (FO)	Inv_k_VRP	Отношение инвестиций в регион к ВРП, млн руб.
	VRP_k_chisl_pers	ВРП на душу населения, млн руб./чел.
	Invest_ICT	Доля инвестиций ИКТ-сектора в общем объеме инвестиций региона, %
	Invest_ICT_proizv	Отношение инвестиций в ИКТ-секторе к объему производства ИКТ-сектора, %
	Invest_IT-project	Сумма инвестиций в проекты в ИТ-сфере, млрд руб.
	Grant_Fond	Сумма грантов, направленных на финансирование проектов Российского фонда развития информационных технологий, млрд руб.

Сфера	Обозначение	Детерминанта роста цифрового предпринимательства
	Budget_inform	Утвержденные сводной бюджетной росписью расходы консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов в разрезе субъектов Российской Федерации (связь и информатика), млрд руб.
	Budget_inform_ex	Кассовое исполнение консолидированного бюджета Российской Федерации и бюджетов государственных внебюджетных фондов в разрезе субъектов Российской Федерации (связь и информатика), млрд руб.
	Budget_nat_project	Государственные расходы по финансированию национального проекта «Цифровая экономика» (сумма, полученная в рамках контрактов и субсидий по федеральному проекту), 2019–2024 годы, млн руб.

Источник: составлено авторами.

В процессе исследования применяется анализ панельных данных, преимущество которого – в возможности определения пространственно-временных взаимосвязей. В качестве периода исследования выбраны 2018–2021 годы; объект наблюдения – 85 территориальных единиц субнационального уровня (регионов). Выбор периода вызван тем, что с 2018 года реализуется национальная программа «Цифровая экономика» и формируется соответствующая база данных.

Анализ статистических данных был проведен в программе SPSS Statistics.

Анализ проводился поэтапно:

- 1) сбор статистических данных и их группировка;
- 2) определение индустриальных регионов, в которых предполагаются особенности развития цифрового предпринимательства. Индустриальными регионами для настоящего исследования признаны регионы, где доля обрабатывающей промышленности и добычи полезных ископаемых превышает 40 %¹;
- 3) корреляционный анализ, позволяющий определить взаимосвязи между результативными и факторными признаками. Для выделения особенностей роста цифрового предпринимательства проведены корреляции для всей наблюдаемой совокупности регионов и отдельно для регионов индустриального типа;

¹ Республики Коми, Татарстан, Саха (Якутия), Удмуртская Республика; Ненецкий, Ханты-мансийский, Чукотский, Ямало-Ненецкий автономные округа; Красноярский, Пермский края; Архангельская, Астраханская, Иркутская, Калужская, Кемеровская, Липецкая, Магаданская, Оренбургская, Самарская, Сахалинская, Тульская, Тюменская области.

- 4) сравнительная оценка статистических показателей для регионов индустриального типа и прочих регионов;
- 5) формирование многофакторных регрессионных моделей, позволяющих оценить влияние комплекса факторов на развитие цифрового предпринимательства.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Развитие цифрового предпринимательства определяется особенностями специализации региона. Промышленные регионы концентрируют ресурсы на модернизации оборудования и производстве продукции, которая может потребляться вне региона. Однако цифровизация сферы промышленности является длительной и требует значительных инвестиций. В прочих регионах преобладает сфера услуг, цифровизация которой осуществляется более быстрыми темпами. В отраслевой структуре прочих регионов заметно выделяется и сам ИКТ-сектор как комплекс цифровых предприятий.

Результаты анализа взаимосвязи между ростом цифрового предпринимательства и факторами, его обусловившими, представлены в таблице 3. Оценка корреляции проведена для всех регионов в целом, а также по отдельности в отношении индустриальных регионов и совокупности прочих субъектов Российской Федерации.

Таблица 3 / Table 3

Корреляционный анализ, отражающий взаимосвязь между факторами, влияющими на развитие и размещение цифрового предпринимательства в регионе /
Correlation analysis reflecting the relationship between factors influencing the development and placement of digital entrepreneurship in a region

Факторный признак	Результативная переменная								
	Все регионы		Индустриальные регионы					Прочие регионы	
	D_org	G_e-commerce_loc	G_org	G_e-commerce_trans	D_IKT	G_e-commerce_loc	D_org	D_IKT	G_e-commerce_loc
Accel (INF)	0,77	-	-	-	-	-	0,81	-	-
Accel_sprint (INF)	0,76	-	-	-	-	-	0,81	-	-
NTI_infrast (INF)	0,75	-	-	-	0,6	-	0,81	-	-
Eng_tech_centr (INF)	0,74	-	-	-	0,48	-	-	-	-
R_Digital_lider (INF)	0,74	0,97	-	-	-	0,48	-	0,8	0,86
Digital_lider (INF)	0,72	0,95	-	-	-	-	0,78	-	-
Accel_platf (INF)	0,63	-	-	-	-	-	0,69	-	-
Act_point_part (INF)	0,62	-	-	-	-	-	0,69	-	-
Act_point (INF)	0,55	-	-	-	-	-	0,64	-	-

Факторный признак	D_org	G_e-commerce_ loc	G_org	G_e-commerce_ trans	D_IKT	G_e-commerce_ loc	D_org	D_IKT	G_e-commerce_ loc
<i>IT_technopark</i> (INF)	0,48	-	-	-	0,54	-	0,5	-	-
<i>D_cluster</i> (INF)	-	-	-	-	0,57	-	-	-	-
<i>Budget_inform</i> (FO)	0,75	-	-	-	-	0,66	0,79	-	-
<i>Budget_inform_ex</i> (FO)	0,75	-	-	-	-	0,66	0,79	-	-
<i>Grant_Fond</i> (FO)	0,74	-	-	-	-	-	0,8	-	-
<i>Budget_nat_project</i> (FO)	0,69	-	-	-	0,64	0,64	0,73	-	-
<i>Invest_ICT</i> (FO)	-	-	-	-	0,52	-	0,61	0,43	-
<i>Project_cross_tech_ scal</i> (PR)	0,76	-	-	-	0,54	-	0,82	-	-
<i>Project_cross_tech</i> (PR)	0,74	-	-	-	0,56	-	0,81	-	-
<i>IT-project</i> (PR)	-	-	-	-	-	-	0,76	-	-
<i>Start</i> (PR)	-	-	-	-	0,53	-	-	-	-
<i>Wideband_internet</i> (PT)	-	-	0,49	0,51	-	-	-	-	-
<i>Cloud_serv</i> (PT)	-	-	-	-	0,46	-	-	-	-
<i>Online retail</i> (PT)	-	-	-	-	-	-	0,5	-	-
<i>R_univer_ICT</i> (NOP)	0,62	-	-	-	-	-	0,7	-	-

Примечание: 0,5–0,7 – заметная связь; 0,7–0,9 – высокая; 0,9–0,99 – весьма высокая.

Источник: составлено авторами.

В таблице 4 представлены статистические показатели, описывающие различия между факторами, способствующими росту цифрового предпринимательства в регионах.

На основе регрессионного анализа построены модели, позволяющие оценить влияние факторов цифровизации на рост цифрового предпринимательства (табл. 5).

Таблица 4 / Table 4

Описательные статистики факторных и результативных признаков для двух типов регионов – индустриальных и прочих /
Descriptive statistics of factor and resultant features for two types of regions (industrial and other)

Показатель	Индустриальные регионы			Прочие регионы				
	Минимум	Максимум	Среднее значение	Кoeffициент вариации	Минимум	Максимум	Среднее значение	Кoeffициент вариации
1. Наличие региональных экосистем и эффект от их функционирования								
G_org	0,84	1,15	0,97	0,07	0,83	1,28	0,98	0,06
D_org	1,75	3,39	2,47	0,13	1,68	5,98	2,34	0,23
Q_Int_torg	1068,3	77 228	23 172,62	0,74	0,0	806 182	34 596	2,56
G_e-commerce_loc	0,72	2,36	1,3	0,29	0,41	3,8	1,17	0,34
G_e-commerce_trans	0,41	1,63	0,91	0,19	0,0	3,31	0,93	0,32
G_pr_ИКТ	0	4,39	1,2	0,60	0,0	39	1,32	1,85
D_ИКТ	0,16	3,11	1,07	0,46	0,21	8,13	1,95	0,61
G_INV_prom	0,1	9,54	1,26	0,79	0,55	3,31	1,18	0,31
G_INV_serv	0,35	2,19	1,12	0,24	0,21	8,13	1,95	0,61
2. Спрос и погребление цифровых технологий								
Org_RFID	2,4	8,5	5,76	0,23	1,60	11,30	5,5	0,29
Org_internet	21,5	98,2	70,38	0,22	36,50	100,00	70,2	0,20
Wideband_internet	53,7	97,7	77,63	0,15	29,00	95,60	76,7	0,17
Cloud_serv	17,2	38,9	26,02	0,17	12,80	42,60	25,9	0,19
ERP	5,2	23,1	13,49	0,28	2,20	29,10	12,4	0,33
Online orders	27,9	55,4	42,74	0,10	15,40	53,80	40,5	0,15

Показатель	Минимум	Максимум	Среднее значение	Коэффициент вариации	Минимум	Максимум	Среднее значение	Коэффициент вариации
Elect_sales	3,8	23,2	11,82	0,35	0,10	65,10	12,3	0,45
Online retail	0	6,6	1,45	2,88	0,0	12,60	1,8	1,07
Web_sait	36,6	55	47,17	0,09	27,40	75,50	47,8	0,15
3. Региональная инфраструктура для цифрового предпринимательства								
D_cluster	0	1	0,09	3,11	0,0	1,00	0,13	2,69
IT_technopark	0	5	1,8	0,71	0,0	24,0	1,9	1,88
NTI_infrast	0	9	1,36	1,62	0,0	62,0	3,1	2,60
Quant	0	5	1,72	0,69	0,0	6,0	1,62	0,64
Eng_tech_centra	0	12	3,95	0,96	0,0	81,0	4,86	2,27
Accel	0	7	1,68	1,12	0,0	44,0	2,02	2,75
Accel_platf	0	6	1,86	1,06	0,0	19,0	1,72	1,66
Accel_sprint	0	11	2,27	1,49	0,0	112,0	3,31	4,22
4. Развитие институтов в регионе								
Ind_Institute	0,22	3,39	2,28	0,35	0,0	5,0	1,95	0,49
5. Стимулирование ИТ-проектов								
Act_point	0	1 646	192	1,57	0,0	2311,0	216,6	1,77
Act_point_NTI	0	68	6	2,17	0,0	100,0	7,34	2,07
Act_point_part	0	25 887	4 416	1,40	0,0	203 934	6623,05	2,73
Act_point_part_NTI	0	68	7	2,14	0,0	100	8,88	1,93
Project_cross_tech	1	743	197	1,11	0,0	2704	189,29	1,86
Project_cross_tech_sca	0	56	13	1,15	0,0	405	17,63	2,89

Показатель	Минимум	Максимум	Среднее значение	Коэффициент вариации	Минимум	Максимум	Среднее значение	Коэффициент вариации
Start	0	4	0,59	1,69	0,0	193	4,57	5,34
R_Start	0	26	5,8	1,56	0,0	353	10,55	4,16
IT-project	0	6	1,36	1,19	0,0	34	2,22	2,21
6. Научно-образовательный потенциал региона								
Grad_ICT	0	43,7	6,91	1,01	0,0	14,24	6,22	0,45
Grad_Manag	0	8	3,56	0,56	0,0	162,5	4,58	2,21
R_univer_ICT	3	83	24	0,88	1,99	100,0	20,45	1,02
Internet_users	68,6	98	83,7	0,08	64,60	95,8	80,92	0,07
Digital_skills	41,6	73	54,8	0,14	32,40	72,2	53,58	0,16
7. Финансовое обеспечение								
Invest_ICT	0,32	8,41	2,55	0,60	0,65	20,09	5	0,56
Invest_ICT_proizv	0,03	0,65	0,24	0,50	0,02	1,53	0,23	0,65
Invest_IT-project	0	330	23,58	3,03	0,0	350,0	13,51	3,70
Grant_Fond	0	173 076	16 523	2,37	0,0	1 664 559	37 768,9	5,62
Budget_inform	0	4,39	0,98	0,99	0,0	90,97	1,84	5,05
Budget_inform_ex	0	3,83	0,93	0,97	0,0	84,88	1,71	4,99
Budget_nat_project	0	13 691	930	3,11	0,13	189 398	3116,6	7,49

Источник: составлено авторами.

Регрессионные модели 1–3, построенные на основе влияния факторов региональной среды на развитие цифрового предпринимательства / Regression models 1–3 based on the influence of regional environmental factors on the digital entrepreneurship development

Факторная переменная	Модель 1 (для индустриальных регионов)		Модель 2 (для прочих регионов)		Модель 3 (для индустриальных регионов)	
	<i>D_org</i>	t (p)	<i>G_e-commerce_ loc</i>	t (p)	<i>G_pr_ ИКТ</i>	t (p)
const	1,93 (0,08)	24,99 (0,00)	0,96 (0,11)	8,42 (0,0)	0,56 (0,08)	6,64 (0,0)
Zareg_org_k_likvid	0,14 (0,03)	4,12 (0,00)	0,12 (0,053)	2,26 (0,031)	–	–
Ind_Institute	0,05 (0,02)	2,55 (0,02)	–	–	–	–
Start	0,17 (0,04)	3,98 (0,001)	0,006 (0,00)	12,78 (0,0)	–	–
Grad_ICT	0,005 (0,001)	3,59 (0,001)	–	–	–	–
Inv_k_VRP	0,003 (0,001)	2,66 (0,011)	–	–	–	–
IT_technopark	–	–	–	–	0,065 (0,03)	2,34 (0,03)
Invest_IT-project	–	–	–	–	0,001 (0,0)	1,633 (0,05)
Project_cross_tech	–	–	–0,0002 (0,0)	–3,48 (0,001)	–	–
Org_internet	–	–	0,004 (0,002)	2,28 (0,029)	–	–
Act_point	–	–	0,00017 (0,00)	2,91 (0,005)	–	–
NTI_infrast	–	–	–	–	0,064 (0,02)	2,96 (0,008)
Invest_ICT	–	–	–	–	0,058 (0,02)	2,85 (0,012)
–2 Log-правдоподобие	–177,204		144,769		–20,208	
Информационный критерий Акаике (AIC)	–143,204		178,769		11,792	
Критерий Гурвича – Цая (AICC)	–134,461		181,298		24,155	
Критерий Боздогана (CAIC)	–84,089		256,301		61,566	
Байесовский критерий Шварца (BIC)	–101,089		239,301		45,566	

Источник: составлено авторами.

Регрессионные модели 4–6, построенные на основе влияния факторов региональной среды на развитие цифрового предпринимательства / Regression models 4–6 based on the influence of regional environmental factors on the digital entrepreneurship development

Факторная переменная	Модель 4 (для прочих регионов)		Модель 5 (для индустриальных регионов)		Модель 6 (для прочих регионов)	
	<i>D_org</i>	t (p)	<i>G_e-commerce_loc</i>	t (p)	<i>Q_Int_torg</i>	t (p)
const	2,06 (0,05)	42,56 (0,0)	-666,55 (790,43)	-0,84 (0,41)	-4791,5 (2492,82)	1,92 (0,05)
Accel	0,048 (0,008)	6,18 (0,0)	–	–	–	–
R_univer ICT	0,0048 (0,002)	2,31 (0,024)	–	–	–	–
Budget_inform	0,01 (0,002)	4,76 (0,0)	–	–	6241 (292,3)	21,35 (0,0)
Grad ICT	0,0074 (0,003)	2,5 (0,014)	–	–	–	–
Act_point_part	–	–	0,211 (0,017)	12,53 (0,0)	–	–
G_e-commerce_loc	–	–	2579,91 (291,07)	8,86 (0,0)	–	–
Cloud_serv	–	–	121,97 (32,8)	3,72 (0,002)	–	–
IT_technopark	–	–	848,37 (240,39)	3,53 (0,002)	–	–
Invest_IT-project	–	–	9,53 (2,59)	3,69 (0,002)	–	–
Project_cross_tech	–	–	106,59 (13,58)	7,85 (0,0)	–	–
Eng_tech_centr	–	–	–	–	634,55 (180,35)	3,52 (0,001)
Accel_platf	–	–	–	–	1451,7 (457,5)	3,17 (0,002)
Budget_inform	–	–	–	–	6241 (292,3)	21,35 (0,0)
VRP_k_chisl_pers	–	–	–	–	0,025 (0,006)	3,87 (0,0)
Quant	–	–	–	–	1374,45 (808,88)	1,7 (0,053)
–2 Log-правдоподобие	–369,010		1168,411		5608,616	
Информационный критерий Акаике (AIC)	–337,010		1202,411		5642,616	

Факторная переменные	D_{org}	t (p)	$G_{e-commerce_loc}$	t (p)	Q_{Int_torg}	t (p)
Критерий Гурвича – Цая (AICC)	-334,675		1216,643		5645,254	
Критерий Боздогана (CAIC)	-264,666		1255,295		5719,481	
Байесовский критерий Шварца (BIC)	-280,666		1238,295		5702,481	

Источник: составлено авторами.

ОБСУЖДЕНИЕ

В процессе анализа установлены следующие закономерности регионального размещения цифрового предпринимательства:

1) росту цифрового предпринимательства в регионе способствует развитие научно-технической базы, акселераторов и бизнес-инкубаторов;

2) в промышленных регионах вклад в добавленную стоимость цифрового предпринимательства увеличивается за счет научно-технической инфраструктуры, технопарков и кластеров, финансирования и проектного управления;

3) факторы акселерации цифрового предпринимательства и концентрации лидеров в регионе в большей степени влияют на развитие цифровизации неиндустриальных регионов.

По результатам проведенного анализа можно отметить, что рост доли организаций ИКТ-сектора в общем числе организаций региона обусловлен в первую очередь развитием цифровой инфраструктуры (инженерно-технические центры, научно-техническая инфраструктура, ИТ-технопарки, акселераторы и их активность по количеству проведенных мероприятий, число цифровых лидеров в регионе и их рейтинг), причем роль ИКТ-сектора усиливается, если регион является неиндустриальным и преобладают в нем сфера услуг или сельское хозяйство. Мероприятия, проводимые в точках роста, и программы акселерации направлены на построение благоприятного взаимного сотрудничества, поиск партнеров и совместное решение проблем. На втором месте по приоритетности влияния на рост организаций ИКТ-сектора выступают факторы финансового обеспечения (бюджетные расходы, грантовое финансирование, инвестиции в сферу информации и связи). Число проектов и стартапов стимулирует расширение цифрового предпринимательства в регионе. Инвестиционные проекты в ИТ-сфере, которые находятся на стадии проектирования и инвестирования, позволят наращивать прибыль компаний на стадии масштабирования в длительной перспективе. Факторы развития научно-образовательной среды и институциональная составляющая в незначительной степени влияют на рост сферы цифрового предпринимательства.

Темпы роста интернет-торговли в регионе показывают повышение уровня цифровизации предприятий на основе использования торговых площадок

и маркетплейсов. Высокая корреляция исследуемого признака, преимущественно в регионах с развитой торгово-сервисной составляющей, наблюдается с числом цифровых лидеров. В индустриальных регионах рост объемов электронной коммерции увеличивается за счет притока бюджетных средств в цифровую экономику региона; одновременно отмечается невысокая связь между ростом трансграничной интернет-торговли и долей организаций, использующих широкополосной Интернет, в общем количестве организаций региона. Росту масштабов производства в региональном ИКТ-секторе в наибольшей степени способствуют факторы развития инфраструктуры (научно-техническая инфраструктура, технопарки в ИТ-сфере и кластеры цифрового развития в регионе), финансового обеспечения (региональное бюджетное финансирование нацпроекта «Цифровая экономика») и развития проектной деятельности (стартапы, проекты в области сквозных технологий и их масштабирования), а также масштабы применения облачных сервисов в бизнес-секторе. При этом отсутствует тесная взаимосвязь факторов развития институтов с ростом цифрового предпринимательства в регионе, поскольку для ИТ-сектора определяющими стали более весомые инфраструктурные и финансовые факторы, а поддержка институтов важна для зарождения предпринимательства в других секторах экономики.

Индустриальные регионы имеют отличия в цифровизации предпринимательства за счет ускоренного роста инвестиций в цифровизацию промышленности, большей доли организаций, внедривших RFID- и ERP-технологии, развития институтов, большего удельного веса выпускников в ИКТ-секторе, наличия рейтинговых университетов, большей концентрации населения, активно использующего Интернет, инвестирования в ИТ-проекты. В прочих регионах отличительными чертами процесса цифровизации предпринимательства являются высокие темпы роста производства ИКТ-сектора, положительная динамика инвестиций в сервисную экономику и значительная доля интернет-продаж в розничной торговле, более развитая НТИ- и инженерно-техническая инфраструктура, участие в акселераторе Спринт, число стартапов в регионе и их рейтинг, объем инвестиций в ИКТ-сектор, суммы грантов, направленных на финансирование проектов Российского фонда развития информационных технологий, бюджетное финансирование сферы информации и связи.

Построенные регрессионные модели описывают причины увеличения доли организаций ИКТ-сектора, объемов и темпов роста электронной торговли и масштабов производства продукции предприятиями с использованием цифровых технологий. В индустриальных регионах их рост связан с большим количеством стартапов, институциональной поддержкой, опережающим темпом роста предпринимательства по сравнению с его ликвидацией, увеличением числа выпускников ИТ-специальностей, повышенным соотношением инвестиций к ВРП. Рост электронной коммерции на локальных рынках в неиндустриальном секторе происходит в связи с ростом общего количества зарегистрированных компаний, стартапов, доли организаций, использующих Интернет, числа мероприятий в точках кипения и точках роста. В региональной среде стартапы выступают источником цифровых

инноваций и создают условия для расширения экосистем и масштабирования предприятий. Также стартапы запускаются в регионах со значительной долей высокодоходных компаний, ИТ-технопарков и в действующих режимах территорий опережающего развития. Для стартапов преференциальные режимы благоприятны в связи с наличием льготных налоговых и административных условий, предоставлением доступа к инфраструктуре, что важно при открытии нового бизнеса. Успешные сотрудники предприятий, студенты рейтинговых вузов стремятся к реализации собственного бизнеса и тем самым создают стартап-идеи. Большая часть стартапов поддерживается и реализуется в области цифровых технологий.

Наибольшая неоднородность факторов, влияющих на цифровизацию региональной предпринимательской среды, во всех типах регионов наблюдается в отношении показателей стимулирования ИТ-проектов и финансового обеспечения, предназначенного для развития информатизации региона.

Фактором роста объема производства ИКТ-сектора в непромышленных регионах является наличие в них ИТ-парков, НТИ-инфраструктуры, инвестирования в ИТ-проекты и организации ИКТ-сектора.

Росту доли организаций ИКТ-сектора в неиндустриальных регионах способствует их концентрация вокруг рейтинговых вузов – центров цифровой индустрии. Рост цифрового предпринимательства обусловлен также развитием цифровых платформ и возможностью реализации продукции на экспорт посредством интернет-продаж. Росту доли цифрового сектора в экономике способствует увеличение человеческого капитала – кадров для цифровой экономики и бюджетного финансирования. Электронная коммерция в индустриальных регионах растет по причине увеличения в регионе числа компаний, которые используют облачные технологии, ИТ-парков, проектов в области сквозных технологий, а также привлечения инвестиций для ИТ-проектов и мероприятий, организуемых в точках роста. ИТ-технопарки способствуют наращиванию стартапов и становятся катализаторами роста цифровых экосистем на основе готовой инфраструктуры и инвестиций.

Увеличение объемов интернет-торговли в непромышленных регионах связано с привлечением бюджетных средств в сектор информации и связи, наличием информационно-технических центров – акселераторов федерального проекта «Платформа университетского технологического предпринимательства», уровнем развития региона (ВРП к численности населения) и бюджетным финансированием цифровой экономики, количеством кванториумов в регионе.

Влияние факторов цифровой трансформации на региональный экономический рост исследовалось Т. В. Миролюбовой и М. В. Радионовой. В результате было выявлено, что на рост ВРП на душу населения наиболее сильно влияют такие показатели, как численность занятых в ИКТ-секторе и затраты на ИКТ (Миролюбова и Радионова, 2021, с. 502–503). Кстати, отмечается, что вложения в информационно-коммуникационные технологии при осуществлении цифровизации региона имеют свой предел влияния на прирост ВРП на душу населения, что объясняется достижением уровня концентрации этих технологий в экономике (Петров и др., 2020, с. 429). Данные выводы

косвенно подтверждаются нашими исследованиями темпов роста цифрового предпринимательства в индустриальных регионах.

Отечественными учеными Т. В. Краминым и А. Р. Климановой доказана эластичность влияния цифрового инфраструктурного капитала региональных предприятий, к которому они относят показатели доступа к широкополосному Интернету, использования серверов и локальных вычислительных сетей, на экономическое развитие регионов России (Крамин и Климанова, 2019, с. 71). Выводы авторов согласовываются с полученными в ходе нашего исследования результатами и более подробно характеризуются в отношении индустриальных и непромышленных регионов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При определении цифрового предпринимательства как объекта исследования необходимо учитывать, что его отличительной характеристикой является обязательное применение цифровых технологий и невозможность осуществления приносящей доход деятельности традиционным образом, без их использования. Цифровизацию компании можно представить как процесс, который может привести ее либо к образованию цифрового предприятия, либо к повышению эффективности деятельности без полного перехода в сектор цифрового предпринимательства.

С позиций региональной экономики закономерности появления точек роста компаний цифрового сектора целесообразно рассматривать в рамках экосистемного подхода, который обеспечивает изучение влияния на представителей цифрового бизнеса элементов региональной среды, характеризующих востребованность информационно-коммуникационных технологий, а также обеспечивающих функционирование предпринимательства (субститутов), среди которых нами были выделены инфраструктурные, инновационные, институциональные, финансовые и научно-образовательные факторы.

В результате проведенных исследований мы получили результаты, свидетельствующие о различиях в развитии цифрового предпринимательства в региональных экосистемах индустриальной специализации и прочих типов. В промышленных регионах отмечена более тесная связь между ростом производства продукции ИКТ-сектора и использованием компьютерных технологий и научно-технической инфраструктуры, увеличением инвестиций в цифровую экономику, в то время как в прочих регионах на скорость появления предприятий цифрового сектора влияет повышенный рост электронной коммерции, акселерационные факторы и предприятия-лидеры.

Перспективы продолжения данного исследования авторы видят в выявлении конкретных функций субъектов, представляющих предпринимательскую среду, оценке уровня цифрового развития региональных предпринимательских экосистем и определении способов преодоления вариативности этих уровней.

Список источников

Аликаева М. В., Асланова Л. О., Шинахов А. А. Теории социально-экономических систем: закономерности и тенденции развития // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2020. Т. 82, № 3. С. 284–288. <https://doi.org/10.20914/2310-1202-2020-3-284-288>.

Гайсина Р. Р., Ризванова М. А. Особенности цифрового взаимодействия власти и бизнеса в социально-экономической системе региона // *π-Economy*. 2022. Т. 15, № 3. С. 22–34. <https://doi.org/10.18721/ПЕ.15302>.

Ермакова Ж. А., Корабейников И. Н. Формирование производственных отношений в условиях становления цифровой экономики в Российской Федерации // Экономика региона. 2019. Т. 15, № 4. С. 1199–1211. <https://doi.org/10.17059/2019-4-18>.

Клейнер Г. Б. Экономика экосистем: шаг в будущее // Экономическое возрождение России. 2019. № 1. С. 40–45.

Комарова С. В., Сергеева Н. В., Чухачева Е. В. Использование технологий цифрового обучения в программных документах развития региона // Управление образованием: теория и практика. 2022. Т. 12, № 3. С. 119–128. <https://doi.org/10.25726/z1719-8714-0069-с>.

Коровкин В. В., Кузнецова Г. В. Перспективы цифровой трансформации российского машиностроения // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2020. Т. 12, № 2. С. 291–313. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2020-2-291-313>.

Королева Н. Ш., Золотова В. Д. Проблемы цифровизации деятельности предприятия в современных условиях // Инновации и инвестиции. 2019. № 6. С. 114–117.

Крамин Т. В., Климанова А. Р. Развитие цифровой инфраструктуры в регионах России // *Terra Economicus*. 2019. Т. 17, № 2. С. 60–76. <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-2-60-76>.

Леонтьева Л. С., Орлова Л. Н., Ван Чунь Лань. Цифровые трансформации в предпринимательстве // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2019. № 2. С. 28–43.

Лобанова З. И. Развитие цифрового предпринимательства как фактор повышения конкурентоспособности фирмы [Электронный ресурс] // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2019. № 3. С. 52–58. URL: http://www.vestnik.ael.ru/Portals/13/hgaep_umm/2019_vestnik_n3/Лобанова.pdf (дата обращения: 18.05.2023).

Миролюбова Т. В., Радионова М. В. Оценка влияния факторов цифровой трансформации на региональный экономический рост // Регионология. 2021. Т. 29, № 3. С. 486–510. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.486-510>.

Мугутдинов Р. М. Цифровое предприятие как инновационный субъект бизнеса в условиях цифровых преобразований экономики // Вестник Академии знаний. 2021. № 6. С. 267–271. <https://doi.org/10.24412/2304-6139-2021-6-267-271>.

Овчинникова А. В., Зимин С. Д. Оценка связей предпринимательских экосистем с уровнем экономического развития регионов России // *Journal of Applied Economic Research*. 2021. Т. 20, № 3. С. 362–382. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2021.20.3.015>.

Петров С. П., Маслов М. П., Карпович А. И. Влияние инвестиций в развитие цифровой экономики на объем валового внутреннего продукта России

// Journal of Applied Economic Research. 2020. Т. 19, № 4. С. 419–440. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2020.19.4.020>.

Плотников В. А., Пирогова О. Е. Устойчивое развитие цифровых предприятий на основе баланса интересов стейкхолдеров // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10, № 2. С. 94–105.

Раменская Л. А. Применение концепции экосистем в экономико-управленческих исследованиях // Управленец. 2020. Т. 11, № 4. С. 16–28. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-4-2>.

Тарануха Ю. В. Предпринимательство: природа, содержание и сущность // Вестник Пермского университета. Серия «Экономика». 2021. № 3. С. 223–237. <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2021-3-223-237>.

Тельнов Ю. Ф. Развитие архитектур цифровых предприятий // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 230, № 4. С. 230–235. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-230-4-230-235>.

Тимиргалеева Р. Р., Гришин И. Ю. Цифровое предпринимательство в развитии экономики // Современная научная мысль. 2019. № 5. С. 182–186.

Толстых О. Т., Агаева А. М. Экосистемная модель развития предприятий в условиях цифровизации // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2020. № 1. С. 37–49. <https://doi.org/10.21685/2227-8486-2020-1-3>.

Третьякова Е. А., Фрейман Е. Н. Экосистемный подход в современных экономических исследованиях // Вопросы управления. 2022. № 1. С. 6–20. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-1-6-20>.

Храмченко А. А., Соколова С. Ю., Попова В. С. и др. Перспективы развития технологического предпринимательства // Естественно-гуманитарные исследования. 2022. № 1. С. 328–335. <https://doi.org/10.24412/2309-4788-2022-1-39-328-335>.

Шешукова Т. Г., Титенский А. Р. Влияние цифровизации на управленческий учет предприятия // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 6–1. С. 176–180. <https://doi.org/10.17513/vaael.2262>.

Юдина С. В., Мингазова О. Н. О предпосылках и основаниях исследования инновационного предпринимательства // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2021. № 56. С. 167–176. <https://doi.org/10.17223/19988648/56/13>.

Elia G., Margherita A., Passiante G. Digital entrepreneurship ecosystem: How digital technologies and collective intelligence are reshaping the entrepreneurial process // Technological Forecasting and Social Change. 2020. Vol. 150. Art. № 119791. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2019.119791>.

Kohtamäki M., Parida V., Oghazi P. et al. Digital servitization business models in ecosystems: A theory of the firm // Journal of Business Research. 2019. Vol. 104. P. 380–392. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.06.027>.

Leendertse J., Schrijvers M., Stam E. Measure twice, cut once: Entrepreneurial ecosystem metrics [Электронный ресурс] // U.S.E. Working Paper Series. 2020. № 20-01. 58 p. URL: https://www.uu.nl/sites/default/files/working_paper_u.s.e._20-01.pdf (дата обращения: 05.05.2023).

Li-Ying J., Sofka W., Tuertscher Ph. Managing innovation ecosystems around Big Science Organizations // *Technovation*. 2022. Vol. 116. Art. № 102523. <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2022.102523>.

Mason C., Brown R. Entrepreneurial ecosystems and growth oriented entrepreneurship. Final report to OECD. Paris: OECD, 2014. 38 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/cfe/leed/Entrepreneurial-ecosystems.pdf> (дата обращения 20.05.2023).

Pushpanathan G., Elmquist M. Joining forces to create value: The emergence of an innovation ecosystem // *Technovation*. 2022. Vol. 115. Art. № 102453. <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2021.102453>.

Spilling O. R. The entrepreneurial system: On entrepreneurship in the context of a mega event // *Journal of Business Research*. 1996. Vol. 36, № 1. P. 91–103.

Toh M.-H. Developing digital business ecosystem in Singapore // *Asia Competitiveness Institute Research Paper Series*. 2021. № 12-202. 24 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://lkyspp.nus.edu.sg/docs/default-source/aci/acirp202112.pdf> (дата обращения 20.05.2023).

Информация об авторах

В. А. Якимова – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры финансов экономического факультета, руководитель лаборатории исследования региональных предпринимательских экосистем в условиях цифровой среды ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет», 675000, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21

SPIN-код (РИНЦ): 4477-4930

AuthorID (РИНЦ): 658939

Web of Science ResearcherID: O-3883-2017

Scopus Author ID: 57209797168

С. В. Панкова – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры бухгалтерского учета, анализа и аудита Института менеджмента, экономики и предпринимательства ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет», 460018, Россия, г. Оренбург, пр-т Победы, 13; ведущий научный сотрудник лаборатории исследования региональных предпринимательских экосистем в условиях цифровой среды ФГБОУ ВО «Амурский государственный университет», 675000, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21

SPIN-код (РИНЦ): 8608-5104

AuthorID (РИНЦ): 403869

Web of Science ResearcherID: K-7461-2012

Scopus Author ID: 57194409405

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 31.05.2023; одобрена после рецензирования 26.06.2023; принята к публикации 26.06.2023.

References

- Alikaeva, M. V., Aslanova, L. O. and Shinakhov, A. A. (2020), "Theories of socio-economic ecosystems: Patterns and development trends", *Proceedings of the Voronezh State University of Engineering Technologies*, vol. 85, no. 3, pp. 284–288, <https://doi.org/10.20914/2310-1202-2020-3-284-288>.
- Gaysina, R. R. and Rizvanova, M. A. (2022), "Features of digital interaction between government and business in the socio-economic system of the region", *π-Economy*, vol. 15, no. 3, pp. 22–34, <https://doi.org/10.18721/JE.15302>.
- Ermakova, Zh. A. and Korabeynikov, I. N. (2019), "The formation of production relations in the context of the digital economy establishment in the Russian Federation", *Economy of Regions*, vol. 15, no. 4, pp. 1199–1211, <https://doi.org/10.17059/2019-4-18>.
- Kleiner, G. B. (2019), "Ecosystem economy: Step into the future", *Economic Revival of Russia*, no. 1, pp. 40–45.
- Komarova, S. V., Sergeeva, N. V. and Chukhacheva, E. V. (2022), "The use of digital learning technologies in the program documents of the region's development", *Education Management Review*, vol. 12, no. 3, pp. 119–128, <https://doi.org/10.25726/z1719-8714-0069-c>.
- Kramin, T. V. and Klimanova, A. R. (2019), "Development of digital infrastructure in the Russian regions", *Terra Economicus*, vol. 17, no. 2, pp. 60–76, <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-2-60-76>.
- Koroleva, N. Sh. and Zolotova, V. D. (2019), "Problems of digitalization of enterprise activity in modern conditions", *Innovations and Investments*, no. 6, pp. 114–117.
- Korovkin, V. V. and Kuznetsova, G. V. (2020), "Prospects for digital transformation in Russian machine building industry", *Ars Administrandi*, vol. 12, no. 2, pp. 291–313, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2020-2-291-313>.
- Leontieva, L. S., Orlova, L. N. and Wang Chun Lan (2019), "Digital transformations in entrepreneurship", *Moscow University Public Administration Bulletin*, no. 2, pp. 28–43.
- Lobanova, Z. I. (2019), "Development of digital entrepreneurship as a factor in increasing the competitiveness of a company", *Vestnik Khabarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, no. 3, pp. 52–58 [Online], available at: http://www.vestnik.ael.ru/Portals/13/hgaep_umm/2019_vestnik_n3/Лобанова.pdf (Accessed May 18, 2023).
- Miroyubova, T. V. and Radionova, M. V. (2021), "Assessing the impact of the factors in the digital transformation on the regional economic growth", *Regionology*, vol. 29, no. 3, pp. 486–510, <https://doi.org/10.15507/2413-1407.116.029.202103.486-510>.
- Mugutdinov, R. M. (2021), "Digital enterprise as an innovative business entity in the context of digital transformation of the economy", *Bulletin of the Academy of Knowledge*, no. 6, pp. 267–271, <https://doi.org/10.24412/2304-6139-2021-6-267-271>.
- Ovchinnikova, A. V. and Zimin, S. D. (2021), "Assessment of relations of business ecosystems with the level of economic development of regions of Russia", *Journal of Applied Economic Research*, vol. 20, no. 3, pp. 362–382, <https://doi.org/10.15826/vestnik.2021.20.3.015>.

Petrov, S. P., Maslov, M. P. and Karpovich, A. I. (2020), "Influence of expenditures in the development of the digital economy on the volume of Russia's GDP", *Journal of Applied Economic Research*, vol. 19, no. 4, pp. 419–440, <https://doi.org/10.15826/vestnik.2020.19.4.020>.

Plotnikov, V. A. and Pirogova, O. E. (2020), "Sustainable development of digital enterprises based on a balance of interests of stakeholders", *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*, vol. 10, no. 2, pp. 94–105.

Ramenskaya, L. A. (2020), "The concept of ecosystem in economic and management studies", *The Manager*, vol. 11, no. 4, pp. 16–28, <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2020-11-4-2>.

Taranukha, Yu. V. (2021), "Entrepreneurship: Nature, content and essence", *Perm University Herald. Economy*, no. 3, pp. 223–237, <https://doi.org/10.17072/1994-9960-2021-3-223-237>.

Telnov, Yu. F. (2021), "Development of the digital enterprises architectures", *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, vol. 230, no. 4, pp. 230–235, <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-230-4-230-235>.

Timirgaleeva, R. R. and Grishin, I. Yu. (2019), "Digital entrepreneurship in economic development", *Modern Scientific Thought*, no. 5, pp. 182–186.

Tolstykh, O. T. and Agaeva, A. M. (2020), "Ecosystem model of enterprise development in the context of digitalization", *Models, Systems, Networks in Economics, Engineering, Nature and Society*, no. 1, pp. 37–49, <https://doi.org/10.21685/2227-8486-2020-1-3>.

Tretiakova, E. A. and Freyman, E. N. (2022), "Ecosystem approach in modern economic research", *Management Issues*, no. 1, pp. 6–20, <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2022-1-6-20>.

Khramchenko, A. A., Sokolova, S. Yu., Popova, V. S. et al. (2022), "Prospects for the development of technological entrepreneurship", *Natural-Humanitarian Studies*, no. 1, pp. 328–335, <https://doi.org/10.24412/2309-4788-2022-1-39-328-335>.

Sheshukova, T. G. and Titensky, A. R. (2022), "Impact of digitalization on the management accounting of the enterprise", *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, no. 6–1, pp. 176–180, <https://doi.org/10.17513/vaael.2262>.

Yudina, S. V. and Mingazova, O. N. (2021), "On the background and basis for innovative entrepreneurship research", *Tomsk State University Journal of Economics*, no. 56, pp. 167–176, <https://doi.org/10.17223/19988648/56/13>.

Elia, G., Margherita, A. and Passiante, G. (2020), "Digital entrepreneurship ecosystem: How digital technologies and collective intelligence are reshaping the entrepreneurial process", *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 150, art. no. 119791, <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2019.119791>.

Kohtamäki, M., Parida, V., Oghazi, P. et al. (2019), "Digital servitization business models in ecosystems: A theory of the firm", *Journal of Business Research*, vol. 104, pp. 380–392, <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2019.06.027>.

Leendertse, J., Schrijvers, M. and Stam, E. (2020), "Measure twice, cut once: Entrepreneurial ecosystem metrics", *U.S.E. Working Paper Series*, no. 20-01, 58 p. [Online], available at: https://www.uu.nl/sites/default/files/working_paper_u.s.e._20-01.pdf (Accessed May 5, 2023).

Li-Ying, J., Sofka, W. and Tuertscher, Ph. (2022), “Managing innovation ecosystems around Big Science Organizations”, *Technovation*, vol. 116, art. no. 102523, <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2022.102523>.

Mason, C. and Brown, R. (2014), *Entrepreneurial ecosystems and growth oriented entrepreneurship. Final report to OECD*, OECD, Paris, France [Online], available at: <https://www.oecd.org/cfe/leed/Entrepreneurial-ecosystems.pdf> (Accessed May 20, 2023).

Pushpanathan, G. and Elmquist, M. (2022), “Joining forces to create value: The emergence of an innovation ecosystem”, *Technovation*, vol. 115, art. no. 102453, <https://doi.org/10.1016/j.technovation.2021.102453>.

Spilling, O. R. (1996), “The entrepreneurial system: On entrepreneurship in the context of a mega event”, *Journal of Business Research*, vol. 36, no. 1, pp. 91–103.

Toh, M.-H. (2021), “Developing digital business ecosystem in Singapore”, *Asia Competitiveness Institute Research Paper Series*, no. 12-202, 24 p. [Online], available at: <https://lkyspp.nus.edu.sg/docs/default-source/aci/acirp202112.pdf> (Accessed May 20, 2023).

Information about the authors

V. A. Yakimova – Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Finance, Faculty of Economics, Head of the Laboratory for the Study of Regional Entrepreneurial Ecosystems in a Digital Environment, Amur State University, 21 Ignatievskoe Highway, Blagoveshchensk, 675000, Russia
SPIN-code (RSCI): 4477-4930
AuthorID (RSCI): 658939
Web of Science ResearcherID: O-3883-2017
Scopus Author ID: 57209797168

S.V. Pankova – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Accounting, Analysis and Audit, Institute of Management, Economics and Entrepreneurship, Orenburg State University, 13 Pobeda Ave., Orenburg, 460018, Russia; Leading Researcher of the Laboratory for the Study of Regional Entrepreneurial Ecosystems in a Digital Environment, Amur State University, 21 Ignatievskoe Highway, Blagoveshchensk, 675000, Russia
SPIN-code (RSCI): 8608-5104
AuthorID (RSCI): 403869
Web of Science ResearcherID: K-7461-2012
Scopus Author ID: 57194409405

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 31.05.2023; approved after reviewing 26.06.2023; accepted for publication 26.06.2023.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 3. С. 406–425.
Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 3, pp. 406–425.

Научная статья
УДК 331.5:004.9
<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-406-425>

ЦИФРОВАЯ МОДЕЛЬ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ТРУДОУСТРОЙСТВА ВЫПУСКНИКА ВУЗА С УЧЕТОМ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ АСПЕКТОВ

Амина Шамилевна Гайсина¹, Айдар Илшатович Минязев²,
Лиля Ишмухаматовна Мигранова³✉

^{1,2,3}Уфимский федеральный исследовательский центр РАН, Уфа, Россия

¹ aminagay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1620-1099>

² aiminyazev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5410-5567>

³ lilya2710@yandex.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-9794-9292>

Аннотация. Введение: в современных условиях адаптации рынка труда к новым вызовам цифровой экономики возникает необходимость поиска новых аналитических инструментов оценки поведения на рынке труда человека на разных стадиях его жизненного цикла. Это касается выбора человеком и своей образовательной траектории (будущей профессии, места обучения), и профессиональной, связанной или не связанной с полученной профессией. **Цель:** разработка цифровой модели прогнозирования трудоустройства выпускника вуза на рынке труда на основе агентно-ориентированного подхода. **Методы:** имитационное моделирование, агент-ориентированный подход, системная динамика, анализ, синтез, социологический опрос. **Результаты:** предлагаемая модель рассматривает поведение соискателя работы – выпускника вуза в условиях конкуренции с популяциями агентов «Безработный», «Мигрант», претендующих на вакантные места агентов-предприятий, формирующих кадровые потребности региона. Модель апробирована на примере трудоустройства выпускников вузов Республики Башкортостан. Получены прогнозные данные на 2025 год по численности трудоустроившихся выпускников вузов и численности мигрировавших выпускников, оставшихся без работы; определено также число незакрытых вакантных мест, то есть объем неудовлетворенных потребностей рынка труда. **Выводы:** полученная цифровая модель позволяет оценить влияние отдельных мер государственной политики на изменение профессионально-квалификационного дисбаланса рынка труда через оценку реакций конкретных индивидов. Модель может быть использована органами государственной власти для корректировки образовательной и трудовой политики.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: агент-ориентированная модель, рынок труда, сфера образовательных услуг, выпускник, безработный, мигрант, поведение агентов

Благодарность: исследование выполнено в рамках государственного задания Уфимского федерального исследовательского центра РАН № 075-01134-23-00 на 2023 год.

Для цитирования: Гайсина А. Ш., Минязев А. И., Мигранова Л. И. Цифровая модель прогнозирования трудоустройства выпускника вуза с учетом поведенческих аспектов // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 3. С. 406–425. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-406-425>.

Original article

A DIGITAL MODEL FOR PREDICTING THE UNIVERSITY GRADUATES EMPLOYMENT IN VIEW OF BEHAVIORAL ASPECTS

Amina Sh. Gaisina¹, Aidar I. Minyazev², Liliya I. Migranov³✉

^{1,2,3} Ufa Federal Research Center of the RAS, Ufa, Russia

¹ aminagay@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1620-1099>

² aiminyazev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5410-5567>

³ lilya2710@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9794-9292>

Annotation. Introduction: in modern conditions of labor market adaptation to the new challenges of the digital economy there is a need to search for new analytical tools to assess human behavior in the labor market at different stages of its life cycle. This applies to the applicant's choice of an educational trajectory (future profession, place of study), as well as the choice of a professional trajectory related or unrelated to the profession received. **Objectives:** development of a digital model for predicting the employment of a university graduate in the labor market using an agent-based approach. **Methods:** simulation modeling methods, agent-based approach, system dynamics, analysis, synthesis, sociological research. **Results:** the proposed model considers the behavior of a job seeker – a university graduate in competition with populations of “Unemployed”, “Migrant” agents applying for vacant positions of agents-enterprises that form the staffing needs of the region. The model was tested in the case of labor market employment of Bashkortostan Republic universities graduates. The forecast data for 2025 have been received on the number of employed university graduates and the number of migrating graduates with no employment; the number of unfilled vacancies, i.e., unsatisfied needs of the labor market has also been determined. **Conclusions:** the resulting digital model allows to assess the impact of individual state policy measures on changing the professional and qualification imbalance of the market through the assessment of the reactions of specific individuals. Public authorities can use the model to adjust educational or labor policies.

Keywords: agent-oriented model, labor market, educational services, graduate, unemployed, migrant, agent behavior

Acknowledgements: the research was supported by the government fund to the Ufa Federal Research Center of Russian Academy of Sciences no. 075-01134-23-00 for 2023.

For citation: Gaisina, A. Sh., Minyazev, A. I. and Migranov, L. I. (2023), “A digital model for predicting the university graduates employment in view of behavioral aspects”, *Ars Administrandi*, vol. 15, no. 3, pp. 406–425, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-406-425>.

ВВЕДЕНИЕ

Трудовые ресурсы являются важным фактором в развитии цифровой экономики. В настоящее время региональные власти часто сталкиваются с проблемой регулирования рынка труда из-за дисбаланса спроса и предложения квалифицированных кадров. Это неравновесие объясняется целым рядом факторов: несоответствием предлагаемых вузами образовательных программ потребностям регионального рынка труда, нежеланием выпускников работать по полученной специальности, миграция в другие регионы (Мигранова, 2021; Мигранова и Атнабаева, 2021) и прочие особенности поведения молодежи на рынке труда (Атаева и Уляева, 2018; Гайнанов и Климентьева, 2019; Гайнанов и Мигранова, 2020).

Проблема несоответствия приема и выпуска в вузах востребованным на рынке труда направлениям обучения существует уже не первый год и заключается в том, что многие студенты выбирают профессии, не имеющие на рынке труда высокого спроса. Отчасти это обусловлено более простым и быстрым получением образования по таким профессиям. В этом убеждают и результаты выбора предметов ЕГЭ для поступления в вуз: наибольший процент выпускников школ отдают предпочтение предмету «Обществознание», который является вступительным экзаменом на экономические и гуманитарные специальности. Данный поведенческий аспект порождает еще одну проблему: согласно официальной статистике, многие трудоустроенные выпускники работают не по специальности¹ (рис. 1).

Очевидно, что выявление факторов, формирующих поведение человека / соискателя на рынке труда, для корректировки такого поведения посредством государственного воздействия и удовлетворения перспективных кадровых потребностей является актуальной управленческой задачей. Сложность выявления указанных факторов предопределяет необходимость использования научного подхода, который бы учитывал индивидуальные характеристики человека, его желания и мотивы.

Цель настоящей работы – построение цифровой модели прогнозирования трудоустройства человека на рынке труда с учетом его поведенческих аспектов. Авторы предлагают использовать агент-ориентированный подход для создания цифровой модели прогноза трудоустройства человека / соискателя на рынке труда.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Имитационное моделирование на основе агент-ориентированного подхода позволяет получать сценарные варианты поведенческих аспектов трудоустройства выпускника. Также имитационное моделирование дает возможность прогнозировать потребности рынка труда с учетом перспектив развития видов экономической деятельности (ВЭД) и сценарных вариантов экономической и кадровой политики.

¹ *Трудоустройство* выпускников образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования [Электронный ресурс] // Офф. сайт Федер. службы гос. статистики. 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 19.01.2023).

Рис. 1. Структура выпускников 2018–2020 годов выпуска, работающих не по специальности, полученной в вузе / Fig. 1. Breakdown for 2018–2020 graduates working not in the specialty obtained at the university

Источник: составлено авторами на основе данных Федеральной службы государственной статистики.

Одним из основных преимуществ агент-ориентированного моделирования является его способность отражать сложное, нелинейное и эмерджентное поведение в системах, которые не могут быть легко поняты или предсказаны с помощью традиционных математических моделей. Большой вклад в развитие моделирования экономических и социальных процессов с применением агент-ориентированного подхода внесли (Бурилина и Евдокимов, 2020; Абрамов, 2018; Швецов и Дианов, 2019).

Среди зарубежных исследований по данному направлению одним из последних значимых результатов является система WorkSim – комплексная агентная модель французского рынка труда, разработанная Ж. Кантом и его коллегами, которая реализует многочисленные экономические механизмы, такие как поиск по обе стороны рынка, принятие решений при ограниченной рациональности, прогноз шоков спроса, обучение, эндогенный выбор трудового контракта, а также различные виды человеческого капитала (Kant et al., 2020). Модель калибруется с помощью мощного эволюционного алгоритма и проверяется на большом количестве целей. Авторы проводят несколько анализов и оценок политик на рынке труда, подчеркивая важность институтов

и определяя некоторые основные механизмы на французском рынке труда, такие как сегментация, отбор и буферная роль срочных трудовых контрактов. Модель позволяет выявить новые механизмы и эффекты государственного влияния, которые не были освещены ранее, что делает ее ценным инструментом для разработки политики на рынке труда. WorkSim воспроизводит основные механизмы реального рынка труда и их взаимодействия, что делает ее важным вкладом в данную область.

Работы российских исследователей, применяющих агент-ориентированный подход при прогнозировании рынка труда, появились относительно недавно.

Модель динамики трудового потенциала региона, разработанная А. В. Маматовым, А. Л. Машковой и О. А. Савиной, учитывает множество факторов, в том числе демографические процессы, миграцию, экономику, образование и региональное управление (Маматов и др., 2019; Mamatov et al., 2020). Она используется для оценки воздействия мероприятий, прописанных в программах развития трудового потенциала в регионе, и динамики рынка труда в целом, а также для прогнозирования и оценки эффективности управленческих решений. Для этого на вход подаются данные о демографических процессах, миграции, экономической структуре и образовании, а также планы мероприятий и оценка их воздействия на целевые группы.

Другая модель, разработанная Т. Е. Быковой, основана на агент-ориентированном подходе и описывает состояние рынка труда Алтайского края (Быкова, 2019). В этой модели каждый агент – человек трудоспособного возраста – находится в одном из трех состояний: «занятый», «безработный» или «хронически безработный». Вероятность перехода агента из одного состояния в другое зависит от численности занятых и безработных на рынке труда, а также от официальных статистических данных о количестве безработных, находящихся в поиске работы больше года.

Г. А. Агарков и Т. В. Тарасьева описали исследовательский подход, который объединяет агент-ориентированную модель с эконометрической моделью для максимизации заработной платы студентов (Агарков и Тарасьева, 2022). На первом уровне построения авторской модели используется эконометрическая модель, позволяющая адаптировать образовательные программы к интересам студентов. На втором уровне агент-ориентированная модель описывает поведение студентов в общей выборке. Преимущества данного подхода – в возможности расчета оптимальных вариантов и сценариев обучения студентов с учетом успешности выпускников на региональном рынке труда.

М. Ю. Хавинсон и А. Н. Колобов провели исследование, в рамках которого изучили колебания численности занятых по разным видам экономической деятельности в Еврейской автономной области за период с 2008 по 2016 год (Хавинсон и Колобов, 2018а, 2018б). Исследование показывает, что решающую роль в распределении работников в рыночной экономике играют личные стратегии экономических агентов, что приводит к нелинейным колебаниям численности занятого населения. В статье выдвинута гипотеза о том, что агент на рынке труда при выборе работы руководствуется стратегией, характерной для его возрастной группы, что в конечном итоге непосред-

ственно влияет на распределение занятости различных когорт и общее число занятых в секторах экономики. Для проверки гипотезы, согласно которой наличие различных стратегий выбора отрасли вместе с возрастными предпочтениями работодателей внутри отрасли приводит к периодическим и сложным режимам динамики разновозрастной занятости, авторы использовали базовую агентную модель.

И все же в исследованиях, проводимых в этой области, не до конца изучены как поведение экономических субъектов на рынке труда, так и потенциальные изменения, которые могут произойти на рынке по мере цифровой трансформации экономики.

В рамках данного исследования использован агент-ориентированный подход для создания цифровой модели прогноза трудоустройства человека / соискателя на рынке труда. Модель позволит анализировать различия между спросом и предложением на рынке труда, имитировать влияние мер государственной политики на поведение конкретных индивидов и оценить их эффективность. Авторами выбран агент-ориентированный подход, поскольку он позволяет задавать среду взаимодействия и устанавливать правила (Макаров и др., 2018; Axtell and Farmer, 2022; Bertani et al., 2021). Для моделирования используется система Anylogic.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основная концепция разрабатываемой авторами агент-ориентированной модели заключается в том, что обеспеченность кадровых потребностей определяется тремя типами модулей: 1) модуль «Человек», в котором агенты наделяются компетенциями в зависимости от принадлежности к группам «Выпускник», «Безработный», «Мигрант». Входные данные задаются на основе официальной статистической информации и социологических опросов. В данной статье представлены результаты апробации модели на выпускниках вузов Республики Башкортостан; 2) модуль «Рынок труда» (экономика) состоит из популяции агентов «Предприятия», соответствующих определенному виду экономической деятельности и описанных такими характеристиками, как потребность в трудовых ресурсах по качественному составу и среднемесячная заработная плата; 3) модуль «Орган власти» формирует среду взаимодействия вышеописанных агентов (рис. 2).

Описание агентов, их характеристик и стратегий поведения представлено в приведенной ниже таблице.

Взаимоотношения агента-человека и агента-предприятия рассматриваются в упрощенном виде и со стороны человека сводятся к возможности устроиться на работу, пройти переобучение или мигрировать, а со стороны предприятия – к принятию решения о приеме на работу претендентов на вакансии, увеличению / снижению заработной платы, вводу дополнительных рабочих мест.

Желаемая заработная плата определяется с помощью значения функции усеченного нормального распределения в зависимости от направления подго-

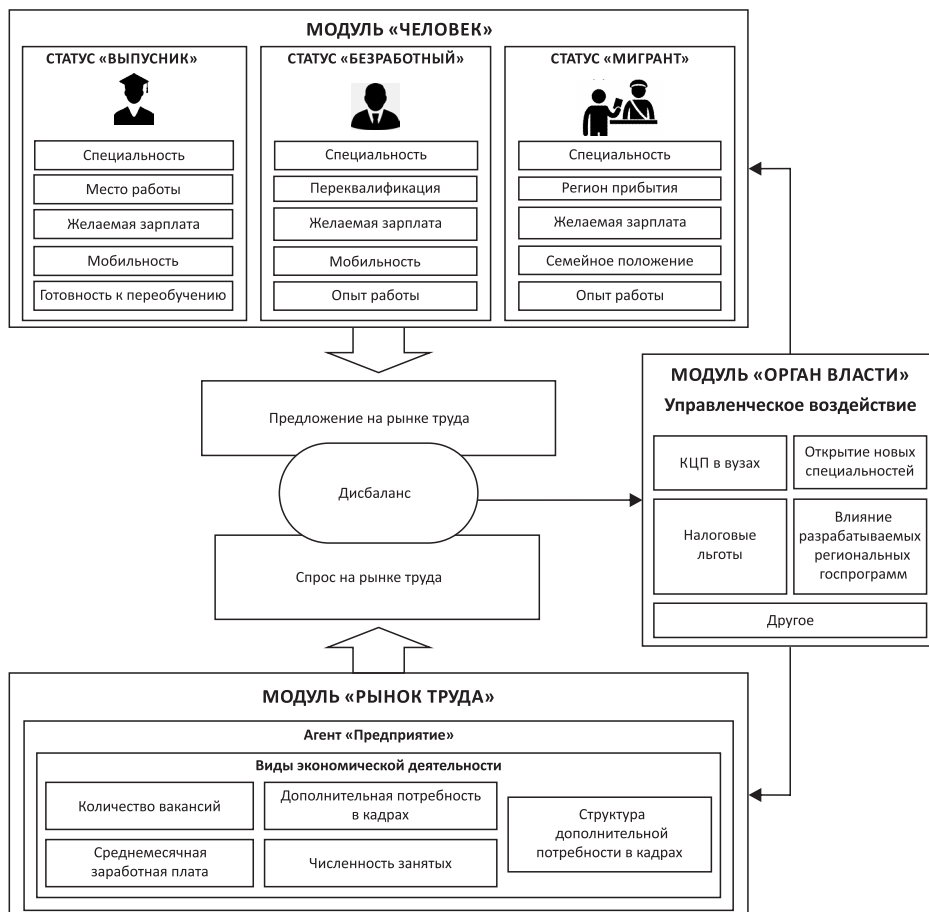

Рис. 2. Концептуальная схема цифровой модели поведения человека на рынке труда / Fig. 2. Conceptual diagram of the digital model of human behavior in the labor market

Источник: разработано и составлено авторами.

товки: $f(\alpha, \beta, \mu, \sigma)$ – усеченное нормальное распределение, где α – минимальное значение (0), β – максимальное значение (100 000), μ – математическое ожидание или среднее значение желаемой зарплаты выпускников по направлению подготовки, σ – среднее квадратическое отклонение. Параметры распределения рассчитываются на основе результатов опроса о минимальной оплате труда, на которую согласен человек по своему направлению подготовки.

Готовность к переобучению и готовность к миграции у каждого агента-человека определяется на основе доли α от численности выпускников, готовых переобучиться или мигрировать, если не получится трудоустроиться по своему направлению подготовки, путем генерации случайных чисел от 0 до 1: при генерации числа ниже или равно α переменная примет значение «да», при генерации числа больше α переменная примет значение «нет». Данный показатель получен также в результате опроса выпускников вузов Республики Башкортостан.

Описание агентов цифровой модели прогнозирования трудоустройства человека на рынке труда / Description of the agents of the digital model for predicting human employment in the labor market

Наименование агента	Характеристики агента	Доступное поведение
Человек / соискатель	Направление подготовки, желаемая зарплата, готовность к переобучению, готовность к миграции, статус	Устройство на работу, прохождение переобучения, миграция
Предприятие	ВЭД, дополнительная потребность по направлениям подготовки, средняя заработная плата	Создание дополнительных рабочих мест, увеличение / снижение заработной платы
Орган власти	Представлены в виде среды	Поведение задается на основе управляемых параметров модели

Источник: разработано авторами.

Показатель среднегодовой заработной платы получен из официальной статистики по ВЭД и на прогнозные годы индексируется исходя из прогнозного увеличения средней заработной платы согласно Прогнозу социально-экономического развития Республики Башкортостан².

Для определения дополнительной потребности в кадрах для каждой экономической деятельности по различным направлениям подготовки используется прогноз прироста численности занятых и освобождения мест в результате естественного возрастного выбытия. Декомпозиция прогноза дополнительной кадровой потребности региона базируется на матрице профессионально-квалификационного соответствия, где каждая ячейка матрицы соответствует процентной доле специалистов с определенным уровнем образования и направлением подготовки, которые традиционно привлекаются к работе в определенной экономической деятельности. Вес каждой ячейки присваивается экспертно, чтобы сумма весов в столбце (в ВЭД) равнялась 1 (или 100 %), и основывается на официальной статистике и оценке относительной потребности ВЭД в специальностях (Гуртов и Питухин, 2017; Мигранова и Минязев, 2022).

Основные методологические допущения модели:

1. Обеспеченность кадровых потребностей определяется физическими лицами (агенты-люди), предприятиями (ВЭД), органами власти (агенты-управленцы).

2. Местом жительства агентов считается Республика Башкортостан в целом.

3. Характеристика человека включает в себя следующие параметры: направление подготовки (НП), желаемая зарплата, готовность к переобучению, готовность к миграции, статус.

² Прогноз социально-экономического развития Республики Башкортостан на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Респ. Башкортостан от 30.12.2022 №1830-р. URL: <https://economy.bashkortostan.ru/activity/22338/> (дата обращения: 27.01.2023).

4. Характеристика предприятия включает в себя следующие параметры: дополнительная потребность по направлениям подготовки, средняя заработная плата.

5. Органы власти могут влиять на обеспеченность кадровых потребностей путем регулирования заработной платы, введения дополнительных рабочих мест, а также на регулирование структуры выпуска образовательных организаций посредством использования интерактивных элементов управления.

6. Агенты-люди могут трудоустраиваться только по своему направлению подготовки.

На рисунке 3 представлен алгоритм работы цифровой модели прогнозирования трудоустройства человека на рынке труда.

Перед началом компьютерных симуляций в модели инициализируются переменные. Все агенты-люди создаются со статусом «Безработный». Затем происходит перебор каждого агента в популяции «Человек». В состоянии «Формирование списка предприятий...» каждый человек создает список предприятий, где он может найти работу в соответствии с квалификацией. При реализации данного этапа происходит сравнение направления подготовки человека с потребностью агентов популяции «Предприятие» в работах с такой же квалификацией. Если потребность превышает ноль, то предприятие добавляется в список. Затем список сортируется по уровню заработной платы предприятий по убыванию.

На следующем этапе происходит сортировка предприятий из списка. Для каждого предприятия осуществляется сопоставление уровня зарплаты на предприятии и минимального размера зарплаты, которую желает соискатель n . Если размер заработной платы на предприятии k не соответствует желаемому, то агент осуществляет переход к следующему предприятию из списка. Если уровень зарплаты равен или выше желаемого, то проверяется дополнительная потребность предприятия k в работах с такой же квалификацией, как у соискателя n . Если значение этого параметра равно 0, осуществляется переход к следующему предприятию из списка. Если же значение параметра превышает 0, то человек n устраивается на работу на предприятие k и ему присваивается статус «Трудоустроен», а дополнительная потребность предприятия k уменьшается на единицу. Затем происходит переход к следующему агенту в популяции «Человек».

По завершении перебора предприятий из списка проверяется параметр «Готовность переобучаться» у человека n . Когда значение параметра становится «да», статус человека n не изменяется и происходит переход к следующему агенту популяции «Человек». Если значение параметра «нет», то у человека n проверяется параметр «Готовность мигрировать в другой регион». При значении параметра «да» человек n становится мигрантом, ему присваивается соответствующий статус и происходит переход к следующему агенту популяции «Человек». Значение параметра «нет» переводит модель к первому перебору предприятий из списка, желаемая зарплата человека n уменьшается на 40 %, и сортировка предприятий начинается заново. Если это не первый перебор предприятий, то человек n остается с прежним статусом и происходит переход к следующему агенту популяции «Человек».

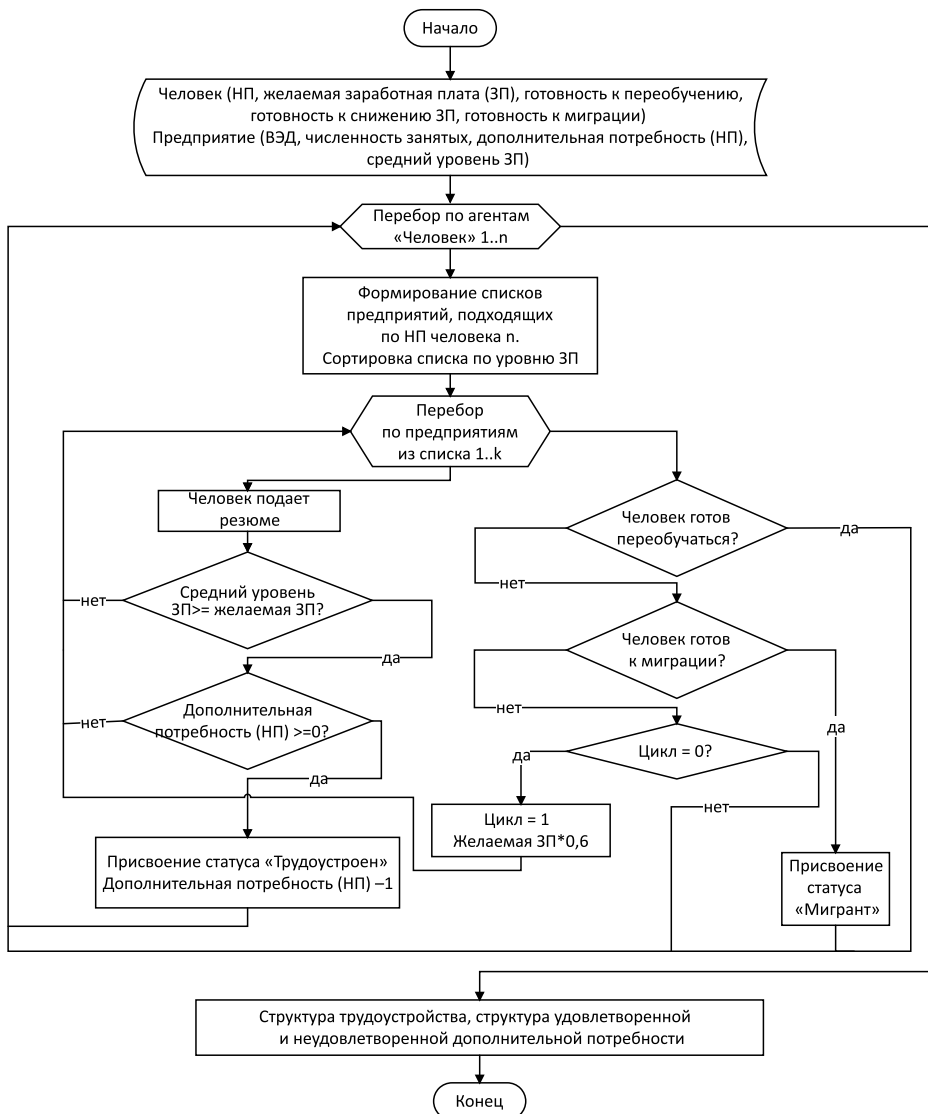

Рис. 3. Алгоритм работы цифровой модели прогнозирования трудоустройства человека на рынке труда / Fig. 3. The algorithm of the digital model for predicting human employment in the labor market

Источник: разработано и составлено авторами.

После того как перебор всех агентов в популяции «Человек» закончился, модель выводит результаты и завершает свою работу. Выходными данными модели являются следующие показатели: число трудоустроенных агентов, численность безработных и мигрировавших на работу в другой регион. Число трудоустроенных агентов определяется количеством агентов в популяции «Человек» со статусом «Рабочий», число безработных – количеством агентов со статусом «Без работы», а число мигрировавших – количеством агентов

со статусом «Уехал». Возможна детализация этих показателей по направлениям подготовки и уровням образования в отдельных популяциях «Выпускники», «Безработные» и «Мигранты».

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ

На основе разработанной цифровой модели трудоустройства выпускников вузов на рынке труда был осуществлен прогноз на 2025 год по численности трудоустроившихся выпускников вузов, численности мигрировавших выпускников и численности выпускников, оставшихся без работы, а также определено количество незакрытых вакантных мест, то есть неудовлетворенные потребности рынка труда. Достоинством данной модели является то, что в программном комплексе заложена опция учета изменения факторов, входных параметров и внешних условий, позволяющая проследить возможные сценарии поведения выпускников на рынке труда. В качестве исходных для агентолюблей были использованы данные опроса выпускников вузов Республики Башкортостан в 2022 году по желаемой зарплате, их готовности переобучиться и мигрировать в зависимости от направления обучения (Гайнанов и др., 2022).

Численность выпускников по направлениям подготовки на 2025 год рассчитывалась исходя из данных по приему на 2021 год и доли завершивших обучение за предыдущие годы³ по следующим формулам:

$$FGr_{k,t} = App_{k,t-4} * Drop_k, \quad (1)$$

$$Drop_k = Gr_{k,t} / App_{k,t-4}, \quad (2)$$

где FGr – численность выпускников на прогнозный период;
 App – прием абитуриентов в вуз за прошлый период;
 $Drop$ – средняя доля доучившихся студентов за предыдущий год;
 Gr – фактический выпуск за прошлый период;
 t – год;
 k – направление подготовки.

Структура и численность дополнительной потребности в кадрах с высшим образованием по ВЭД в разрезе направлений подготовки на 2025 год рассчитывались с использованием существующей методики (Гуртов и Питухин, 2017; Мигранова и Минязев, 2022) и на основе данных об изменении числа занятых в экономике в 2025 году, содержащихся в Прогнозе социально-экономического развития Республики Башкортостан⁴.

Среднегодовая зарплата по видам экономической деятельности на 2025 год рассчитывалась исходя из статистических данных по среднему уровню заработной платы по ВЭД за 2021 год⁵, индексированной с учетом увеличения

³ Образование и культура в Республике Башкортостан: стат. сб. Уфа: Башкортостанстат, 2022. 127 с.

⁴ Прогноз социально-экономического развития Республики Башкортостан ...

⁵ Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Башкортостанстата. URL: <https://02.rosstat.gov.ru/folder/26137> (дата обращения: 02.02.2023).

средней заработной платы к 2025 году по Прогнозу социально-экономического развития Республики Башкортостан.

Результаты моделирования показали, что по таким ВЭД, как «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство», «Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования», «Транспортировка и хранение», «Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания», «Деятельность административная и сопутствующие дополнительные услуги», в 2025 году потребности в квалифицированных кадрах останутся неудовлетворенными при сохраняющихся тенденциях развития экономики Республики Башкортостан, а по некоторым ВЭД ожидается переизбыток специалистов, особенно по такому, как «Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение» (рис. 4).

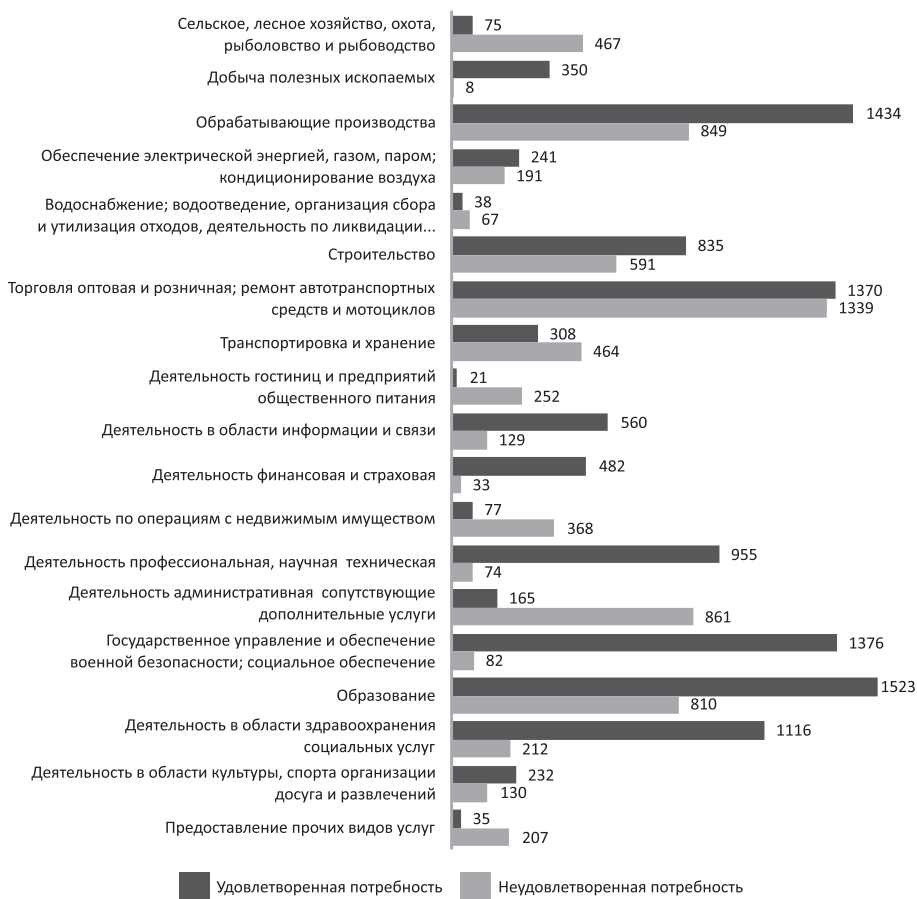

Рис. 4. Прогноз обеспеченности кадровых потребностей по ВЭД на 2025 год /
Fig. 4. Forecast of staffing needs by type of economic activity for 2025

Источник: собственные расчеты авторов.

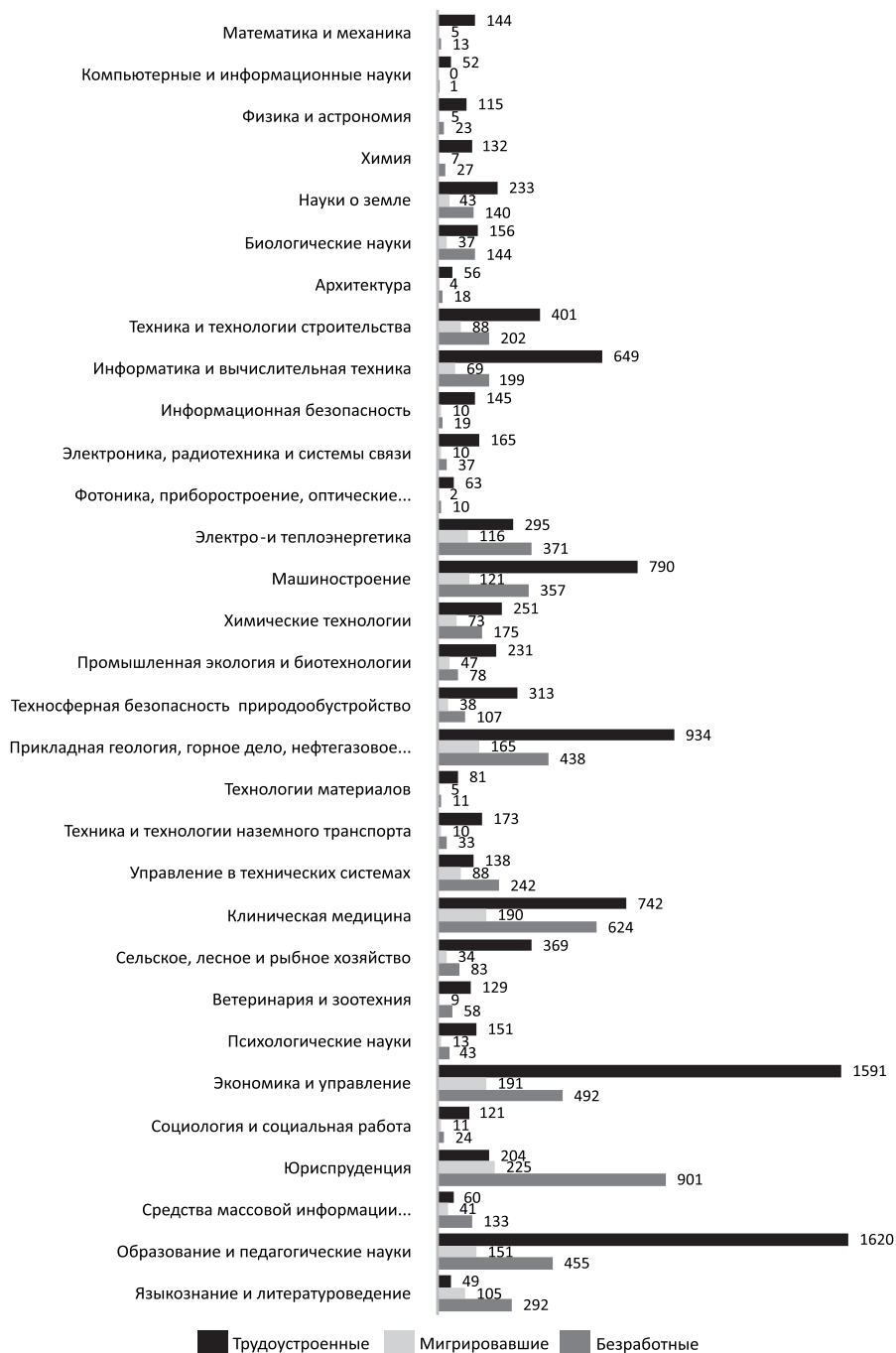

Рис. 5. Прогноз численности трудоустроившихся выпускников вузов, численности мигрировавших выпускников, выпускников, оставшихся без работы, на 2025 год / Fig. 5. Forecast for university graduates in employment, the number of migrated graduates, graduates left without work for 2025

Источник: собственные расчеты авторов.

На рисунке 5 представлены результаты модели по численности трудоустроившихся выпускников, мигрировавших и безработных. Прогноз показал, что в 2025 году больше всего безработных выпускников будет со специальностью «Юриспруденция», ожидается высокий процент мигрировавших выпускников со специальностью «Клиническая медицина». Число трудоустроенных выше всего будет по направлениям подготовки «Экономика и управление» и «Образование и наука», что вполне объяснимо: по данным направлениям выпускается больше всего специалистов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты моделирования показали, что текущие тенденции поведения выпускников вузов на пути к построению трудовой карьеры в условиях современных демографических процессов будут усиливать профессионально-квалификационный дисбаланс. Выбор вуза, специальности, места обучения, дальнейшее трудоустройство, зачастую не по специальности, – все это не способствует повышению индивидуальной конкурентоспособности индивида на рынке труда. К тому же, подобное поведение значительной массы молодежи противоречит глобальной цели региона и страны по решению проблем рынка труда через рынок образовательных услуг.

Для того чтобы корректировать региональную образовательную и трудовую политику, необходимо выявлять «проблемные» места в поведении человека на ключевых стадиях его жизненного цикла. В этой связи возрастает актуальность разработки предложенной в исследовании агент-ориентированной модели поведения человека. Модель представляет собой рабочий инструмент для оценки и прогнозирования ситуации на рынке труда, отражающий поведение людей при поиске и устройстве на работу и учитывающий как количественные, так и качественные аспекты принятия того или иного решения.

В дальнейших работах планируется расширить возможности модели. Представляется перспективным исследовать поведение индивидов на рынке труда по различным видам экономической деятельности, где в качестве агентов можно выделить блок системообразующих предприятий по каждой отрасли. Это позволит корректировать образовательную политику региона для обеспечения кадровой потребности по отдельным видам производств, являющихся для него приоритетными.

Кроме того, определенный интерес вызывает расширение спектра сценариев и анализируемых инструментов управленческого воздействия на поведение агентов, возможно с выделением этих инструментов как по уровням власти (федеральный, региональный), так и по сферам (образовательная, демографическая, жилищная и др.).

Список источников

Абрамов В. И. Агент-ориентированное и имитационное моделирование: перспективы в области информационных технологий // Региональные

проблемы преобразования экономики. 2018. № 11. С. 386–397. <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2018-11-386-397>.

Агарков Г. А., Тарасьева Т. В. Моделирование оптимального выбора образовательной программы в условиях цифровой трансформации экономики // Российские регионы в фокусе перемен: сб. докладов XVI Междунар. конф. / Н. Г. Багаутдинова, И. В. Баскакова, Е. Б. Бедрина и др. Т. 1. Екатеринбург: Изд-во УРФУ, 2022. С. 416–429.

Атаева А. Г., Уляева А. Г. Межрегиональная молодежная миграция как угроза утери человеческого капитала территории (на материалах Республики Башкортостан и регионов Приволжского федерального округа) // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2018. № 44. С. 38–57. <https://doi.org/10.17223/19988648/44/2>.

Бурилина М. А., Евдокимов Д. С. Агент-ориентированное моделирование для поддержки принятия решений и прогнозирования в условиях перехода к цифровой экономике. М.: ЦЭМИ РАН, 2020. 148 с.

Быкова Т. Е. Имитационная модель рынка труда Алтайского края // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2019. № 1. С. 21–30.

Гайнанов Д. А., Атаева А. Г., Мигранова Л. И. Поведенческие факторы образовательной траектории в обеспечении кадровых потребностей региона // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26, № 5. С. 88–109. <https://doi.org/10.15838/ptd.2022.5.121.7>.

Гайнанов Д. А., Климентьева А. Ю. Оценка дисбалансов на ключевых этапах трансфера научных исследований в условиях цифровой экономики // Региональные проблемы преобразования экономики. 2019. № 11. С. 115–121. <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2019-11-115-121>.

Гайнанов Д. А., Мигранова Л. И. Трансформация региональных рынков образовательных услуг и труда в условиях цифровой экономики // Региональная экономика: теория и практика. 2020. Т. 18, № 8. С. 1430–1448. <https://doi.org/10.24891/re.18.8.1430>.

Гуртов В. А., Питухин Е. А. Прогнозирование потребностей экономики в квалифицированных кадрах: обзор подходов и практик применения // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 4. С. 130–161. <https://doi.org/10.15826/umpra.2017.04.056>.

Макаров В. Л., Бахтизин А. Р., Сушко Е. Д. и др. Агент-ориентированная модель Евразии и имитация реализации крупных инфраструктурных проектов // Экономика региона. 2018. Т. 14, № 4. С. 1102–1116. <https://doi.org/10.17059/2018-4-4>.

Маматов А. В., Машкова А. Л., Савина О. А. Прогнозирование динамики кадрового потенциала в регионах России с использованием методов агент-ориентированного моделирования [Электронный ресурс] // Искусственные общества. 2019. Т. 14, № 3. <https://doi.org/10.18254/S207751800006724-5>. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800006724-5-1/> (дата обращения: 07.06.2023).

Мигранова Л. И. Тенденции развития предпочтений абитуриентов в условиях цифровой экономики // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 12–2. С. 116–119. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-12-2-116-119>.

Мигранова Л. И., Атнабаева А. Р. Исследование миграционного поведения абитуриентов при выборе высшего образовательного учреждения на основе методов автоматического анализа данных опроса абитуриентов // Креативная экономика. 2021. Т. 15, № 11. С. 4343–4360. <https://doi.org/10.18334/ce.15.11.113825>.

Мигранова Л. И., Минязев А. И. Прогнозирование кадровой обеспеченности региона на основе агент-ориентированного подхода // Фундаментальные исследования. 2022. № 12. С. 130–136. <https://doi.org/10.17513/fr.43409>.

Хавинсон М. Ю., Колобов А. Н. Моделирование динамики численности занятого населения в отраслях экономики: агент-ориентированный подход // Компьютерные исследования и моделирование. 2018а. Т. 10, № 6. С. 919–937. <https://doi.org/10.20537/2076-7633-2018-10-6-919-937>.

Хавинсон М. Ю., Колобов А. Н. Моделирование сложной динамики численности занятого населения в регионе с учетом экономического поведения // Современные проблемы регионального развития: материалы VII Всерос. науч. конф. / Под ред. Е. Я. Фрисмана. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН, 2018б. С. 396–399. <https://doi.org/10.31433/978-5-904121-22-8-2018-396-399>.

Швецов А. Н., Дианов С. В. Методика разработки агент-ориентированных моделей сложных систем // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 1. С. 48–58. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2019-1-88-5>.

Axtell R. L., Farmer J. D. Agent-based modeling in economics and finance: Past, present, and future [Электронный ресурс] // INET Oxford Working Paper. 2022. № 2022-10. 96 p. URL: <https://www.inet.ox.ac.uk/files/JEL-v2.0.pdf> (дата обращения: 07.06.2023).

Bertani F., Ponta L., Raberto M. et al. The complexity of the intangible digital economy: An agent-based model // Journal of Business Research. 2021. Vol. 129. P. 527–540. <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.03.041>.

Kant J.-D., Ballot G., Goudet O. WorkSim: An agent-based model of labor markets [Электронный ресурс] // Journal of Artificial Societies and Social Simulation. 2020. Vol. 23, № 4. <https://doi.org/10.18564/jasss.4396>. URL: <https://www.jasss.org/23/4/4.html> (дата обращения: 06.06.2023).

Mamatov A. V., Konstantinov I. S., Mashkova A. L. et al. Agent model for evaluating efficiency of regional human resource management // Information systems architecture and technology: Proceedings of 40th Anniversary International Conference on Information Systems Architecture and Technology – ISAT 2019. Part III / Ed. by Z. Wilimowska, L. Borzemski, J. Świątek. Cham: Springer, 2020. С. 211–220. https://doi.org/10.1007/978-3-030-30443-0_19.

Информация об авторах

А. Ш. Гайсина – кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник сектора экономико-математического моделирования Института социально-экономических исследований – обособленного структурного подразделения ФГБНУ Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, 450054, Россия, г. Уфа, пр-т Октября, 71

SPIN-код (РИНЦ): 3601-4835

AuthorID (РИНЦ): 1024904

Web of Science Researcher ID: AAB-2034-2021

А. И. Минязев – младший научный сотрудник сектора экономико-математического моделирования Института социально-экономических исследований – обособленного структурного подразделения ФГБНУ Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, 450054, Россия, г. Уфа, пр-т Октября, 71

SPIN-код (РИНЦ): 5072-1901

AuthorID (РИНЦ): 1066196

Web of Science Researcher ID: HRD-2784-2023

Л. И. Мигранова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник сектора экономико-математического моделирования Института социально-экономических исследований – обособленного структурного подразделения ФГБНУ Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, 450054, Россия, г. Уфа, пр-т Октября, 71

SPIN-код (РИНЦ): 7710-9666

AuthorID (РИНЦ): 50151619

Web of Science Researcher ID: O-4506-2015

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 04.04.2023; одобрена после рецензирования 05.05.2023; принята к публикации 05.05.2023.

References

Abramov, V. I. (2018), “Agent-oriented and imitational modelling: Prospects in the area of information technologies”, *Regional Problems of Transforming the Economy*, no. 11, pp. 386–397, <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2018-11-386-397>.

Agarkov, G. A. and Tarasyeva, T. V. (2022), “Modeling of the optimal choice of an educational program in the conditions of digital transformation of the economy”, in Bagautdinova, N. G., Baskakova, I. V., Bedrina, E. B. et al., *Rossiiskie regiony v fokuse peremen: sbornik докладов XVI Mezhdunarodnoi konferentsii* [Russian regions in the focus of change: collection of reports of the 16th International conference], vol. 1, URFU publishing house, Yekaterinburg, Russia, pp. 416–429.

Ataeva, A. G. and Ulyaeva, A. G. (2018), “Modern trends and factors of inter-regional migration of youth in Russia”, *Tomsk State University Journal of Economics*, no. 44, pp. 38–57, <https://doi.org/10.17223/19988648/44/2>.

Burilina, M. A. and Evdokimov, D. S. (2020), *Agent-orientirovannoe modelirovanie dlya podderzhki prinyatiya reshenii i prognozirovaniya v usloviyakh perekhoda k tsifrovoi ekonomike* [Agent-based modeling for decision support and forecasting in the transition to the digital economy], Central Economics and Mathematics Institute of the RAS, Moscow, Russia.

- Bykova, T. E. (2019), "Simulation model of the labor market in the Altai region", *Modern High Technologies. Regional Application*, no. 1, pp. 21–30.
- Gainanov, D. A., Ataeva, A. G. and Migrantova, L. I. (2022), "Behavioral factors of the educational trajectory in ensuring the staffing needs of the region", *Problems of Territory's Development*, vol. 26, no. 5, pp. 88–109, <https://doi.org/10.15838/ptd.2022.5.121.7>.
- Gainanov, D. A. and Klimentieva, A. Y. (2019), "Assessment of imbalances at key stages of research transfer in the digital economy", *Regional Problems of Transforming the Economy*, no. 1, pp. 115–121, <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2019-11-115-121>.
- Gainanov, D. A. and Migrantova, L. I. (2020), "Transforming the regional markets for learning services and labor in a digital economy", *Regional Economics: Theory and Practice*, vol. 18, no. 8, pp. 1430–1448, <https://doi.org/10.24891/re.18.8.1430>
- Gurtov, V. A. and Pitukhin, E. A. (2017), "Prognostication of the demands of economics in qualified personnel: Review of approaches and application experience", *University Management: Practice and Analysis*, vol. 21, no. 4, pp. 130–161, <https://doi.org/10.15826/umpa.2017.04.056>.
- Makarov, V. L., Bakhtizin, A. R., Sushko, E. D. et al. (2018), "An agent-based model of Eurasia and simulation of consequences of large infrastructure projects", *Economy of Regions*, vol. 14, no. 4, pp. 1102–1116, <https://doi.org/10.17059/2018-4-4>.
- Mamatov, A. V., Mashkova, A. L. and Savina, O. A. (2019), "Forecasting dynamics of regional human resource using agent-based simulation methods", *Artificial Societies*, vol. 14, no. 3, <https://doi.org/10.18254/S207751800006724-5> [Online], available at: <https://artsoc.jes.su/s207751800006724-5-1/> (Accessed June 7, 2023).
- Migrantova, L. I. (2021), "Trends in the development of applicants' preferences in the digital economy", *Economics and Business*, no. 12–2, pp. 116–119, <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-12-2-116-119>.
- Migrantova, L. I. and Atnabaeva, A. R. (2021), "The study of the applicants' migration behaviour when choosing a higher educational institution based on methods of automatic analysis of the applicants' survey", *Creative Economy*, vol. 15, no. 11, pp. 4343–4360, <https://doi.org/10.18334/ce.15.11.113825>.
- Migrantova, L. I. and Minyazev, A. I. (2022), "Forecasting regional staffing levels based on an agent-based approach", *Fundamental Research*, no. 12, pp. 130–136, <https://doi.org/10.17513/fr.43409>.
- Khavinson, M. Yu. and Kolobov, A. N. (2018a), "Modeling of population dynamics employed in the economic sectors: agent-oriented approach", *Computer Research and Modeling*, vol. 10, no. 6, pp. 919–937, <https://doi.org/10.20537/2076-7633-2018-10-6-919-937>.
- Khavinson, M. Yu. and Kolobov, A. N. (2018b), "Modeling of complex dynamics for the number of employed population in the region with regard to economic behavior", in Frisman, E. Ya. (ed.), *Sovremennye problemy regional'nogo razvitiya: materialy VII Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii* [Modern problems of regional development: collection of reports of the materials of the 7th All-Russian Scientific Conference], Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch of the RAS, Birobidzhan, Russia, pp. 396–399, <https://doi.org/10.31433/978-5-904121-22-8-2018-396-399>.

Shvetsov, A. N. and Dianov, S. V. (2019), “Methodology of development of agent-oriented models of complex systems”, *Bulletin of the Cherepovets State University*, no. 1, pp. 48–58, <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2019-1-88-5>.

Axtell, R. L. and Farmer, J. D. (2022), “Agent-based modeling in economics and finance: past, present, and future”, *INET Oxford Working Paper*, no. 2022-10, 96 p. [Online], available at: <https://www.inet.ox.ac.uk/files/JEL-v2.0.pdf> (Accessed June 7, 2023).

Bertani, F., Ponta, L., Raberto, M. et al. (2021), “The complexity of the intangible digital economy: an agent-based model”, *Journal of Business Research*, vol. 129, pp. 527–540, <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2020.03.041>.

Kant, J. D., Ballot, G. and Goudet, O. (2020), “Worksims: An agent-based model of labor markets”, *Journal of Artificial Societies and Social Simulation*, vol. 23, no. 4, <https://doi.org/10.18564/jasss.4396> [Online], available at: <https://www.jasss.org/23/4/4.html> (Accessed June 6, 2023).

Mamatov, A. V., Konstantinov, I. S., Mashkova, A. L. et al. (2020), “Agent model for evaluating efficiency of regional human resource management”, in Wili-mowska, Z., Borzemski, L. and Świątek, J. (eds.), *Information systems architecture and technology: Proceedings of 40th Anniversary International Conference on Information Systems Architecture and Technology – ISAT 2019*, Springer, Cham, Switzerland, pp. 211–220, https://doi.org/10.1007/978-3-030-30443-0_19.

Information about the authors

A. Sh. Gaisina – Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Senior Researcher of the Economic and Mathematical Modelling Sector, Institute of Social and Economic Research – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 71 Oktyabrya Ave., Ufa, 450054, Russia
SPIN-code (RSCI): 3601-4835
AuthorID (RSCI): 1024904
Web of Science ResearcherID: AAB-2034-2021

A. I. Minyazev – Junior Researcher of the Economic and Mathematical Modelling Sector, Institute of Social and Economic Research – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 71 Oktyabrya Ave., Ufa, 450054, Russia
SPIN-code (RSCI): 5072-1901
AuthorID (RSCI): 1066196
Web of Science ResearcherID: HRD-2784-2023

L. I. Migranova – Candidate of Economics, Senior Researcher of the Economic and Mathematical Modelling Sector, Institute of Social and Economic Research – Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 71 Oktyabrya Ave., Ufa, 450054, Russia
SPIN-code (RSCI): 7710-9666
AuthorID (RSCI): 50151619
Web of Science ResearcherID: O-4506-2015

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 04.04.2023; approved after reviewing 05.05.2023; accepted for publication 05.05.2023.

Научная статья

УДК 334.024

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-426-446>

ПРОБЛЕМА ЖЕНСКОГО ЛИДЕРСТВА В КОРПОРАТИВНОМ УПРАВЛЕНИИ

Марина Алексеевна Измайлова¹, Евгения Юрьевна Корнева²,

Марина Валериевна Цуркан³✉

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, MAIzmaylova@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7558-9639>

² ООО «Русский Регистр – Балтийская инспекция», представительство в Москве, Москва, Россия, korneva@rusregister.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1656-0382>

³ Тверской государственный университет, Тверь, Россия, 080783@list.ru✉, <http://orcid.org/0000-0002-5951-8969>

Аннотация. Введение: в последние годы в научном сообществе ведется дискуссия о роли женщин, занимающих руководящие должности, по результатам которой делаются выводы о высоком потенциале женского лидерства. В корпоративном секторе соблюдение принципа гендерного равенства является одним из вопросов ESG-повестки, в которой G-компонент требует равноправного участия женщин в высшем руководстве корпоративных структур. **Цель:** анализ гендерного аспекта корпоративного управления на основе выявления эволюции женского лидерства и современных подходов к решению проблемы женского участия в руководстве компаний. **Методы:** системный и компаративный анализ, логический, концептуально-методологический и статистический методы. **Результаты:** определено законодательно закрепленное преимущество женского предпринимательства в до-революционной России по сравнению с европейскими странами. Доказана более низкая доля женщин в составе СЕО крупнейших российских компаний. Выявлены барьеры управленческого роста женщин, определена их основная причина – устойчивый в общественном сознании стереотип «мужского» образа руководителя. Приведены экспериментальные данные, подтверждающие, что в кризисные времена при назначении руководителя компании предпочтение отдается женщине. Систематизация подходов к пониманию моделей лидерства позволила структурировать лидерство по уровням его развития, а по результатам компаративного анализа «мужского» и «женского» типов лидерства выявлены отличительные гендерные качества, доказывающие выраженную лидерскую направленность женщин. **Выводы:** успех женщин-руководителей детерминирован комплексом истинно женских качеств, которые в современной корпоративной среде приобретают особую ценность при выстраивании взаимоотношений со стейкхолдерами. Осознание высокого потенциала женского лидерства, способного дать компании экономический успех, подталкивает руководство на разработку решений, направленных на развитие управленческих способностей женщин и содействие их карьерному продвижению.

Ключевые слова: гендерное равенство, лидерство, управление, топ-менеджмент, руководитель, корпоративное управление, карьера

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Для цитирования: Измайлова М. А., Корнева Е. Ю., Цуркан М. В. Проблема женского лидерства в корпоративном управлении // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 3. С. 426–446. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-426-446>.

Original article

THE PROBLEM OF FEMALE LEADERSHIP IN CORPORATE GOVERNANCE

Marina A. Izmailova¹, Evgenia Yu. Korneva², Marina V. Tsurkan³✉

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, MAIzmaylova@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7558-9639>

² Russian Register – Baltic Inspection in Moscow, Moscow, Russia, korneva@rusregister.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1656-0382>

³ Tver State University, Tver, Russia, 080783@list.ru✉, <http://orcid.org/0000-0002-5951-8969>

Abstract. Introduction: in recent years, the scientific community has been involved into discussing the role and place of women in leadership positions, which results in drawing conclusions about the high potential of female leadership. In the corporate sector, compliance with the principle of gender equality is one of the ESG agenda issues, where the G-component requires equal participation of women in the top management of corporate structures. **Objectives:** analysis of the corporate governance gender aspect based on the identification of the female leadership evolution and modern approaches to female participation in the company management. **Methods:** system and comparative analysis, logical, conceptual-methodological, statistical methods. **Results:** the legislatively fixed advantage of female entrepreneurship in pre-revolutionary Russia in comparison with European countries has been determined. A lower proportion of women in the CEOs of the largest Russian companies has been proven. Barriers to women's managerial growth have been identified, the main reason being a stable stereotype of the "male" image of a leader in the public consciousness. Experimental data confirming that in appointing the company head at a crisis time the preference is given to a woman. Systematization of approaches to understanding leadership models allowed to structure leadership by levels of its development; as a result of the comparative analysis of "male" and "female" types of leadership, distinctive gender qualities have been identified that prove the pronounced leadership orientation of women. **Conclusions:** the success of female managers is determined by a set of true "feminine" qualities, which in the modern corporate environment are of particular value when building relationships with stakeholders. Awareness of the high potential of female leadership enabling the company's economic success pushes the management to develop solutions aimed at developing women's managerial abilities and promoting their career advancement.

Keywords: gender equality, leadership, management, top management, chief executive, corporate governance, career

For citation: Izmailova, M. A., Korneva, E. Yu. and Tsurkan, M. V. (2023), "The problem of female leadership in corporate governance", *Ars Administrandi*, vol. 15, no. 3, pp. 426–446, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-426-446>.

ВВЕДЕНИЕ

Ключевым фактором эффективного корпоративного управления, конкурентного успеха и устойчивости компаний выступает осознанное лидерство. В последние годы все чаще в научных дискуссиях стали акцентироваться вопросы значимости роли женщин в руководстве компаний. Этой проблематике посвящаются многочисленные исследования. По мере того как современные компании стремятся к построению корпоративной культуры, основанной на равенстве, разнообразии и инклюзивности, женщины разрушают сложившиеся стереотипы о своей неспособности возглавлять компании и обеспечивать их устойчивое развитие. Поскольку все большее число женщин занимают руководящие посты и достигают на этих позициях ощутимых профессиональных успехов, преимущества гендерного разнообразия в топ-менеджменте компаний становятся более очевидными. Достаточно убедительными выглядят результаты исследования McKinsey & Company, показывающие финансовое превосходство компаний с гендерно разнообразным исполнительным руководством: такие компании на 27 % чаще имеют рентабельность собственного капитала выше среднего¹ и на 21 % чаще превосходят своих конкурентов по прибыльности². Другие данные указывают на то, что компании, руководство которых построено на гендерном равенстве, в большей степени готовы к решению сложных проблем, разработке и принятию более эффективных управленческих решений и демонстрируют более высокие показатели общей производительности труда³. Связано это в первую очередь с тем, что гендерно разнообразные команды создают более инклюзивную культуру в коллективе, становятся привлекательными для притока талантов и способными удержать лучшие квалифицированные кадры. В компаниях с большим количеством сотрудников-женщин наблюдается повышение общей удовлетворенности работой и организационная самоотверженность, у персонала происходит осознание значимости работы и снижение эмоционального выгорания.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема женского лидерства нашла отражение в многочисленных научных публикациях как зарубежных, так и российских ученых. В числе видных иностранных исследователей стоит выделить Н. Бхат и Р. Сисодиа, в трудах которых проводится анализ «мужского» и «женского» типов руководителей и делается вывод о необходимости сочетания лучших качеств данных типов у руководителя при единоличном управлении или у членов управленческой

¹ *Women in the top of corporations: Making it happen* [Online] // McKinsey & Company official website. 2010. P. 8. URL: https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/dotcom/client_service/Organization/PDFs/Women_matter_oct2010_english (Accessed Apr. 4, 2023).

² *Неестественный отбор: зачем нужны гендерные квоты* [Электронный ресурс] // Forbes Woman. 2021. 5 сент. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/439003-neestestvennyj-otbor-zacem-nuzny-gendernye-kvoty> (дата обращения: 04.04.2023).

³ *Global gender gap report 2020: Insight report* [Online] // Official website of the World Economic Forum. P. 5. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2020.pdf (Accessed Apr. 12, 2023).

команды при коллегиальном управлении (Бхат и Сисодиа, 2019). Р. Сисодиа, но уже в соавторстве с Дж. Макки, указывает на «сознательный» характер лидерства – вне зависимости от гендерной принадлежности, – который обеспечивает компании ведение социально ответственного бизнеса на ценностях, сопряженных с «женскими» качествами: добротой, эмпатией, взаимопомощью и проч. (Макки и Сисодиа, 2015, с. 199–204). Исследование влияния качеств руководителя на лидерство позволило бизнес-экспертам Дж. Максвеллу и Дж. Коллинзу выявить пять уровней лидерства – от эксперта-индивидуала до великого лидера (Максвелл, 2013). Достижению лидерского успеха предшествует весьма тернистый путь, на котором встречаются препятствия, особенно многочисленные в женской карьере – на этом сфокусированы работы С. Э. Хьюлетт, детально анализирующей преграды для вхождения женщин в топ-менеджмент компаний (Хьюлетт, 2019). Анализу причин, проявлений и путей преодоления барьеров в управленческой сфере посвящена работа (Ryan and Haslam, 2005, p. 84–87): в ней обстоятельно описывается феномен «стеклянного обрыва» и утверждается, что он дает женщине шанс проявить свои управленческие способности в кризисный период возглавляемой ею компании. Экспериментальное подтверждение эффекта «стеклянного обрыва» дается в работах С. Брюкмюллер и Н. Бранскомбе: ученые устанавливают связь данного эффекта с исторически сложившимися образами мужчины-руководителя и женщины-спасительницы⁴. Изучению «женских» качеств руководителя и разработке способов наращивания сильных сторон у женщин-руководителей посвящен научный труд коллектива зарубежных исследователей (Zenger et al., 2012). Выявлению сложностей восприятия женского лидерства и проведению его объективной оценки посвятила свое исследование группа ученых в составе (Hopkins et al., 2021).

Обзор научных трудов российских ученых следует начать с работы (Пушкарева и Пушкарева, 2021), в которой дается экскурс в историю развития предпринимательской карьеры российских женщин – от дореволюционного периода до наших дней. Существенно дополняет картину научная статья О. В. Бессчетновой и соавторов, где в дихотомической форме («за» и «против») проводится всесторонний анализ женского предпринимательства с результирующим итогом (Бессчетнова и др., 2020). Как исследование проблемы женского лидерства с правовых позиций интересна работа (Каширкина и Морозов, 2021), посвященная анализу европейского опыта оценки гендерной проблематики через определение совместимости международных стандартов и национальных правовых подходов. Привлекает внимание и статья (Табаринцева-Романова и Романенко, 2020), в которой довольно полно и аргументированно изложена эволюция гендерной политики Европейского союза в последнее десятилетие. Страновому анализу гендерных аспектов лидерства в бизнес-сообществе посвятили свою работу (Зарубин и Киселева, 2019).

Проблема построения гендерной политики в российском корпоративном бизнесе и предпринимательстве весьма убедительно излагается в научной

⁴ *Bruckmüller S., Branscombe N. R.* How women end up on the “glass cliff” [Online] // Harvard Business Review. 2011. Jan.–Feb. URL: <https://hbr.org/2011/01/how-women-end-up-on-the-glass-cliff> (Accessed Apr. 2, 2023).

публикации И. Н. Ткаченко и И. В. Первухиной. Ученые, в частности, аргументируют необходимость участия женщин в корпоративной бизнес-практике, опираясь на результаты компаративного анализа российского и европейского опыта гендерного равновесия в корпоративном управлении (Ткаченко и Первухина, 2017, с. 28). Созвучна с этим исследованием работа других российских ученых – Е. А. Мусич и Е. С. Балабановой, в которой делается попытка ответить на ряд вопросов, а именно: под влиянием каких факторов происходит формирование ожиданий у российского топ-менеджмента от выполняемой работы и каким образом на раскрытие потенциала лидерства влияют иерархические отношения в компании? (Мусич и Балабанова, 2022) Весьма важными в рамках целеполагания проводимых исследований являются работы, сфокусированные на проблеме гендерного неравенства в высшем звене управления компании. К числу таких работ относятся научные труды С. М. Ребрей, которая признает существующий в стране дисбаланс возможностей женщин и мужчин и анализирует его причины через призму ценностной основы гуманизма (Ребрей, 2022); И. А. Савченко и Ю. В. Козловой, выявивших отличия «женского» и «мужского» стилей лидерства и их влияние на карьерный рост (Савченко и Козлова, 2020); А. В. Фарбера, определившего отличительные особенности гендерных характеристик женщин-руководителей (Фарбер, 2020); А. А. Абрамовой, проанализировавшей проблему «стеклянного потолка» в российской практике бизнеса (Абрамова, 2020).

Весьма существенный вклад в решение заявленной проблемы внесли результаты исследований, проведенных международными консалтинговыми компаниями McKinsey & Company, Korn Ferry и Deloitte, а также отчеты Организации экономического сотрудничества и развития (Organisation for Economic Co-operation and Development, OECD) и Всемирного экономического форума (World Economic Forum, WEF).

Методологическую основу статьи составили методы системного и компаративного анализа, а также логический, концептуально-методологический и статистический методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В современных условиях, когда становится очевидным рост числа женщин-руководителей бизнеса, все больше исследователей и практиков обращаются к тематике женского лидерства, чтобы постичь его движущие силы, выявить особенности и связать их с результатами деятельности, а также определить способы поддержки женщин в решении возникающих проблем. Закономерно встает вопрос, можно ли рассуждать о мужском и женском типах лидерства, и если да, то чем они отличаются между собой и необходимо ли современному менеджеру в своей управленческой практике следовать подходам, учитывающим гендерные различия. Отвечая на этот вопрос, считаем справедливым сначала обратиться к истории.

Прошлое России показывает, что в дореволюционный период предпринимательская карьера женщин, как правило, связывалась с продолжением управления бизнес-активами, доставшимися им от мужей или отцов (Пуш-

карева и Пушкарева, 2021, с. 19). Общеизвестными примерами женщин-предпринимателей являются Аврора Демидова, управлявшая доставшимися от мужа заводами; Мария Морозова, за два десятилетия пятикратно увеличившая состояние семьи Морозовых; Мария Кашина, существенно расширившая пароходный бизнес своего мужа; Аграфена Растеряева, избравшая стратегию диверсификации промышленных предприятий в разных отраслях, что позволило ей многократно умножить стоимость доставшегося от мужа бизнеса; Вера Фирсанова, единолично и весьма успешно управлявшая фирмой своего отца⁵.

Бытует мнение, что основным делом женщин в царской России признавалось рождение детей и их воспитание, домашние работы и забота о мужьях, но это не в полной мере соответствует действительности. Такое положение характерно было скорее для западных стран, чем для России (рис. 1).

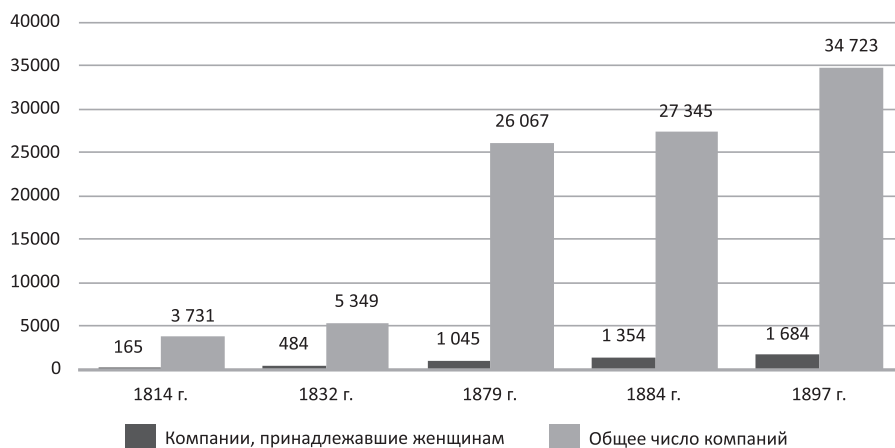

Рис. 1. Доля компаний, принадлежавших женщинам, из общего числа компаний в царской России / Fig. 1 The share of companies owned by women to total number of companies in tsarist Russia

Источник: составлено авторами на основе исследования П. Соколова⁶.

Отличительной особенностью «женского вопроса» в отечественной истории следует назвать то, что возможность женского предпринимательства в Российской империи была предусмотрена на законодательном уровне: женщины имели равные с мужчинами права на коммерческую деятельность и наследование имущества (Пушкарева и Пушкарева, 2021, с. 18). Законодательства европейских стран были более жесткими в отношении женских прав, что явилось – на этапе развития капитализма – одним из факторов начала женского движения за устранение дискриминации, отстаивание своих прав на занятие бизнесом, политикой, наукой и за устремление к лидерским позициям в этих сферах (Каширкина и Морозов, 2021, с. 5–6).

⁵ Соколов П. От прототипа Вассы Железновой до члена императорской семьи: как женщины строили успешный бизнес в царской России [Электронный ресурс] // Forbes Woman. 2020. 28 сент. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman-photogallery/409491-ot-prototipa-vassy-zheleznoy-do-chlena-imperatorskoy-semi-kak> (дата обращения: 05.04.2023).

⁶ Там же.

В настоящее время ситуация изменилась с точностью до наоборот. Последние десять лет вопрос гендерного равенства находится в фокусе внимания ряда европейских государств, правительства которых на законодательном уровне ввели обязательную квоту на представительство женщин в советах директоров крупных публичных компаний⁷. Достижение гендерного равенства и гендерной диверсификации на европейском рынке труда в целом и в корпоративном секторе в частности является важным вопросом повестки относительно состава топ-менеджмента и советов директоров (Табаринцева-Романова и Романенко, 2022, с. 166–167). Так, согласно данным экспертов международной консалтинговой компании Korn Ferry⁸, численность женщин в составе руководства ведущих компаний мира демонстрирует позитивный тренд (рис. 2).

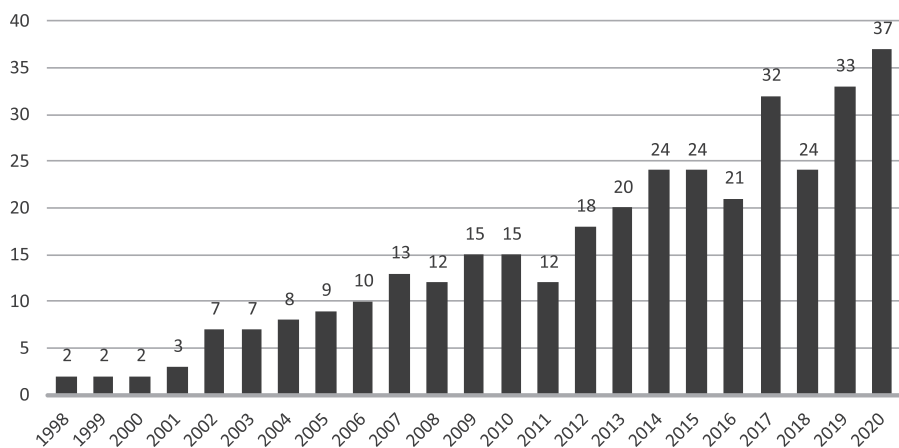

Рис. 2. Число женщин на высших руководящих должностях в компаниях из списка Fortune 500 / Fig. 2. Number of women in senior management positions in Fortune 500 companies

Источник: составлено авторами на основе исследований Я. Глазунова и др.⁹

В России данный тренд только набирает силу. Объясняется это прежде всего потребностью продемонстрировать свой прогрессивный подход к корпоративному управлению широкому кругу стейкхолдеров, в первую очередь – инвесторам. Стремление завоевать лояльность инвестиционного сообщества стимулирует российские компании включать женщин в состав советов директоров или правлений (Ткаченко и Первухина, 2017, с. 29).

Согласно исследованиям, показатель доли женщин среди CEO в целом по стране за последние годы не превышает 20 %, вместе с тем он в 4,5 раза выше

⁷ OECD toolkit for mainstreaming and implementing gender equality. Implementing the 2015 OECD recommendation on gender equality in public life [Online] // Official website of the Organisation for Economic Co-operation and Development. P. 53. URL: <https://search.oecd.org/gov/toolkit-for-mainstreaming-and-implementing-gender-equality.pdf> (Accessed March 30, 2023).

⁸ Глазунов Я. Ванин Г., Сохор А. и др. Российский CEO Индекс [Электронный ресурс] // Офиц. сайт компании Korn Ferry. С. 19. URL: https://www.kornferry.com/content/dam/kornferry-v2/pdf/CEO-Index_final.pdf (дата обращения: 31.03.2023).

⁹ Там же.

среднемировых значений¹⁰. Но относительно крупнейших отечественных компаний статистика не в пользу России. Так, в 2020 году из 90 компаний, включенных в Индекс CEO, только в одной (1 % от общего числа!) CEO является женщина. В компаниях, входящих в индексы FTSE 100 и S&P 500, в составе CEO женщин уже больше – около 6 %. По мнению экспертов, низкая доля женщин в составе CEO крупнейших компаний определяется тем, что позиции, из которых вырастают CEO (глава дивизиона, операционный директор), женщины занимают крайне редко¹¹. Согласно результатам проведенного 3 марта 2022 года всероссийского опроса «ВЦИОМ-Спутник», в руководстве российских компаний продолжают доминировать мужчины: 63 % россиян трудятся в коллективах под мужским руководством и вдвое меньше – 31 % – под руководством женщин¹². Отчасти мужское доминирование в руководстве бизнесом связано с укоренившимся в российском обществе стереотипом, что бизнес – это удел мужчин. По данным статистического исследования «Индекс женской деловой активности (WBI)», проводимого ежегодно Комитетом по развитию женского предпринимательства «ОПОРА РОССИИ» при поддержке Евразийского женского форума (см. рис. 3), наметившееся с 2020 года улучшение отношения общества к женскому предпринимательству не является устойчивым трендом.

Рис. 3. Отношение общества к женскому предпринимательству /
Fig. 3. Society's attitude to female entrepreneurship

Источник: составлено авторами на основе данных статистического исследования WBI¹³.

¹⁰ Исследование: в России женщин-CEO больше всего в продажах, меньше всего в IT [Электронный ресурс] // Forbes Woman. 2021. 10 марта. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/422991-issledovanie-v-rossii-zhenshchin-ceo-bolshe-vsego-v-prodazhah-menshe-vsego-v-it> (дата обращения: 02.04.2023).

¹¹ Глазунов Я., Ванин Г., Сохор А. и др. Указ. соч.

¹² Работа руководителя в России остается мужской, показал опрос ВЦИОМ [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2022. 5 марта. URL: <https://ria.ru/20220305/rukovoditel-1776724648.html> (дата обращения: 16.05.2023).

¹³ Индекс предпринимательской активности женщин [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Ком. по развитию жен. предпринимательства «Опора России». URL: <https://womanopora.ru/>

Вместе с тем значения WBI, показывающего уровень благоприятствования деловой и социальной среды развитию женского предпринимательства в России, за период с 2015 по 2023 год показали рост на 17,8 п. п. (рис. 4).

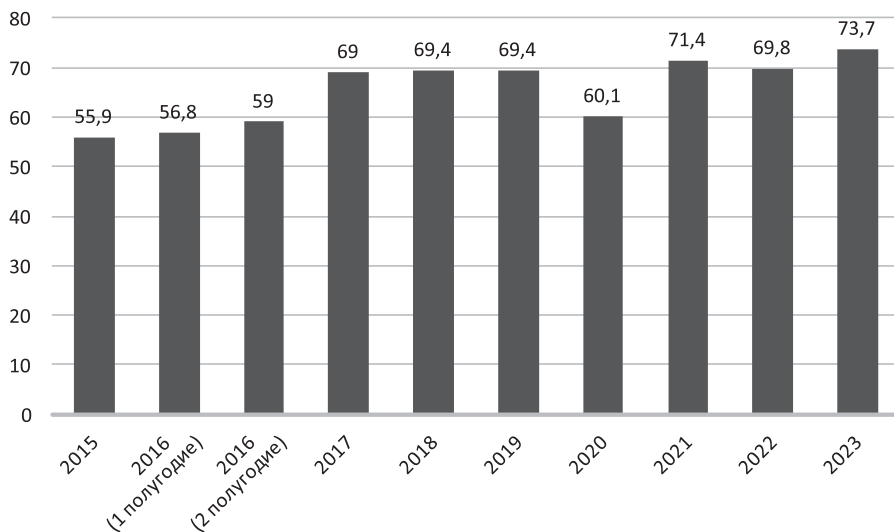

Рис. 4. Индекс предпринимательской активности женщин в России /
Fig. 4. The index of female entrepreneurial activity in Russia

Источник: составлено авторами на основе данных статистического исследования WBI¹⁴.

На определенные ограничения в управленческом росте женщин указывает сложившийся феномен «стеклянного потолка» как невидимого барьера, затрудняющего движение социального лифта для женщин (Абрамова, 2020). Однако когда компания оказывается в затруднительной ситуации, продвижение на руководящие должности предлагается именно женщинам, и в этом случае говорят о феномене «стеклянного обрыва». Термин был введен в научный оборот в 2005 году профессорами британского университета Эксетера М. Райан и А. Хасламом, утверждающими, что именно в кризисной ситуации у женщин появляется больше шансов на преодоление барьера в управленческой карьере (Ryan and Haslam, 2005, p. 85–87).

Попытки объяснить данный феномен неоднократно предпринимались западными исследователями (Rossman, 2021; Heinrichs and Sonnabend, 2023). Определенный фактический материал был получен по результатам экспериментов, проведенных С. Брюкмюллер и Н. Бранскомбе, учеными из университета Фридриха-Александра. Экспериментируемым было предложено выбрать на должность генерального директора компании, находящейся в состоянии кризиса, кандидатуру из числа мужчин или женщин. В первом случае в предыдущий период компанией руководители мужчины (рис. 5),

projects/indeks-predprinimatelskoy-aktivnosti-zhenshchin/ (дата обращения: 16.05.2023).

¹⁴ Там же.

во втором – женщины (рис. 6). Как видим, феномен «стеклянного обрыва» проявился именно в первом случае: надежды на выход компании из кризиса связаны с руководителем-женщиной.

Рис. 5. Влияние гендерных качеств на выбор руководства компанией, которую в предыдущий период возглавлял мужчина / Fig. 5. Influence of gender qualities on the choice of leadership in a company that was previously headed by a man

Рис. 6. Влияние гендерных качеств на выбор руководства компанией, которую в предыдущий период возглавляла женщина / Fig. 6. Influence of gender qualities on the choice of leadership in a company that was previously headed by a woman

Источник: рис. 5 и 6 составлены авторами на основе исследований С. Брюк-мюллер и Н. Бранскомбе¹⁵.

Результаты проведенных экспериментов указывают на исторически сложившееся в обществе представление о «мужском» управлении компанией, но только при условии ее стабильного развития. В ситуации, когда компания выходит из равновесного состояния и теряет свою устойчивость, требуется принятие нестандартных решений, и одно из них – назначение женщин-руководителей. Такое назначение имеет под собой ряд обоснований, связанных с присущими женскому полу качествами, в числе которых развитые коммуникационные способности, сильно выраженная эмпатия, способность поощрять и поддерживать других, образ матери с последующими ассоциациями¹⁶. Стереотипное представление о женщине – как о спасительнице, способной сохранить или вернуть устойчивость компании или даже целого государства (Ребрей, 2022, с. 27–29). Этим руководствуются общественность и компании, избирающие или нанимающие женщин-руководителей на разные позиции управления.

Таким образом, возникновение «стеклянного обрыва» является следствием устоявшихся представлений о гендерных различиях и лидерстве. Однако анализируемый феномен, как подтверждают исследования, неприменим к организациям, в истории руководства которых были женщины. Из этого следует важный вывод: формирование у общества привычки видеть женщин на самых

¹⁵ Bruckmüller S., Branscombe N. R. Op. cit.

¹⁶ Ibid.

высоких уровнях управления увеличит возможность женщин-лидеров руководить организациями с отличными шансами на дальнейший успех.

Наиболее наглядно справедливость концепции «женщины-спасительницы» проявляется в кризисные периоды истории, одним из которых стал период пандемии COVID-19. На глобальном уровне это нашло подтверждение в том, что лучшее решение проблем распространения новой коронавирусной инфекции, сохранения здоровья населения и организации мер по выздоровлению заболевших продемонстрировали страны, возглавляемые женщинами, на долю которых приходится 10 % из числа национальных лидеров. Так, минимальная смертность от COVID-19 была зарегистрирована в Новой Зеландии (премьер-министр Джасинда Ардерн), Тайване (президент Цай Инвэнь), Исландии (премьер-министр Катрин Якобсдоуттир), Германии (канцлер Ангела Меркель), Дании (премьер-министр Метте Фредериксен) и индийском штате Керала (министр здравоохранения К. К. Шайладжа). Ключом к успеху стали использовавшиеся в решении проблем истинно женские качества (доброта, чуткость, открытость в коммуникации и доверительная интонация, забота о ближних, смирение, сострадание, эмпатия, прагматизм и проч.) и подходы (демонстрация совмещения работы и условий домашнего режима, транслируемая через телевидение и соцсети; объяснение гражданам страны на доступном языке необходимости соблюдения режима самоизоляции; осознание высокого риска новой инфекции, повлекшее оперативное принятие комплекса жестких мер по борьбе с ней; бесплатное тестирование на COVID-19 и проч.) (Collins et al., 2021, p. 105–111). При оценке прогноза развития пандемии COVID-19 женщины-менеджеры, по сравнению с мужчинами, высказывали больше опасений по поводу возможности развития негативного сценария – объясняется это не только высокой степенью неопределенности развития событий, но и прежде всего привычкой женщин самостоятельно искать решения, не ожидая, когда его примут другие на более высоких уровнях иерархии (Kristal and Yaish, 2020, p. 3–5). Все это позволило не только максимально быстро и с минимальными человеческими потерями побороть пандемию, но и повысить рейтинг названных лидеров, чего нельзя сказать относительно стран, возглавляемых мужчинами (США – Дональд Трамп, Великобритания – Борис Джонсон, Бразилия – Жаир Болсонару), которые потерпели неудачу на поприще здравоохранения и понесли репутационные потери (рис. 7).

Следует заметить, что пандемия нанесла ощутимый удар по трудовой занятости женщин: из состава рабочей силы, согласно глобальной статистике¹⁷, выбыло 54 млн женщин. Разумеется, это не могло не сказаться на их представительстве на руководящих позициях. Так, по данным российской статистики, с начала пандемии количество женщин-управленцев уменьшилось на 21 %¹⁸.

¹⁷ Rauhala E., Narayanswamy A., Shin Y. et al. How the pandemic set back women's progress in the global workforce [Online] // The Washington Post. 2021. 28 Aug. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/interactive/2021/coronavirus-women-work/> (Accessed May 17, 2023).

¹⁸ Зюзев А. В условиях СВО и частичной мобилизации роль женщин в бизнесе России еще больше вырастет [Электронный ресурс] // Комсомольская правда. 2022. 7 нояб. URL: <https://www.kp.ru/daily/27467/4673843/> (дата обращения: 17.05.2023).

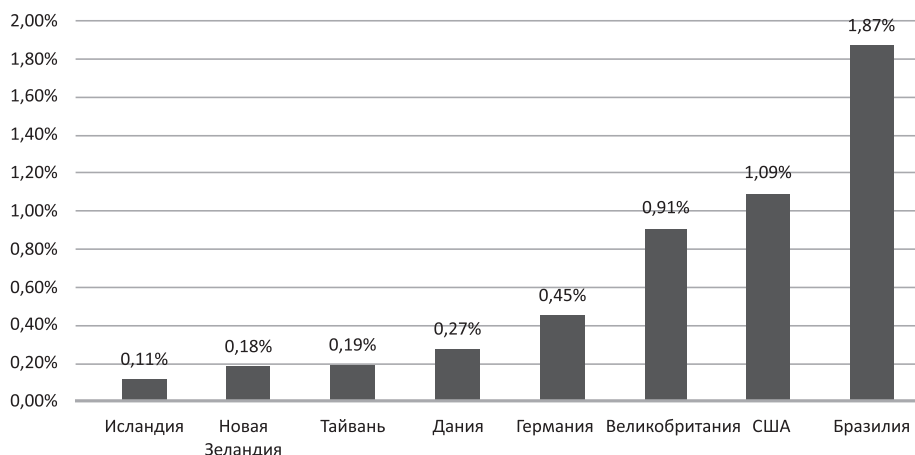

Рис. 7. Уровень летальности от COVID-19 (по состоянию на 17.05.2023) /
Fig. 7. The mortality rate from COVID-19 (as of May 5, 2023)

Источник: составлено авторами на основе данных сайта «Коронавирус в Мире»¹⁹.

Данный факт имеет и дополнительный негативный эффект в виде снижения вовлеченности и производительности труда всех работников, поскольку они уже не будут работать под руководством женщин в создаваемых ими высокомотивированных командах. В современной ситуации эффективным решением видится удержание женщин-руководителей в коллективе с предоставлением им всех возможностей для самоактуализации, включая открытый путь для карьерного роста.

Особенно насущным данное решение становится в условиях специальной военной операции, вызвавшей необходимость мобилизации мужчин, в том числе руководителей. По мнению Анны Золиной, заместителя исполнительного директора по стратегическому развитию и маркетингу Ассоциации менеджеров, в настоящее время «наступает новая эра, когда компетенции женщин-управленцев с их практической направленностью на решение задач, требующих гибкого подхода, востребованы бизнесом в части баланса ранее применяемых технологий риск-менеджмента... и это, безусловно, привнесет устойчивость в управленческие стратегии»²⁰.

Проводить анализ женского лидерства невозможно без понимания, что такое лидерство и как оно раскрывается через призму иерархических отношений в компаниях (Мусич и Балабанова, 2022, с. 82–83, 88). Лидером общепринято считать человека, который осознает и берет на себя ответственность за принимаемые решения, способен сплотить, вдохновить коллектив на достижение общей цели и повести его за собой. При этом и решения, и цель должны быть приняты этой группой, а идеи лидера – стать приоритетными и разделяться всеми ее членами.

¹⁹ Статистика заражений в 227 странах мира [Электронный ресурс] // Коронавирус в Мире. 2023. URL: <https://coronavirus-graph.ru/mir> (дата обращения: 17.05.2023).

²⁰ Там же.

Рассматривая традиционные модели лидерства (Хьюлетт, 2019), следует отметить, что в их основе лежат иерархические отношения. Система иерархии детерминирует, что статус человека в компании определяет силу и власть принимаемых им решений: руководители, находящиеся на самом верху иерархической лестницы, наделены правом принимать ключевые решения, которые по нисходящим коммуникативным потокам передаются на более низкие уровни иерархии и требуют беспрекословного выполнения и отчетности о результатах. Такая модель лидерства, построенная на строгом соподчинении и железной дисциплине, более характерна для мужчин (Хорошилов и Мельникова, 2020, с. 86, 96). Данная модель вполне оправдывает себя, в том числе и в ситуации женского лидерства, но только при необходимости быстрого принятия решений и выполнения указаний, полученных от вышестоящего руководства.

И все же, по мнению авторов, более характерна для женского лидерства модель, предложенная американскими бизнес-экспертами Дж. Максвеллом и Дж. Коллинзом: лидерство не обеспечивается формальным статусом, оно представляет собой процесс развития команды, основанный на качествах лидера (Максвелл, 2013, с. 19). В зависимости от набора качеств лидер может занимать один из пяти уровней лидерства, отраженных в приведенной ниже таблице.

Таблица / Table

Уровни лидерства / Leadership levels

Тип лидерства	Качества	Активность
<i>Первый уровень – положение</i>		
Эксперт-индивидуал	Профессионализм вследствие сочетания знаний, навыков, талантов	Качественное выполнение работы, уважение в коллективе
<i>Второй уровень – отношения</i>		
Ценный член команды	Коммуникабельность, кооперация, наставничество	Сплочение команды, эффективное взаимодействие в целях получения общей пользы
<i>Третий уровень – продуктивность</i>		
Компетентный менеджер	Умение ставить цели и добиваться их достижения	Организация целенаправленной работы команды
<i>Четвертый уровень – развитие</i>		
Эффективный руководитель	Навыки видения и формирования стратегии и контроля ее реализации	Разработка стратегии, организация работы и контроля по ее реализации
<i>Пятый уровень – вершина</i>		
Великий лидер	Объединение качеств всех предыдущих уровней с дополнением скромности и таланта	Правильная постановка целей, принятие оптимальных стратегических решений, умелая мотивация персонала, организация эффективной работы команды по достижению поставленных целей

Источник: составлено авторами на основе исследований Дж. Максвелла (Максвелл, 2013).

Междисциплинарные исследования женского и мужского потенциала лидерства приводят к результатам, показывающим, что у женщин шансов стать лидером в какой-либо сфере меньше, чем у мужчин. Как и подчеркивалось ранее, причина тому – укоренившиеся стереотипы о роли женщин в обществе (Бессчетнова и др., 2020, с. 3070).

Вместе с тем накоплено немало исследований, опровергающих данное мнение и доказывающих наличие у женщин высокого лидерского потенциала. К числу таких исследований можно отнести работы специалистов по вопросам развития бизнеса (Zenger et al., 2012). Ученым удалось выявить развитые лидерские навыки, которые, с одной стороны, действительно являются производными качества, данных женщинам от природы, таких, например, как способность выстроить уважительные и конструктивные взаимоотношения, умение повысить уровень мотивации персонала, распознать запросы клиентов и найти способы их удовлетворения, но, с другой стороны, по своей природе схожи с «мужскими» качествами и гораздо сильнее выражены, чем у противоположного пола, – это нацеленность на результат, инициативность. Единственное, в чем уступают женщины, – в способности выстраивать стратегию развития. К отличиям «женского» и «мужского» стилей управления можно отнести следующие: женщина в большей степени ориентирована на взаимоотношения в коллективе, а мужчина – на выполнение конкретной задачи; женщина строит коллектив как семью и создает комфортные условия работы, мужчина же создает команду и управляет ею. Как правило, женщина более склонна к построению долгосрочных отношений, изучению всех нюансов при решении бизнес-задач, способна более эффективно влиять на результат.

Исходя из вышесказанного, нет никаких оснований утверждать, что женщина не может стать эффективным руководителем и лидером коллектива. Достигнутый в XXI веке женщинами успех в управлении компаниями разного масштаба изменил общественное мнение в сторону признания необходимости гендерного равенства (Зарубин и Киселева, 2019, с. 138–139). Поскольку в современном бизнес-сообществе особую ценность приобретает умение устанавливать и поддерживать взаимовыгодные отношения с партнерами, коммуникабельность и способность находить точки соприкосновения, готовность договариваться и принимать решения с учетом мнений и потребностей широкого круга заинтересованных сторон, женщины, у которых эти качества выражены более ярко, чем у мужчин, возглавляя компанию, способны действовать более эффективно, гибко и открыто, внимательно изучая все детали в процессе разработки и принятия управленческих решений (Фарбер, 2020, с. 120–121).

Вместе с тем справедливо отметить, что топ-менеджмент компаний, вне зависимости от гендерной принадлежности, привнес в лидерство много сугубо «мужских» качеств, среди которых доминируют жесткая иерархия и следование принципу «победа любой ценой» (Бхат и Сисодиа, 2019, с. 7–8). В результате мир столкнулся с множеством проблем, от глобальных (загрязнение окружающей среды и социальное неравенство) до локальных, на уровне компаний (стресс и депрессия у персонала) (Актепе, 2020, р. 25). Очевидно, что в современной корпоративной среде состояния устойчивости, конку-

рентоспособности и лидерства на рынке добьется компания, возглавляемая руководителем, который сочетает в себе черты мужского и женского типа, или следующая принципам гендерного равенства. Ведение ответственного бизнеса на принципах взаимопомощи, доброты, эмпатии, интуиции, креативности и логики, сопряженных с истинно женской природой, вкупе со стратегическим мышлением руководителя – таков путь построения идеального управления современной компанией (Макки и Сисодиа, 2015, с. 246–260).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На фоне успехов в достижении равенства и увеличении числа женщин-руководителей, к сожалению, еще остается ряд проблем, требующих решения. Из всего массива проблем выделим следующие:

1. «Стекло́нный потолок» как невидимый барьер, затрудняющий продвижение женщин на высшие руководящие должности в организациях. Женщины испытывают большую предвзятость со стороны руководства, что существенно снижает их лидерский потенциал, а их достижения в меньшей степени получают признание.

2. Разрыв в оплате труда мужчин и женщин, занимающих должности в руководстве компаний. Согласно данным аналитиков агентства Moody's, сокращение гендерного разрыва в оплате труда может повысить мировую экономическую активность на 7 трлн долл., но при существующих темпах на экономическое решение проблемы уйдет 132 года²¹.

3. «Двойная связь» для женщин-лидеров отражает разные требования: от мужчин ожидается компетентность, от женщин ожидание компетентности дополняется ожиданием привлекательности.

4. Разное восприятие «мужских» качеств, демонстрируемых мужчинами и женщинами: мужчины воспринимаются сильными и уверенными в себе руководителями, а женщины – агрессивными и властными (Hopkins et al., 2021).

5. Отсутствие наставничества для женщин-лидеров, что на 60 % снижает вероятность их карьерного роста (Elson and Seth, 2019, p. 36).

6. Необходимость нахождения баланса между работой и личной жизнью. Согласно данным²², 75 % работающих матерей испытывают чувство вины из-за того, что не могут одновременно строить карьеру и уделять внимание своей семье, выполнять в полном объеме свои профессиональные и домашние обязанности.

Однако, несмотря на существующие проблемы, у женщин появляются возможности для достижения успеха в управленческой карьере. Считаем необходимым использовать в российских компаниях лучший мировой опыт поддержки женского лидерства.

²¹ Мамикоян О. Гендерный разрыв в оплате труда может стоить мировой экономике \$7 трлн [Электронный ресурс] // Forbes Woman. 2023. 6 марта. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/485758-gendernyj-razryv-v-oplate-truda-mozet-stoit-mirovoj-ekonomike-7-trln> (дата обращения: 11.04.2023).

²² Global gender gap report 2020 ... P. 64–368.

Во-первых, повышение осведомленности общества о проблеме гендерного неравенства и постепенное осознание новой роли женщины в руководстве компании позволяет им «пробовать стеклянный потолок» и продвигаться на высшие руководящие должности.

Во-вторых, многие компании сегодня вводят для женщин гибкий график труда или предлагают удаленную работу, что позволяет женщинам сбалансировать свою деловую активность и личную жизнь.

В-третьих, компании с развитой корпоративной культурой приступают к реализации программ поддержки и развития женщин-лидеров. В рамках данных программ женщины получают рекомендации для развития компетенций руководителя и построения траектории карьерного роста.

Наконец, внедряется культура поддержки на рабочем месте, признается и поощряется гендерное разнообразие и равенство, создается среда признания женского успеха, что способствует увеличению представительства женщин на всех уровнях управленческой иерархии.

Не вызывает сомнений, что при реализации целого комплекса мер поддержки женщин, намеревающихся выстраивать управленческую карьеру, потенциал женского лидерства способен оказать значительное позитивное влияние на экономический рост и развитие компаний и национальной экономики уже в ближайшие годы.

Список источников

Абрамова А. А. Существует ли феномен «стеклянного потолка» в современной российской реальности? [Электронный ресурс] // *nauka.me*. 2020. № 4. <https://doi.org/10.18254/S241328880013302-6>. URL: <https://nauka.me/s241328880013302-6-1> (дата обращения: 07.04.2023).

Бессчетнова О. В., Крекова М. М., Арзамасова Е. Л. Женское предпринимательство в России: pro et contra? // *Экономика, предпринимательство и право*. 2020. Т. 10, № 12. С. 3059–3074. <https://doi.org/10.18334/epp.10.12.111499>.

Бхат Н., Сисодиа Р. Сила Шакти. Единение женской и мужской энергии в бизнесе / Под ред. Д. В. Ковпака; пер. с англ. А. Богдановой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 240 с.

Зарубин В. Г., Киселева Л. С. Гендерные аспекты лидерства в бизнесе: мировой опыт и Россия // *ЭТАП: Экономическая теория, анализ, практика*. 2019. № 1. С. 134–145. <https://doi.org/10.24411/2071-6435-2019-10075>.

Каширкина А. А., Морозов А. Н. Европейский опыт оценки гендерной проблематики: совместимость международных стандартов и национальных правовых подходов // *Женщина в российском обществе*. 2021. № 3. С. 3–17. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.3.1>.

Макки Дж., Сисодиа Р. Сознательный капитализм. Компании, которые приносят пользу клиентам, сотрудникам и обществу / Под ред. Т. Медведевой, пер. с англ. А. Коробейниковой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 336 с.

Максвелл Дж. С. 5 уровней лидерства / Пер. с англ. Л. А. Бабук. М.: Попурри, 2013. 320 с.

Мусич Е. А., Балабанова Е. С. Как формируются ожидания от работы у топ-менеджеров российских компаний? // Российский журнал менеджмента. 2022. Т. 20, № 1. С. 81–107. <https://doi.org/10.21638/spbu18.2022.104>.

Пушкарева Н. Л., Пушкарева И. М. Два века женского движения в России и его современное состояние // Женщина в российском обществе. 2021. № 2. С. 17–27. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.2.2>.

Ребрей С. М. Неравенство возможностей женщин и мужчин России: анализ агентности на базе Всемирного исследования ценностей // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 22–32. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.4.3>.

Савченко И. А., Козлова Ю. В. Мужчина и женщина в пространстве карьерного взаимовосприятия // Russian Journal of Education and Psychology. 2020. Т. 11, № 6. С. 31–54. <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2020-6-31-54>.

Табаринцева-Романова К. М., Романенко П. Д. Развитие гендерной политики Европейского союза после 2010 года // Ars Administrandi (Искусство управления). 2020. Т. 12, № 1. С. 161–175. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2020-1-161-175>.

Ткаченко И. Н., Первухина И. В. Гендерные аспекты участия женщин в корпоративном бизнесе и предпринимательстве // Дискуссия. 2017. № 11. С. 25–35.

Фарбер А. В. Особенности гендерных характеристик женщин-руководителей // Человеческий капитал. 2020. № 9. С. 115–123. <https://doi.org/10.25629/НС.2020.09.09>.

Хорошилов Д. А., Мельникова О. Т. Метод тематического анализа в изучении представлений о женском лидерстве // Организационная психология. 2020. Т. 10, № 3. С. 85–99.

Хьюлетт С. Э. Облик лидера. Недостающее звено между способностями и успехом / Пер. с англ. О. Улантиковой, М. Халецкого. М.: Альпина Паблшер, 2019. 233 с.

Aktepe S. O. Gender inequality in work organizations: What HRM practices mean for gender inequality // Macro and micro-level issues surrounding women in the workforce: Emerging research and opportunities / Ed. by B. U. Tan. Hershey: IGI Global, 2020. P. 1–36. <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-9163-4.ch001>.

Collins C., Landivar L. C., Ruppner L. et al. COVID-19 and the gender gap in work hours // Gender, Work & Organization. 2021. Vol. 28, № S1. P. 101–112. <https://doi.org/10.1111/gwao.12506>.

Gender equality and inclusive growth: Economic policies to achieve sustainable development / Ed. by D. Elson, A. Seth. New York: UN Women, 2019. 142 p.

Heinrichs K., Sonnabend H. Leaky pipeline or glass ceiling? Empirical evidence from the German academic career ladder // Applied Economics Letters. 2023. Vol. 30, № 9. P. 1189–1193. <https://doi.org/10.1080/13504851.2022.2041168>.

Hopkins M. M., O’Neil D. A., Bilimoria D. et al. Buried treasure: Contradictions in the perception and reality of women’s leadership [Электронный ресурс] // Frontiers in Psychology. 2021. Vol 12. Art. № 684705. <http://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.684705>. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2021.684705/full> (дата обращения: 12.04.2023).

Kristal T., Yaish M. Does the coronavirus pandemic level the gender inequality curve? (It doesn’t) // Research in Social Stratification and Mobility. 2020. Vol. 68. Art. № 100520. <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2020.100520>.

Rossmann E. From socialism to social media: Women's and gender history in post-Soviet Russia // *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*. 2021. Vol. 44, № 4. P. 414–432. <https://doi.org/10.1002/bewi.202100008>.

Ryan M. K., Haslam S. A. The glass cliff: Evidence that women are over-represented in precarious leadership positions // *British Journal of Management*. 2005. Vol. 16, № 2. P. 81–90. <http://doi.org/10.1111/j.1467-8551.2005.00433.x>.

Zenger J. H., Folkman J., Sherwin R. H. et al. How to be exceptional: Drive leadership success by magnifying your strengths. New York: McGraw Hill Professional, 2012. 224 p.

Информация об авторах

М. А. Измайлова – доктор экономических наук, профессор, профессор Департамента корпоративных финансов и корпоративного управления факультета экономики и бизнеса ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», 125167, Россия, Москва, пр-т Ленинградский, 49/2
SPIN-код (РИНЦ): 4642-5831
AuthorID (РИНЦ): 491845
Web of Science ResearcherID: X-8663-2019
Scopus Author ID: 57189310428

Е. Ю. Корнева – кандидат технических наук, руководитель обособленного подразделения ООО «Русский Регистр – Балтийская инспекция» в Москве, программы Ассоциации по сертификации «Русский Регистр» по независимым оценкам качества образования, 105066, Россия, г. Москва, Елоховский проезд, 1
SPIN-код (РИНЦ): 2274-3340
AuthorID (РИНЦ): 589359

М. В. Цуркан – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления Института экономики и управления ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», 170100, Россия, г. Тверь, ул. Желябова, 33
SPIN-код (РИНЦ): 5438-8170
AuthorID (РИНЦ): 649375
Web of Science Researcher ID: AAU-7712-2020
Scopus Author ID: 57191415818

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 18.04.2023; одобрена после рецензирования 21.06.2023; принята к публикации 21.06.2023.

References

- Abramova, A. A. (2020), “Does the phenomenon of “glass ceiling” exist in modern Russian reality?”, *nauka.me*, no. 4, <https://doi.org/10.18254/S241328880013302-6> [Online], available at: <https://nauka.me/s241328880013302-6-1> (Accessed Apr. 7, 2023).
- Besschetnova, O. V., Krekova, M. M. and Arzamasova, E. L. (2020), “Women’s entrepreneurship in Russia: Pro et contra?”, *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, vol. 10, no. 12, pp. 3059–3074, <https://doi.org/10.18334/epp.10.12.111499>.
- Bhat, N. and Sisodia, R. (2019), *Shakti leadership. Embracing feminine and masculine power in business*, translated by Bogdanova, A., Mann, Ivanov and Ferber, Moscow, Russia.
- Zarubin, V. G. and Kiseleva, L. S. (2019), “Gender aspects of leadership in business: World experience and Russia”, *ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice*, no. 1, pp. 134–145, <https://doi.org/10.24411/2071-6435-2019-10075>.
- Kashirkina, A. A. and Morozov, A. N. (2021), “European experience in gender assessment: Compatibility of international standards and national legal approaches”, *Woman in Russian Society*, no. 3, pp. 3–17, <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.3.1>.
- Mackey, J. and Sisodia, R. (2015), *Conscious capitalism. Liberating the heroic spirit of business*, translated by Korobeinikov, A., Mann, Ivanov and Ferber, Moscow, Russia.
- Maxwell, J. S. (2013), *The 5 levels of leadership*, translated by Babuk, L. A., Popurri, Moscow, Russia.
- Musich, E. A. and Balabanova, E. S. (2022), “How do Russian companies’ top managers shape their job expectations?”, *Russian Management Journal*, vol. 20, no. 1, pp. 81–107, <https://doi.org/10.21638/spbu18.2022.104>.
- Pushkareva, N. L. and Pushkareva, I. M. (2021), “Two centuries of women’s movement in Russia and its current state”, *Woman in Russian Society*, no. 2, pp. 17–27, <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.2.2>.
- Rebrey, S. M. (2022), “Inequality of opportunities among women and men in Russia: An agency analysis based on the world values survey”, *Woman in Russian Society*, no. 4, pp. 22–32, <https://doi.org/10.21064/WinRS.2022.4.3>.
- Savchenko, I. A. and Kozlova, Yu. V. (2020), “Male and female in the space of career mutual perception”, *Russian Journal of Education and Psychology*, vol. 11, no. 6, pp. 31–54, <https://doi.org/10.12731/2658-4034-2020-6-31-54>.
- Tabarintseva-Romanova, K. M. and Romanenko, P. D. (2020), “European Union gender policy development after 2010”, *Ars Administrandi*, vol. 12, no. 1, pp. 161–175, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2020-1-161-175>.
- Tkachenko, I. N. and Pervukhina, I. V. (2017), “Gender aspects of women participation in corporate business and entrepreneurship”, *Discussion*, no. 11, pp. 25–35.
- Farber, A. V. (2020), “Features of gender characteristics of women-leaders”, *Human Capital*, no. 9, pp. 115–123, <https://doi.org/10.25629/HC.2020.09.09>.
- Khoroshilov, D. A. and Melnikova, O. T. (2020), “Thematic analysis method in the study of ideas about women’s leadership”, *Organizational Psychology*, vol. 10, no. 3, pp. 85–99.

Hewlett, S. A. (2019), *Executive presence: The missing link between merit and success*, translated by Ulantikova, O. and Khaletskiy, M., Alpina Publisher, Moscow, Russia.

Aktepe, S. O. (2020), “Gender inequality in work organizations: What HRM practices mean for gender inequality”, in Tan, B. U. (ed.), *Macro and micro-level issues surrounding women in the workforce: Emerging research and opportunities*, IGI Global, Hershey, PA, US, pp. 1–36, <https://doi.org/10.4018/978-1-5225-9163-4.ch001>.

Collins, C., Landivar, L. C., Ruppner, L. et al. (2021), “COVID-19 and the gender gap in work hours”, *Gender, Work & Organization*, vol. 28, no. S1, pp. 101–112, <https://doi.org/10.1111/gwao.12506>.

Elson, D. and Seth, A. (eds.) (2019), *Gender equality and inclusive growth: Economic policies to achieve sustainable development*, UN Women, New York, NY, US.

Heinrichs, K. and Sonnabend, H. (2023), “Leaky pipeline or glass ceiling? Empirical evidence from the German academic career ladder”, *Applied Economics Letters*, vol. 30, no. 9, pp. 1189–1193, <https://doi.org/10.1080/13504851.2022.2041168>.

Hopkins, M. M., O’Neil, D. A., Bilimoria, D. et al. (2021), “Buried treasure: Contradictions in the perception and reality of women’s leadership”, *Frontiers of Psychology*, vol. 12, art. no. 684705, <http://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.684705> [Online], available at: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2021.684705/full> (Accessed Apr. 12, 2023).

Kristal, T. and Yaish, M. (2020), “Does the coronavirus pandemic level the gender inequality curve? (It doesn’t)”, *Research in Social Stratification and Mobility*, vol. 68, art. no. 100520, <https://doi.org/10.1016/j.rssm.2020.100520>.

Rossman, E. (2021), “From socialism to social media: Women’s and gender history in post-Soviet Russia”, *Berichte zur Wissenschaftsgeschichte*, vol. 44, no. 4, pp. 414–432, <https://doi.org/10.1002/bewi.202100008>.

Ryan, M. K. and Haslam, S. A. (2005), “The glass cliff: Evidence that women are over-represented in precarious leadership positions”, *British Journal of Management*, vol. 16, no. 2, pp. 81–90, <http://doi.org/10.1111/j.1467-8551.2005.00433.x>.

Zenger, J. H., Folkman, J., Sherwin, R. H. et al. (2012), *How to be exceptional: Drive leadership success by magnifying your strength*, McGraw Hill Professional, New York, NY, US.

Information about the authors

M. A. Izmailova – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Corporate Finance and Corporate Governance, Faculty of Economics and Business, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russia

SPIN-code (RSCI): 4642-5831

Author ID (RSCI): 491845

Web of Science ResearcherID: X-8663-2019

Scopus Author ID: 57189310428

E. Yu. Korneva – Candidate of Technical Sciences, Head of the Office of Russian Register – Baltic Inspection in Moscow, Head of the Programs on Independent

Assessments of Education Quality, Certification Association Russian Register, 1 Elovsky Passage, Moscow, 105066, Russia
SPIN-code (RSCI): 2274-3340
Author ID (RSCI): 589359

M. V. Tsurkan – Candidate of Economics, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Public Administration, Institute of Economics and Management, Tver State University, 33 Zhelyabov Str., Tver, 170100, Russia
SPIN-code (RSCI): 5438-8170
AuthorID (RSCI): 649375
Web of Science ResearcherID: AAU-7712-2020
Scopus Author ID: 57191415818

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 18.04.2023; approved after reviewing 21.06.2023; accepted for publication 21.06.2023.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 3. С. 447–470.
Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 3, pp. 447–470.

Научная статья

УДК 323.1

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-447-470>

ДИНАМИКА САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ АЗЕРБАЙДЖАНА И ГРУЗИИ)

Татьяна Борисовна Витковская¹, Мария Викторовна Назукина²✉

^{1,2} Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения РАН, Институт гуманитарных исследований Уральского отделения РАН, г. Пермь, Россия

¹ vit.tatiana@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1281-1292>

² nazukina@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-0190-0513>

Аннотация. Введение: в современном мире существуют разнообразные движения за самоопределение, многие из которых переросли в масштабные политико-территориальные конфликты, продолжающиеся и сегодня. Показательные примеры такого рода движений являют собой страны постсоветского пространства. **Цель:** выявление вариативности в траекториях развития движений за самоопределение в Грузии и Азербайджане. **Методы:** кейс-стади, метод сравнения кейсов: анализируются пять движений, выступающих за самоопределение этнических групп (три определяют себя во взаимодействии с грузинским государством, два – с азербайджанским). **Результаты:** в ходе исследования установлено, что основой движений является этническая идентичность. Выделены три случая, которые демонстрируют схожую динамику: карабахское, абхазское и южноосетинское движения вовлечены в воспроизводящийся конфликт за самоопределение и являются примерами успешных движений. Определено, что два случая – аджарское и талышское движения – продемонстрировали спад динамики и постепенное угасание. **Выводы:** периодом высокой активности и успехов в самоопределении стала первая половина 1990-х годов, когда Азербайджан и Грузия проходили через системные трансформации и становление собственной государственности. Далее их интенции по восстановлению управляемости и поддержанию территориальной целостности столкнулись с волей движений к самоопределению и самоуправлению. На ход противостояния влияет также поддержка со стороны России или «родственного» государства этнического меньшинства. Траектория развития движений определяется динамическим соотношением сил противоборствующих сторон.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: движение за самоопределение, этническая группа, политический конфликт, постсоветское пространство

Благодарности: исследование выполнено в Пермском федеральном исследовательском центре Уральского отделения РАН при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00530 «Почему заимствуют неэффективные институты? Управление политико-территориальной гетерогенностью и обеспечение территориальной целостности государства», <https://rscf.ru/project/23-18-00530>.

Для цитирования: *Витковская Т. Б., Назукина М. В.* Динамика самоопределения этнических движений на постсоветском пространстве (на примере Азербайджана и Грузии) // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2023. Т. 15, № 3. С. 447–470. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-447-470>.

Original article

ETHNIC MOVEMENTS SELF-DETERMINATION DYNAMICS IN POST-SOVIET STATES (THE CASES OF AZERBAIJAN AND GEORGIA)

Tatyana B. Vitkovskaya¹, Mariya V. Nazukina²✉

^{1,2} Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute for Humanitarian Studies of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, Russia

¹ vit.tatiana@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1281-1292>

² nazukina@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-0190-0513>

Abstract. Introduction: the modern world includes a variety of self-determination movements, many of which have grown into large-scale political-territorial conflicts that continue to this day. The post-Soviet countries provide illustrative examples of this kind of movements. **Objectives:** to identify variability in the development trajectories of self-determination movements in Georgia and Azerbaijan. **Methods:** case-study, comparable-case method: five movements advocating self-determination of ethnic groups are analysed (three movements define themselves in interaction with the Georgian state, two – with the Azerbaijani one). **Results:** the research has revealed that the basis of self-determination movements is ethnic identity. Three cases have been identified to demonstrate similar dynamics: the Karabakh, Abkhaz and South Ossetian movements are involved in a recurring conflict for self-determination and are examples of successful movements. Two cases – the Adjarian and Talysh movements showed a decline in dynamics and a gradual extinction. **Conclusions:** the period of high activity and success in self-determination was the first half of the 1990s, when Azerbaijan and Georgia were going through systemic transformations and the formation of their own statehood. Further, their intentions to restore governability and maintain territorial integrity clashed with the will of movements for self-determination and self-government. Support from Russia or a kin-state of an ethnic minority also affects the dynamics of the confrontation. The development trajectory of the movements is determined by the dynamic balance of opposing forces.

Keywords: self-determination movement (SDM), ethnic group, political conflict, post-Soviet states

Acknowledgements: the research was supported by the grant program of the Russian Science Foundation, project no. 23-18-00530 “Why adopt inefficient institutions? Political-territorial heterogeneity management and ensuring the territorial integrity of the state” at Perm Federal

For citation: Vitkovskaya, T. B. and Nazukina, M. V. (2023), "Ethnic movements self-determination dynamics in post-Soviet states (the cases of Azerbaijan and Georgia)", *Ars Administrandi*, vol. 15, no. 3, pp. 447–470, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-447-470>.

ВВЕДЕНИЕ

Движения за самоопределение и политико-территориальные конфликты возникают как следствие политизации различий на основе идентичностей разного типа, ключевое место среди которых занимает этническая идентичность. В ряде стран мира усиливается стремление к самоопределению этнических групп, возникают сепаратистские движения. База данных "Ethnic Power Relations", выпущенная в 2021 году, указывает на существование более 800 политически релевантных этнических групп¹. По данным К. Рота, движений, выступающих за обретение какой-либо степени автономии, в мире тысячи (Roth, 2015, p. 553–626; Туров, 2021, с. 4).

При этом довольно часто причиной конфликтности становится столкновение двух принципов международного права – самоопределения народов и территориальной целостности. Первый принцип закреплен в Уставе ООН и означает «право каждого народа самостоятельно решать вопрос о форме своего государственного существования, свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое и культурное развитие»². С другой стороны, между государствами действует принцип территориальной целостности, который нацелен на защиту государственных границ от внешней агрессии. Поэтому поиск вариантов сбалансированной политики по управлению политико-территориальным разнообразием приобретает большую значимость.

Постсоветские страны являются яркими примерами существования разнообразных движений за самоопределение, многие из которых переросли в масштабные политико-территориальные конфликты, продолжающиеся по сей день. В данной статье рассматриваются две такие страны – Грузия и Азербайджан. И там и там развиваются территориальные конфликты, связанные с воссоединением в прошлом разобщенных этносов. И там и там между правительством и движением, выступающим за самоопределение, можно наблюдать вооруженные столкновения. Несмотря, однако, на внешнее сходство ситуаций, актуальным является вопрос о присутствии вариативности в траектории движений за самоопределение в этих странах, существова-

¹ *Ethnic Power Relations (EPR) core dataset 2021* [Online] // EPR Dataset Family. Eidgenössische Technische Hochschule Zürich. URL: <https://icr.ethz.ch/data/epr/core/> (Accessed June 11, 2023).

² Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]: принята резолюцией Генер. Ассамблеи Орг. Объедин. Наций № 2625 (XXV) от 24.10.1970. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 14.06.2023).

нии нескольких случаев с разным результатом, что дает возможность выявить закономерности и проанализировать влияние факторов на динамику и успешность таких движений.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологию статьи составляют принципы современных исследований автономистских и сепаратистских требований и движений за самоопределение (Beramendi, 2014; Buchanan and Faith, 1987; Cunningham, 2014; Eck, 2009; Sambanis et al., 2018; Griffiths, 2015, 2016; Juon, 2020; Wood, 1981; Lynch, 2004; Swain, 2007; Cederman et al., 2015).

Ф. А. Попов в своей фундаментальной работе «География сепаратизма в современном мире» определяет сепаратизм «как политическое движение, направленное на выход территории из состава материнского государства под действием внутренних импульсов». В данной им дефиниции в центр категоризации помещено движение. Как отмечает ученый, «сепаратистское движение – это, прежде всего, определенным образом выделенный участок политического пространства», который предполагает «разрыв в действительном поле государственной власти» (Попов, 2012, с. 9–10). Автономизм, в свою очередь, есть «политическое движение, направленное на повышение степени самостоятельности некоторой территории без выхода из состава государства, то есть не-сепаратистская форма сепаратизма» (Попов, 2012, с. 23). Такие движения стремятся к политическому конституированию региона, обретению им политической субъектности и включению его в политический процесс (Витковская и Назукина, 2021, с. 70).

И. Л. Прохоренко в монографии «Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах – членах Европейского союза» отмечает, что употребление термина «сепаратизм» является оправданным в науке о международных отношениях. Вместе с тем автор пишет о необходимости обращения к внутренним факторам, «динамике этнополитической и иной конфликтности в многомерном и многоуровневом политическом пространстве государства» (Прохоренко, 2018, с. 12–13). Поэтому внимание должно уделяться также ирредентизму, предполагающему не только сепарацию от одного государства, но и слияние с другим.

В данной статье движение за самоопределение понимается в трактовке, предложенной исследовательской группой Лаборатории по изучению идентичности и конфликтов Пенсильванского университета под руководством профессора Николаса Самбаниса³. Движение за самоопределение характеризуется как «связанное с этнической группой и заявляющее о расширении самоопределения от государства», а самоопределение – как «определяемое группой право на самоуправление в пределах территории» (Sambanis et al., 2018, p. 658).

³ *Self-Determination* [Online] // Official website of the Penn Identity and Conflict Lab, University of Pennsylvania. URL: <https://web.sas.upenn.edu/pic-lab/projects/causes-of-conflict/self-determination/> (Accessed June 10, 2023).

Самоопределение трактуется достаточно широко, чтобы выступать целью как движений, требующих отделения (создания отдельного государства или слияния с другим государством), так и движений, требующих большей внутренней автономии. Движения за самоопределение могут бороться за право собирать и расходовать налоги, поддерживать оборону, иметь автономию в отношении языковой и культурной политики, определять границы территории, с которой группа себя идентифицирует, или выдвигать другие требования, имеющие политическое значение. Этничность тоже трактуется широко: регион происхождения рассматривается как маркер этнической принадлежности, так же как раса, религия, язык и т. п. (Sambanis et al., 2018, p. 659).

Статья посвящена этническим движениям в Азербайджане и Грузии. Выбор именно этих стран на постсоветском пространстве обусловлен их этническим разнообразием и тем, что они демонстрируют примеры активности этнических меньшинств, разворачивающейся в сходных условиях. Оба государства – светские и правовые, полиэтнические и унитарные. В Азербайджане основные этнические меньшинства – армяне, лезгины и талыши; в Грузии – абхазы, южные осетины, аджарцы, кроме того, есть азербайджанская и армянская диаспоры.

Для анализа выбраны движения, выступающие (или выступавшие) за самоопределение этнических меньшинств. В соответствии с целью исследования в статье отдельно рассмотрены те движения, которые добились успеха и продолжают сохранять активность, и те, чья активность существенно снизилась.

При выборе случаев для углубленного изучения авторы ориентировались на оценки этнических движений, данные в рамках двух крупных проектов, посвященных политической активности этнических групп и этнополитическим конфликтам. Речь идет, во-первых, о проекте по мониторингу этнополитических конфликтов «Меньшинства в потенциально опасной ситуации» (Minorities at Risk, MAR) Центра международного развития и управления конфликтами Университета Мэриленда (Center for International Development and Conflict Management (CIDCM), University of Maryland)⁴; во-вторых, о проекте «Географическое исследование войны (объединенная платформа)» (Geographical Research on War, Unified Platform) Исследовательской группы по интернациональным конфликтам Центра сравнительных и международных исследований Швейцарского федерального технологического института в Цюрихе (The International Conflict Research (ICR) group, Center for Comparative and International Studies at ETH Zurich)⁵.

Как случаи успешных в самоопределении этнических групп, сформировавших активные до настоящего времени движения, были выбраны этнические группы, оцененные в проекте MAR как «политически активные»,

⁴ *The Minorities at Risk Project* [Online] // Official website of the Center for International Development and Conflict Management, University of Maryland. 2016. 8 June. URL: <http://www.mar.umd.edu/> (Accessed June 11, 2023).

⁵ *GROW^{mp}* – Geographical Research on War, Unified Platform [Online] // Website of the International Conflict Research group, Center for Comparative and International Studies at ETH Zurich. URL: <https://growup.ethz.ch/> (Accessed June 11, 2023).

а в проекте ICR – как «не имеющие влияния на центральное правительство, но контролирующие (или контролировавшие) часть государственной территории и заявлявшие о ее автономии». В Азербайджане это армяне, в Грузии – абхазы и южные осетины.

Как случаи угасающих движений за самоопределение были выбраны движения этнических групп, соответствующих оценкам «политически активные» (проект MAR) и «не имеющие власти» или «не имеющие политического значения» в настоящее время (проект ICR) и, по данным ICR, демонстрирующие динамику – изменение статуса⁶. В Азербайджане это движение талышей, относительно которых определение «не имеющие власти» применяется к периоду с 1994 года, но не к 1991–1993 годам. В Грузии это движение аджарцев: характеристика их как «не имеющих политического значения» относится к настоящему времени (на 2021 год), но не распространяется на весь период существования движения⁷.

Лезгины в Азербайджане, так же как азербайджанцы и армяне в Грузии, не были выбраны как случаи самоопределяющихся этнических групп, поскольку не оценивались ICR как «контролирующие (или контролировавшие) часть государственной территории и заявлявшие о ее автономии» или «политически значимые», а грузинские азербайджанцы и армяне не определены MAR как «политически активные».

В ходе исследования авторами использовались метод кейс-стади и метод сравнения кейсов. В качестве кейсов выбраны пять движений, выступающих за самоопределение этнических групп: три определяют себя во взаимодействии с грузинским государством, два – с азербайджанским. В статье рассмотрены два случая угасающих движений за самоопределение (талышское движение и аджарское) и три случая успешных движений, сохраняющих активность (движение армян Нагорного Карабаха, абхазское и южноосетинское). Авторы понимают, что метод сравнения кейсов, в силу малого их числа в проведенном исследовании, не позволяет делать значимые генерализации и может быть использован только для прояснения ситуации и формулировки предварительных выводов по азербайджанской и грузинской практике. Авторы не претендуют на выявление паттернов активности этнических движений на постсоветском пространстве, для чего требуется проведение кейс-стади в большем числе стран пост-СССР.

Статья опирается на представленную в систематизированном и кодифицированном виде информацию, содержащуюся в открытых для исследователей базах данных, подготовленных в рамках современных проектов по изучению этнических меньшинств. Упомянутый выше проект MAR поддерживает базу данных «Меньшинства в потенциально опасной ситуации» (Minorities at Risk Dataset), проект ICR – платформу визуализации данных «Географическое исследование войны» (Geographical Research On War, Unified Platform) и базу данных «Властные отношения этнических групп» (Ethnic Power Rela-

⁶ Наличие динамики определяется по данным проекта ICR, поскольку проект MAR предоставляет данные до 2006 года, проект ICR – до 2021 года.

⁷ Причины разницы в статусах были на момент выбора кейсов неясны, их прояснение было одной из задач исследования.

tions Dataset). Кроме них, использовалась база данных «Движения за самоопределение» (Self-Determination Movements (SDM) Dataset)⁸ Лаборатории по изучению идентичности и конфликтов Пенсильванского университета (Penn Identity and Conflict Lab)⁹; для авторов были важны сведения о хронологии движений за самоопределение, эпизодах их насильственной и ненасильственной активности. Востребованной оказалась также информация сета по сепаратистским движениям (Dataset of Secessionist Grievances) Школы гражданства и связей с общественностью Максвелла Сиракузского университета (Maxwell School of Citizenship and Public Affairs, Syracuse University)¹⁰; при подготовке статьи были задействованы данные о требованиях, выдвигаемых этническими группами, и обоснованиях этих требований, используемых движениями за самоопределение. Составители базы данных «Движения за самоопределение» обращались к данным базы «Меньшинства в потенциально опасной ситуации» и другим разнообразным источникам; при сборе данных для датасета по сепаратистским движениям привлекалась информация из баз «Меньшинства в потенциально опасной ситуации» и «Властные отношения этнических групп». Это делает данные сопоставимыми и удобными для использования в одном исследовании. Кроме того, авторами были задействованы материалы СМИ и интервью с лидерами движений за самоопределение, их программные тексты.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Абхазия, Южная Осетия, Нагорный Карабах: успешные движения за самоопределение

Абхазское и южноосетинское движения во взаимодействии с Грузией. В 1989–1991 годах Грузия инициировала серию ограничений, которые этнические меньшинства восприняли как дискриминирующие: грузинский язык был определен как единственный государственный, региональным партиям запрещено участвовать в общенациональных выборах. В мае 1991 года президентом был избран один из лидеров грузинского национально-освободительного движения Звиад Гамсахурдия (Corpieters, 1999, p. 19). Эти события составили политический контекст резкого роста активности этнических меньшинств.

Основой **абхазского движения** за самоопределение является этническая идентичность. Абхазы, ведущие свою историю от Средневековья, сегодня демонстрируют высокую степень групповой сплоченности. Абхазы относятся к абхазо-адыгским народам, говорят на абхазском языке¹¹. Их движение

⁸ *Self-Determination ...*

⁹ База данных имеет ограничение, важное для нашего исследования: представлена информация до 2012 года; информация по более позднему периоду взята из других источников.

¹⁰ Доступ к базе данных закрыт, но часть данных доступна в приложениях к публикациям составителя проф. Райана Гриффитса (Griffiths, 2016; Griffiths and Martinez, 2021).

¹¹ *Minorities and indigenous peoples in Georgia. Abkhaz: Profile [Online] // Official website of the Minority Rights Group International. 2018. Sept. URL: <https://minorityrights.org/minorities/abkhaz/> (Accessed May 16, 2023).*

за самоопределение проявило себя за несколько лет до распада СССР и в этот период носило преимущественно ненасильственный характер.

История этого движения в 1990–2000-е годы представляет собой серию интенсивных конфликтов, в том числе военных, с участием регулярных грузинских вооруженных сил и регулярных и иррегулярных абхазских вооруженных формирований. Обозначим основные этапы насильственного противостояния: конфликт 1992–1993 годов (известен как «война в Абхазии»); насильственные действия грузинских партизан «Белого легиона» и «Лесного братства» на абхазской территории в 1997–1998 годах; военная операция 1998 года вооруженных сил Абхазии на территории, населенной преимущественно грузинами (известна как «Шестидневная война в Абхазии»). Итогом интенсивного противостояния к рубежу 1990–2000-х годов стал контроль абхазской стороны над основной частью территории Абхазии. Вооруженные столкновения в ходе борьбы за контроль над пограничным Кодорским ущельем произошли в 2001 и 2006 годах¹².

До военного противостояния исторические обиды абхазов в значительной степени были вызваны экономическими причинами: в советское время на черноморском побережье Абхазии находились одни из лучших мест отдыха, и абхазы считали, что доходы от туризма, перенаправлявшиеся в грузинскую экономику, причитались им. Относительное благополучие региона было разрушено военными действиями, и после 1993 года борьба за самоопределение уже не имела экономической подоплеки¹³.

Основным требованием движения была и остается независимость Абхазии: до военного конфликта Абхазия претендовала на официальный статус, гарантирующий относительную независимость (автономия, республика, партнер в союзном государстве), конфликт развернулся и воспроизводился в связи с проблемой статуса территории. Впервые о независимости Абхазия заявила в 1992 году, декларирующую государственный суверенитет конституцию приняла 26 ноября 1994-го¹⁴, но де-факто независима с 1993 года. С этого времени движение за самоопределение становится движением за признание независимости Абхазии Грузией и международным сообществом де-юре¹⁵.

История грузино-абхазского противостояния, повлекшего немалые жертвы, стала самостоятельным аргументом за сепарацию, который Абхазия

¹² *Chronology for Abkhazians in Georgia* [Online] // Official website of the Center for International Development and Conflict Management, University of Maryland. 2010. 16 July. URL: <http://www.mar.umd.edu/chronology.asp?groupId=37201> (Accessed May 15, 2023); *Хроника грузино-абхазского конфликта 1989–2008 гг.* Справка [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2008. 4 мая. URL: <https://ria.ru/20080504/106510243.html> (дата обращения: 09.05.2023).

¹³ *Assessment for Abkhazians in Georgia* [Online] // Official website of the Center for International Development and Conflict Management, University of Maryland. 2006. 31 Dec. URL: <http://www.mar.umd.edu/assessment.asp?groupId=37201> (Accessed May 16, 2023).

¹⁴ *Конституция* Республики Абхазия [Электронный ресурс]: принята на сес. Верхов. Совета Респ. Абхазия 12-го созыва 26.11.1994, одобрена всенар. голосованием 03.10.1999 // Офиц. сайт посольства Респ. Абхазия в Рос. Федерации. URL: http://www.emb-abkhazia.ru/respublika_abhaziya/konstituciya_respubliki_abhaziya/ (дата обращения: 09.05.2023).

¹⁵ *Абхазия: пути вперед.* Доклад от 18.01.2007 № 179 [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Междунар. кризис. группы (Европа). С. 12–15. URL: <https://icg-prod.s3.amazonaws.com/179-abkhazia-ways-forward-russian.pdf> (дата обращения: 16.05.2023).

использовала по мере воспроизводства конфликта. Кроме того, аргументируя свои притязания на независимость, Абхазия указывала на состоятельность движения за самоопределение и эффективность собственных институтов управления. Первый де-факто президент Абхазии Владислав Ардзинба говорил об этом в 2004 году: «*Абхазия уже является независимым государством. Более десяти лет мы самостоятельно обеспечиваем безопасность нашей страны, развиваем экономику, формируем государственные институты, совершенствуем правовую систему ... Поэтому я предложил бы называть Абхазию самоопределившимся государством*»¹⁶. Функции управления в отношении сообщества и территории осуществляют де-факто президент, правительство и парламент Абхазии. Хотя в результате конфликта 2006 года Грузия переместила в зону Кодорского ущелья правительство и парламент Абхазии «в изгнании», остальная территория Абхазии оставалась под контролем де-факто органов власти Абхазии и в этот период¹⁷.

Южноосетинское движение за самоопределение также имеет этнические основания. Исторически, в силу особенностей расселения в горной местности, этот народ был разбит на множество мелких этнолингвистических подгрупп. Осетины говорят на осетинском языке, представленном рядом диалектов. Некоторые осетинские подгруппы относят себя к мусульманам-суннитам, большинство – к православным христианам¹⁸. Однако для современной южноосетинской идентичности религия не является определяющей, поэтому религиозные различия не сыграли роли в грузино-осетинском конфликте и не раскололи южноосетинское движение.

Движение за самоопределение зародилось в позднем СССР и до 1991 года не прибегало к насилию. В 1990–2000-е годы имел место ряд интенсивных насильственных (включая военный) конфликтов. Основными были, во-первых, военный конфликт 1991–1992 годов («Южноосетинская война»), в ходе которого шли боевые действия между регулярными вооруженными силами Грузии и силами охраны общественного порядка и самообороны Южной Осетии; во-вторых, вооруженный конфликт 2004 года, когда Грузия продемонстрировала готовность к балансированию на грани войны и ввела на территорию Южной Осетии внутренние войска, вступившие в вооруженное противостояние с южноосетинскими силами¹⁹.

Естественная по причине сложности перемещения и коммуникации в горной местности разобщенность осетин обусловила традиционно слабое

¹⁶ Снегирев В. Эксклюзивное интервью с президентом Абхазии [Электронный ресурс] // Российская газета. 2004. 22 июля. URL: <https://rg.ru/2004/07/22/ardzinba.html> (дата обращения: 09.05.2023).

¹⁷ Новиков В. Грузия перебрала правительство в Кодорское ущелье [Электронный ресурс] // Kommersant.ru. 2006. 3 авг. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/694743> (дата обращения: 09.05.2023).

¹⁸ Minorities and indigenous peoples in Georgia. Ossetians: Profile [Online] // Official website of the Minority Rights Group International. 2018. Sept. URL: <https://minorityrights.org/minorities/ossetians/> (Accessed May 16, 2023).

¹⁹ Chronology for Ossetians (South) in Georgia [Online] // Official website of the Center for International Development and Conflict Management, University of Maryland. 2010. 16 July. URL: <http://www.mar.umd.edu/chronology.asp?groupId=37203> (Accessed May 16, 2023).

чувство этнической общности. Современные южные осетины развили высокую групповую сплоченность прежде всего из-за конфликта с грузинским государством.

Движение формировалось вокруг потребности в самоопределении и его выражении в официальном статусе территории. Первым заявленным требованием было требование повышения статуса (до автономного республиканского, партнерского в рамках союзного договора). Военный конфликт обеспечил фактическую независимость Южной Осетии в 1992 году²⁰, и с этого времени основной целью движения стало сохранение независимости, важным требованием – ее официальное подтверждение.

Не имея возможности опереться на сильное чувство этнической или иной групповой идентичности изначально, по мере эскалации конфликта в 1990–2000-е годы Южная Осетия стала использовать свои успехи в самоопределении и самоуправлении, опыт де-факто государственности для обоснования требований независимости от Грузии. Один из лидеров движения Знаур Гассиев говорил о политической мобилизации в 1990-е: *«Тогда и появилась политическая элита Южной Осетии нового образца, которой с ходу пришлось решать непростые задачи. Помимо политических, которые оформлялись референдумом, декларациями, выборами ... были проблемы отражения агрессивных устремлений против народа Южной Осетии, подкрепленных всякого рода националистическими лозунгами типа “Грузия – для грузин”»*²¹.

Насильственный характер конфликта, приведший к жертвам, стал дополнительным аргументом южноосетинского движения за сепарацию от другой стороны противостояния (Griffiths and Martinez, 2021, p. 589).

Определившими актуальный статус обеих республик стали события 2008 года. В августе 2008-го в результате боевых действий российские и абхазские вооруженные силы вытеснили грузинские вооруженные силы с территории Кодорского ущелья, а российские и южноосетинские вооруженные силы – грузинские вооруженные силы с территории Южной Осетии. С того же 2008 года Россия и ряд других государств – членов ООН признает республики суверенными и независимыми государствами²², тогда как Грузия и Парламентская ассамблея Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (Organization for Security and Co-operation in Europe, ОБСЕ) рассматривают Абхазию как оккупированную Россией часть Грузии²³. Как заключает Ф. А. Попов,

²⁰ Акт провозглашения независимости Республики Южная Осетия [Электронный ресурс] // Алания.информ. 2007. 29 мая. URL: https://osinform.ru/1646-akt_provozglasheniya_nezavisimosti_respubliki_juzhnaja_osetija_5032.html (дата обращения: 20.05.2023).

²¹ Цховребова З. Знаур Гассиев: «Вопреки всему Южная Осетия выжила» (отрывок из интервью, 2005 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации Президента Респ. Южная Осетия. 2021. 17 марта. URL: <https://south-ossetia.info/znaur-gassiev-vopreki-vsemu-nasha-respublika-vyzhila/> (дата обращения: 21.05.2023).

²² О признании Республики Абхазия [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 26.08.2008 № 1260. URL: <https://base.garant.ru/2566891/> (дата обращения: 10.06.2023); О признании Республики Южная Осетия [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 26.08.2008 г. № 1261. URL: <https://base.garant.ru/2566892/> (дата обращения: 10.06.2023).

²³ Monaco Declaration and Resolutions adopted by the OSCE Parliamentary Assembly at the twenty-first annual session [Online] // Official website of the OSCE Parliamentary Assembly. 2012. 5–9 July. P. 41. URL: <https://www.oscepa.org/en/documents/annual-sessions/2012-monaco-declaration-1/1258-2012-monaco-declaration-eng/file> (Accessed May 12, 2023).

характеризующей чертой абхазского и южноосетинского движений за самоопределение в настоящее время «является высокая степень участия России в сопутствующих событиях» (Попов, 2012, с. 341, 345). Вместе с тем история самоопределения, насчитывающая три десятилетия, показывает, что абхазское и южноосетинское движения были мобилизованы прежде всего идеей сепаратизма, а не ирредентизма.

Как и в случае с грузинскими кейсами, основой движения за самоопределение **армян Нагорного Карабаха** является этническая идентичность. Нагорный Карабах находится на северо-востоке Армянского нагорья. Это один из регионов Закавказья, относящийся к горной системе Малого Кавказа. По документам эта территория считается частью Азербайджана, фактически же большая ее часть принадлежит непризнанной Нагорно-Карабахской Республике (НКР), или Арцаху. Случай Нагорного Карабаха рассматривается в контексте проблемы непризнанных государственных образований на постсоветском пространстве (Большаков, 2007). Де-факто НКР является независимым государством, имеющим все атрибуты государственности: конституцию и законы, органы управления, вооруженные силы, государственную символику, представительства в других странах мира.

С 1921 года регион как административно-территориальная единица вошел в состав Азербайджанской Советской Социалистической Республики. В 1923 году он получил статус автономной области (НКАО) в составе Азербайджанской ССР. Возникновение армянского движения относится к советскому периоду и связано с проектами по присоединению региона к Армении. Собственно конфликтный этап начался в 1985 году, когда заговорили об изменении статуса НКАО в рамках единого государства и передаче его Армянской ССР (Маркедонов, 2018, с. 130). В июне того же года Верховный Совет Армении дал согласие на вхождение НКАО в состав республики; Азербайджан в свою очередь объявил это решение незаконным, оценив как «фактическую оккупацию» (Ибрагимов, 2020).

12 июля 1988 года облсовет Нагорного Карабаха заявил о выходе из состава Азербайджана. В ответ 18 июля Президиум Верховного Совета СССР принял постановление, в котором говорилось о невозможности передачи НКАО Армении. С сентября 1988 года между армянами и азербайджанцами начались вооруженные столкновения, перешедшие в затяжной конфликт. 2 сентября 1991 года была провозглашена независимость от Азербайджана под именем Нагорно-Карабахской Республики, а уже 10 декабря, за несколько дней до официального распада Советского Союза, в Нагорном Карабахе состоялся референдум о признании независимости от Азербайджана. «За» проголосовали 99,89 % участников²⁴. 6 января 1992 года Нагорный Карабах провозгласил независимость от Азербайджана. SDM Dataset кодирует движение как активное с 1991 года, но признаёт, что движение было активным и ранее, до обретения Азербайджаном независимости. Один из участников движения отмечает: *«Нынешний этап нагорно-карабахской проблемы берет начало с последних*

²⁴ Химшиашвили П. Нагорный Карабах: история конфликта, какая страна считает его своим [Электронный ресурс] // РБК. 2023. 25 мая. URL: <https://www.rbc.ru/politics/25/05/2023/646dcf549a7947ed7fcf32e2> (дата обращения: 19.05.2023).

лет существования СССР и перерос в конфликт в результате применения Азербайджаном политики силы в ответ на реализацию народом Нагорного Карабаха права на самоопределение» (Кочарян, 2016, с. 4).

Азербайджан жерассматривает Нагорный Карабах как свою неотъемлемую часть. С 1992 по 1994 год Азербайджан пытался взять самопровозглашенную республику под свой контроль. В историю эти полномасштабные военные действия вошли как Первая карабахская война, в ходе которой погибли до 30 тыс. человек. С 1992 года в урегулировании конфликта начало участвовать Совецание по безопасности и сотрудничеству в Европе (с 1994-го – ОБСЕ). В 1994 году в Бишкеке стороны договорились о прекращении огня, а конфликт был заморожен (Бишкекский протокол, рассматриваемый в SDM Dataset как «уступка автономии»). Главным форматом переговорного процесса по мирному урегулированию Карабахского конфликта стала Минская группа ОБСЕ. Несмотря на предпринимаемые этой группой усилия, разрешить конфликт политико-дипломатическими методами не удавалось.

10 декабря 2006 года в непризнанной Нагорно-Карабахской Республике состоялось голосование по проекту конституции. Основной закон, принятый на референдуме, определяет НКР как «суверенное государство»²⁵. Азербайджан, в состав которого де-юре входит республика, в документе не упомянут ни разу.

Новый виток военного противостояния случился в 2020 году. Вторая карабахская война продолжалась 44 дня, и победу в ней одержал Азербайджан, вернувший под свой контроль значительные части территорий, прилегающих к Нагорному Карабаху, а также части самого Нагорного Карабаха, в том числе города Шуша (Шуши) и Гадрут.

Стоит обозначить, что вторая война в Нагорном Карабахе существенно отличалась от первой начала 1990-х годов: на этот раз военное противостояние завершилось поражением армянской стороны. На спорной территории между Азербайджаном и Арменией впервые появился российский миротворческий контингент. Роль России в урегулировании конфликта достигла качественно нового уровня, тогда как роли США, Франции и других европейских стран, а также Минской группы ОБСЕ заметно уменьшились (Аветикян, 2020, с. 181).

25 мая 2023 года в Москве премьер-министр Армении Никол Пашинян, выступая на расширенном заседании Высшего Евразийского экономического совета, заявил, что Армения и Азербайджан договорились о взаимном признании территориальной целостности друг друга. Со своей стороны президент Азербайджана Ильхам Алиев заметил, что есть возможность выхода на мирное соглашение между Баку и Ереваном с учетом того, что Армения признала Карабах частью Азербайджана²⁶. Но если глава Азербайджана Ильхам Алиев последовательно заявляет о том, что вопрос Нагорного Карабаха решен и суверени-

²⁵ Конституция Республики Арцах [Электронный ресурс] // Официальный сайт М-ва иностр. дел Респ. Арцах. URL: <http://www.nkr.am/ru/constitution-of-Artsakh> (дата обращения: 04.06.2023).

²⁶ Встреча за круглым столом: как Еревану и Баку удалось достичь принципиальных договоренностей [Электронный ресурс] // НТВ. 2023. 26 мая. URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2767342/> (дата обращения: 10.06.2023).

тет над ним восстановлен, то президент непризнанной НКР Араик Арутюнян «призвал власти Армении воздерживаться от любых действий и заявлений “о признании Арцаха частью Азербайджана”»²⁷.

Таким образом, три случая демонстрируют схожую динамику движений за самоопределение. Идея самоопределения зародилась в сообществах еще в позднесоветский период и в контексте масштабных трансформаций начала 1990-х годов проявилась в первых заявлениях и действиях. Основой движения армян Нагорного Карабаха и абхазского движения в Грузии выступила этническая идентичность. Этничность, трактуемая прежде всего через общность территории происхождения, сыграла мобилизующую роль и для движения южных осетин. Период 1990-х годов характеризовался переходом конфликтов в форму военных действий на территориях со спорным статусом. В каждом случае в 2000-е годы конфликт не был разрешен и воспроизводился, сохраняя интенсивность и насильственный характер. Это стимулировало развитие карабахского, абхазского и южноосетинского движения за самоопределение, для которых повторяющиеся эпизоды насилия стали одним из препятствий к объединению с азербайджанским и грузинским государствами соответственно и дополнительным основанием требовать сепарации или самоуправления.

В настоящее время абхазы, южные осетины и армяне Нагорного Карабаха показали примеры если не политического или дипломатического успеха, то состоявшегося де-факто самоопределения. Сегодня, когда многие амбиции этих движений реализованы, армянское, абхазское и южноосетинское сообщества сохраняют волю к самоопределению. Однако их дальнейшая активность и успехи будут зависеть от политической ситуации в Азербайджане, Армении и Грузии, а также на постсоветском пространстве в целом.

Талышистан и Аджария: угасание движений за самоопределение

Талышистан. Талыши являются древним народом Закавказья (Южного Кавказа), населяющим горную (Талышские горы) и предгорную области, расположенные на юго-западном побережье Каспийского моря (Ленкоранская низменность). Исторические территории их проживания в настоящее время входят в состав Азербайджана и северо-западные области Исламской Республики Иран.

Основа движения талышей – этническая идентичность. Вопрос о численности талышей в Азербайджане является предметом споров. Согласно официальным данным Азербайджанского государственного комитета по статистике, на 2009 год в республике насчитывалось 112 тыс. талышей (1,3 %). Компактно они проживают в южной части республики – Астаринском, Ленкоранском, Масаллинском и Лерикском районах. Талышские активисты оценивают численность талышей в Азербайджане в 1,5 млн человек²⁸.

²⁷ Николаев П. «Подписание мирного соглашения неизбежно». Баку и Ереван договорились о главном [Электронный ресурс] // Газета.ру. 2023. 25 мая. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/2023/05/25/16774190.shtml> (дата обращения: 10.06.2023).

²⁸ Агаджанян В. «Это будет талышский проект». На вопросы «Третьей Силы Плюс» отвечает один из лидеров талышского национального движения г-н Фахраддин Абосзода [Электрон-

Формирование талышского движения его участники датируют первой половиной XX века (опыт Муганской Советской Республики), однако современный этап активной деятельности связан с постсоветским периодом и созданием в 1993 году Талыш-Муганской Автономной Республики²⁹. Большое значение для развития движения сыграли два человека – президент Талыш-Муганской республики Алакрам Гумматзода (Гумматов) и лидер «Движения за возрождение Талыша» Фахраддин Абосзода.

Талыш-Муганская Автономная Республика – самопровозглашенная автономная республика в составе Азербайджанской Республики, образованная в июне 1993 года на территории семи районов на юге страны – Астаринского, Ленкоранского, Лерикского, Ярдымлинского, Масаллинского, Джалильбадского и Билясуварского, контролировавшихся 704-й бригадой Вооруженных сил Азербайджана, штаб которой дислоцировался в Ленкорани. Республика была «ликвидирована», а ее президент А. Гумматов арестован. В 2004 году, после помилования президентом Азербайджана И. Алиевым, он эмигрировал в Нидерланды. В следующем году было создано Талышское национальное движение (ТНД) со штаб-квартирой в Гааге. С 2005 года до своей смерти в 2022-м Алакрам Гумматов возглавлял движение в Нидерландах. В 2014 году ТНД стало членом Организации наций и народов, не имеющих представительства (Unrepresented Nations and Peoples Organization, UNPO)³⁰. В июле 2018 года группа молодых активистов вместе с А. Гумматовым сформировала правительство Талыш-Муганской Автономной Республики в эмиграции. Правительство направляет письма и заявления в международные организации, государства и мировые правозащитные организации, чтобы отразить позицию талышей в стране. Также оно призывает азербайджанское правительство решить языковой вопрос – чтобы талышский язык преподавался в школе на должном уровне. Все министры правительства Талыш-Муганской Автономной Республики живут в эмиграции, в частности в Нидерландах³¹. В 2019 году Совет Европы подверг критике Азербайджан за нарушение прав этнических меньшинств, в том числе лезгин и талышей.

Еще одним центром движения была созданная в 2009 году на территории России политическая организация «Движение за возрождение Талыша», ее лидером стал Фахраддин Абосзода, который отмечал: «Я никогда не скрывал, что еще несколько лет назад выступал исключительно за административно-территориальную автономию Талышистана в составе АР»³². Однако более

ный ресурс] // TolishPress.org. 2009. 23 дек. URL: <http://tolishpress.org/news/976.html> (дата обращения: 02.06.2023).

²⁹ Талыш-Муганская Автономная Республика иногда именуется Талышистаном. Термин, означающий «Страна талышей», рассматривается также как синоним движения за автономию.

³⁰ *Talysht*: member profile [Online] // Official website of UNPO – The Unrepresented Nations and Peoples Organization. 2015. 8 July. URL: <https://unpo.org/members/17338> (Accessed June 8, 2023).

³¹ Евстратов А. Талышское национальное движение: негасимый огонь свободы. К 60-летию Фахраддина Абосзоды [Электронный ресурс] // Кавказский геополитический клуб. 2016. 24 дек. URL: <https://kavkazgeoclub.ru/content/talyshtskoe-nacionalnoe-dvizhenie-negasimyy-ogon-svobody> (дата обращения: 08.06.2023).

³² Искандари Р. Талышское национальное движение: за что мы боремся? – Часть I [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Талыш. центра геополит. исслед. 2013. 27 авг. URL: <https://talyshtcenter.org/informacia/1993.html> (дата обращения: 02.06.2023); Искандари Р. Талышское национальное

поздние его высказывания уже содержат призывы к независимости: «Исходя из новой обстановки, мы сегодня уверены, что образование независимого талышского государства является делом времени»³³. Позднее Ф. Абосзода был осужден в Азербайджане и скончался в заключении.

На завершающем этапе ТНД окончательно взяло курс на независимость Талышистана. Большинство активных участников политического движения за самоопределение действуют за пределами Азербайджана. В социальных сетях сегодня можно обнаружить посты с требованиями образовательных реформ и справедливой политики памяти³⁴. В самом Азербайджане в медиаповестке громко прозвучали события 2016 года, когда среди талышей вспыхнули акции протеста на экономической почве: протестующие возмущались повышением цен, подорожанием бензина и продуктов питания. Выступления подавил азербайджанский спецназ³⁵. В целом же деятельность активистов этнических организаций талышей в самом Азербайджане сместилась в сторону социальных и культурных предпочтений и языковой проблематики. Так, действующий в республике Общественный совет талышей Азербайджана 19 мая 2023 года выступил с заявлением, в котором выразил несогласие с данными Госкомстата Азербайджана о численности талышского народа по итогам переписи 2019 года, согласно которым численность этнических талышей уменьшилась на 22 %.

Аджария: короткая история успеха и поражение движения. На юго-западе Грузии находится исторический регион Аджария. В Грузии аджарцев определяют как этнографическую группу грузинского народа, но это определение не принято самими аджарцами. Аджарцы говорят на аджарском диалекте грузинского языка. Г. М. Дерлугян полагает, что «есть Аджария, но нет аджарцев» (Derluguian, 1998, p. 277). По мнению Ф. А. Попова, специфика аджарцев задана исповедуемой религией: часть аджарцев является православными христианами, часть – мусульманами-суннитами (Попов, 2012, с. 338). Однако в течение XX века религиозная идентичность в значительной степени исчезла и не играла роли в аджарско-грузинском конфликте. В силу этого нет конвенционального понимания, является ли аджарское движение за самоопределение этническим и каковы его основания³⁶. У. О'Брохта полагает, что к настоящему времени большинство реальных различий между аджарцами и грузинами исчезли и основным сохраняющим значение фактором,

движение: за что мы боремся? – Часть II [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Талыш. центра геополит. исслед. 2014. 28 янв. URL: <https://talyshcenter.org/informacia/1997.html> (дата обращения: 02.06.2023).

³³ Агаджанян В. Указ. соч.

³⁴ Причины, по которым талыши Азербайджана недовольны своим положением в стране и требуют реформ в регионе [Электронный ресурс] // ТалышиOnline. 2022. 15 дек. URL: https://vk.com/wall-35328577_1019981 (дата обращения: 08.06.2023).

³⁵ Талыши и азербайджанцы: в чем разница [Электронный ресурс] // Аналит. информ.-познават. портал neuroplus.ru. 2022. 21 мая. URL: <https://neuroplus.ru/talyshi-i-azerbaydzantsy-v-chem-raznitsa.html> (дата обращения: 08.06.2023).

³⁶ Дополнительный список этнических региональных автономий (ЭРА) (“border-line list”) [Электронный ресурс] // Эксперт. сеть по исслед. идентичности. С. 4. URL: http://identityworld.ru/maps_aera/publications/spisok_ehtnicheskikh_regionalnykh_avtonomij.pdf (дата обращения: 10.06.2023).

который отличает Аджарию от остальной Грузии, является ее автономия (O'Brochta, 2017, p. 21–23).

Аджарское движение за самоопределение сформировалось незадолго до распада СССР и в 1990-е годы защищало автономный статус Аджарии и ее фактическую независимость от Грузии. Это движение не выдвигало сепаратистских требований, не делало политических заявлений и не прибегало к насилию, поэтому не встретило со стороны Грузии противодействия той силы, с которым столкнулись абхазское и южноосетинское движения.

В 1992–2004 годах Аджария существовала как свободная экономическая зона, оставляя доходы от налоговых и таможенных поступлений в республике (и безуспешно пыталась легализовать финансовую автономию, дважды лоббируя принятие закона о свободной экономической зоне в грузинском парламенте)³⁷. Такое положение было возможным в условиях относительной слабости грузинского государства, расфокусировке его усилий по поддержанию контроля над территорией и сообществами в связи с внутренней политической нестабильностью, активностью абхазского и южноосетинского движений.

Вместе с тем эскалация конфликтов до насилия, повлекшего жертвы, в Абхазии и Южной Осетии в 1990-е годы способствовала автономистским настроениям в Аджарии, где де-факто выход из контролируемого Грузией пространства рассматривался как шанс избежать распространения насилия на аджарскую территорию. В 1989 году аджарские активисты сформировали малочисленную организацию с целью защиты автономии Аджарии³⁸, но после 1991 года она не проявляла активности, и ключевую роль в обретении и поддержании автономии сыграл глава территории Аслан Абашидзе. Характер автономии Аджарии во многом определялся личными устремлениями Абашидзе, и сохранение автономии было возможно благодаря личным договоренностям Абашидзе и президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе³⁹.

В 2003 году, после смены политического руководства Грузии в ходе «революции роз», новый президент Михаил Саакашвили заявил: «Аджария – не собственность Аслана Абашидзе. <...> Грузия... не допустит сепаратизма»⁴⁰ – и на первом заседании нового парламента призвал депутатов выступить против «клана Абашидзе, который не представляет интересы аджарцев»⁴¹.

³⁷ *Tbilisi* to discuss free economic zone with Batumi [Online] // Civil Georgia. Daily news online. Civil.ge. 2004. 22 Jan. URL: <https://old.civil.ge/eng/article.php?id=6074?id=6074> (Accessed May 20, 2023).

³⁸ *Chronology* for Adzhars in Georgia [Online] // Official website of the Center for International Development and Conflict Management, University of Maryland. 2010. 16 July. URL: <http://www.mar.umd.edu/chronology.asp?groupId=37202> (Accessed May 20, 2023).

³⁹ *Успех* Саакашвили в Аджарии: возможно ли повторение где-либо еще? Брифинг от 18.08.2004 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Междунар. кризис. группы (Европа). С. 3–6. URL: <https://icg-prod.s3.amazonaws.com/saakashvili-s-ajara-success-repeatable-elsewhere-in-georgia.pdf> (дата обращения: 16.05.2023).

⁴⁰ *Новиков В., Сысоев Г.* Михаил Саакашвили договорился до тюрьмы для лидера Аджарии [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2003. 11 дек. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/435208> (дата обращения: 10.05.2023).

⁴¹ *Новиков В.* «Клан Абашидзе – банда преступников, убийц и наркобаронов». Президент Грузии выступил на первой сессии парламента [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2004. 23 апр. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/469633> (дата обращения: 10.05.2023).

С 2004 года, после смены политического руководства Аджарии по инициативе грузинского государства⁴², она сохранила формальный статус автономной республики, но утратила фактическую экономическую автономию⁴³. Аджарское движение за самоопределение, которое в 1990-е годы было слабым, но сохраняло себя за счет фактической автономии Аджарии, после ее утраты угасло.

Таким образом, четко прослеживается траектория, по которой двигались аджарцы и талыши в период существования движений за самоопределение: формирование движений на рубеже 1980–90-х годов, в период политической нестабильности, пересмотра административных правил и территориальных границ в государствах их проживания; дистанцирование от азербайджанского и грузинского государств в 1990-е годы, когда уровень влияния и контроля центральных правительств над «мятежными» территориями был низким; подавление движений Азербайджаном и Грузией как демонстрация их интенций по восстановлению управляемости и территориальной целостности.

Оба движения стимулировала активность Аликрама Гумматова и Аслана Абашидзе, и ослабление движений было вызвано политическим поражением их лидеров. Талышское движение показало спад динамики и постепенное угасание после 1993 года, аджарское – после 2004 года. Талышское движение определяло себя через этничность, поэтому после ликвидации своей автономии талыши сохраняют групповую идентичность, и их риторика отражает автономистские амбиции. Движение не имело возможности эти амбиции реализовать, встретив сопротивление со стороны азербайджанского государства, но формально сохранило себя, действуя за пределами Азербайджана. В случае Аджарии движение не обладало выраженной этнической, религиозной, языковой или иной спецификой и потому не имело реального основания для самоопределения. Фактически аджарцы определяли себя через автономию, за сохранение которой боролись в 1990-е годы, и были мотивированы выгодами этой автономии, но с утратой автономии в 2004 году потеряли и свою особость. Аджарское движение не просто угасло, но отказалось от самоопределения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В 1991 году, после распада СССР, на его территории возникли пятнадцать стран, в числе которых были Азербайджан и Грузия. Они столкнулись с рядом серьезных вызовов, включая необходимость управлять своим политико-территориальным разнообразием. Для государств, проходивших одновременно через глубокие режимные, общественные и экономические транс-

⁴² Сысоев Г. Аслан Абашидзе выжил из роли мудрого и любимого руководителя [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2004. 7 мая. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/472610> (дата обращения: 10.05.2023).

⁴³ О статусе Аджарской Автономной Республики [Электронный ресурс]: Закон Грузии от 01.07.2004 № 305. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/30442?publication=2> (дата обращения: 10.06.2023); Об утверждении Конституции Аджарской Автономной Республики [Электронный ресурс]: Орган. закон Грузии от 15.07.2008 № 232. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/18940?publication=2> (дата обращения: 10.06.2023).

формации, удержание территориальной и политической целостности стало сложной задачей.

В 1990-е годы в условиях слабости азербайджанского и грузинского государств смогли проявить активность этнические меньшинства, чьи амбиции ранее сдерживала политика Москвы. В Азербайджане поднялись этнические движения армян и талышей, в Грузии – абхазов, аджарцев и южных осетин. Недовольство азербайджанских армян, талышей и грузинских осетин было связано с потребностью в самоопределении, основанием для которого они видели свою социокультурную специфику. Это недовольство копилось в советский период и нашло выход после 1991 года. Исторические обиды абхазов и аджарцев имели экономическую подоплеку, и для них самоопределение означало прежде всего контроль над «своей» территорией и право распоряжаться доходами от нее. Однако возможность для самоопределения открылась только после 1991 года, когда Москва отказалась от контроля над Абхазией и Аджарией, а Тбилиси не смог его поддерживать. Таким образом, периодом высокой активности движений за самоопределение стала первая половина 1990-х, и в 1991–1992 годах движения резко изменили свой характер: сформулировали амбициозные требования, заявили о них открыто в диалоге с «материнскими» государствами, выдвинули лидеров и организовали себя. Абхазы, южные осетины и азербайджанские армяне продемонстрировали готовность бороться за самоопределение насильственным путем.

Движение армян Нагорного Карабаха, абхазское и южноосетинское движения добились успехов в самоопределении. Нагорный Карабах и Южная Осетия де-факто независимы с 1992 года, Абхазия – с 1993-го. И хотя Азербайджан и Грузия не признают их суверенными государствами, и они не получили широкого международного признания, в настоящее время они де-факто являются государствами и обладают отдельными атрибутами государственности: имеют государственную символику, сформировали органы публичной власти, сохраняют частичный контроль над территорией, в пределах которой определяют себя.

Абхазское, южноосетинское и армянское движения имели собственную базу, без которой достигнутые успехи не были бы возможны: от весомых оснований для политической мобилизации до материальных ресурсов территорий и сообществ, которые они направляли на борьбу за самоопределение. Значимую роль в этих случаях сыграла и внешняя поддержка – дипломатическая, военная и материальная, которую армянской диаспоре в Азербайджане до недавнего времени оказывала Армения как «родственное государство», а грузинским абхазам и осетинам с 2000-х годов – Россия, имеющая собственные геополитические интересы на постсоветском пространстве. Однако сегодняшнее признание Арменией территориальной целостности Азербайджана означает, по сути, отказ поддерживать де-факто государственность Нагорного Карабаха. Это формирует новый виток конфликтности, несмотря на продолжающийся переговорный процесс по поиску мирного решения, и оставляет открытым вопрос о будущем статусе территории.

Отказ России поддерживать самоопределение Абхазии и Южной Осетии также ограничил бы их возможности, поскольку с 2000-х годов изменился

контекст их протеста против позиции Грузии. Курс Грузии на территориальную целостность государства с этого времени не просто декларируется в конституции и заявлениях ее лидеров, но опирается на широкую международную дипломатическую поддержку. На сегодняшний день Грузия выступает против независимости Абхазии и Южной Осетии как более сильная сторона конфликта, располагающая собственной военной и материальной базой.

Случай Аджарии представляет собой историю успешного самоопределения, которое, однако, осталось ограниченным и по характеру, и во времени. Аджария была де-факто независима от Грузии в 1992–2004 годах, и ее автономия проявилась прежде всего в экономической самостоятельности, тогда как характер ее политических отношений с Грузией оставался неопределенным. Ситуация «замерла» на десятилетие, поскольку устраивала и грузинское руководство, опасавшееся политической мобилизации аджарцев, и аджарское – заинтересованное в экономических успехах и материальной выгоде. В 2000-е годы грузинское государство изменило условия для Аджарии, поскольку в этот период смогло говорить с ней с позиции силы. Не имея внешней поддержки (аджарцы определяют себя через место проживания, а не через стандартные маркеры этничности, поэтому у них нет «родственного государства») и потеряв лидера (в 2004 году Аслан Абашидзе покинул Аджарию), аджарцы приняли условия Грузии.

Таким образом, движение армян Нагорного Карабаха, абхазское и южно-осетинское движения в Грузии к настоящему времени добились самоопределения и де-факто самоуправления для своих сообществ. Их относительная устойчивость и приверженность целям обусловлены достигнутыми успехами, накопленным опытом сепарации, де-факто государственной состоятельностью и, в случае абхазского и осетинского движений, внешней поддержкой со стороны России. Однако ситуация на постсоветском пространстве остается не вполне стабильной и определенной, и новая политическая инициатива или военный конфликт могут быстро изменить ее.

Итак, траектория движений за самоопределение – это не заданное движение в одном направлении (к государственной самостоятельности) и с прогнозируемым результатом. Опыт Азербайджана и Грузии позволяет говорить скорее о постоянно воспроизводящихся конфликтах на почве движений за самоопределение и продолжающейся борьбе за контроль над территориями (с меняющейся ресурсной базой), в ходе которой «материнское» государство идет на уступки «мятежному» движению и наоборот. Возможно, результаты дальнейших исследований позволят распространить эти выводы на все постсоветское пространство. Сегодня на нем пока нет примеров, когда такого рода конфликт был бы разрешен «окончательно» в пользу движения за самоопределение.

Список источников

Аветикян Г. Война 2020 года в Нагорном Карабахе: региональное измерение // Пути к миру и безопасности. 2020. № 2. С. 181–191. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2020-2-181-191>.

Большаков А. Г. Непризнанные государственные образования постсоветского пространства: казус Нагорного Карабаха // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2007. Т. 149, № 3. С. 129–145.

Витковская Т. Б., Назукина М. В. Траектории развития регионализма в России: опыт Свердловской области и Республики Татарстан // Мир России. Социология. Этнология. 2021. Т. 30, № 1. С. 67–87. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-1-67-87>.

Ибрагимов А. Г. Нагорно-Карабахская проблема в контексте региональных интересов [Электронный ресурс] // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3, № 3. С. 200–205. <https://doi.org/10.24411/2618-7426-2020-00022>. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nagorno-karabakhskaya-problema-v-kontekste-regionalnyh-interesov> (дата обращения: 26.06.2023).

Кочарян Ш. Почему до сих пор не урегулирован нагорно-карабахский конфликт? Ереван: ООО «МИА», 2016. 36 с.

Маркедонов С. М. Тридцать лет нагорно-карабахского конфликта: основные этапы и перспективы урегулирования [Электронный ресурс] // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1, № 2. С. 129–138. <https://doi.org/10.24411/2618-7426-2018-00024>. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tridtsat-let-nagorno-karabakhskogo-konflikta-osnovnye-etapy-i-perspektivy-uregulirovaniya> (дата обращения: 24.06.2023).

Попов Ф. А. География сецессионизма в современном мире. М.: Новый Хронограф, 2012. 672 с.

Прохоренко И. Л. Европейская интеграция и проблема сепаратизма в государствах – членах Европейского союза. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 93 с.

Туров Н. Л. Феномен сепаратизма в современном мире: анализ. обзор. М.: ИНИОН РАН, 2021. 62 с.

Beramendi P. The political geography of inequality: Regions and redistribution. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 295 p. <https://doi.org/10.1017/S09781139042796>.

Buchanan J. M., Faith R. L. Secession and the limits of taxation: Toward a theory of internal exit // The American Economic Review. 1987. Vol. 77, № 5. P. 1023–1031.

Cederman L.-E., Hug S., Schadel A. et al. Territorial autonomy in the shadow of conflict: Too little, too late? // American Political Science Review. 2015. Vol. 109, № 2. P. 354–370. <https://doi.org/10.1017/S0003055415000118>.

Coppieters B. The roots of the conflict // A question of sovereignty: The Georgia-Abkhazia peace process / Ed. by J. Cohen. London: Conciliation Resources, 1999. P. 14–19.

Cunningham K. G. Inside the politics of self-determination. New York: Oxford University Press, 2014. 304 p.

Derluigan G. M. The tale of two resorts: Abkhazia and Ajaria before and since the Soviet collapse // The myth of “ethnic conflict”: Politics, economics, and “cultural” violence / Ed. by B. Crawford and R. D. Lipschutz. Berkeley: Institute of International Studies, 1998. P. 261–292.

Eck K. From armed conflict to war: Ethnic mobilization and conflict intensification // International Studies Quarterly. 2009. Vol. 53, № 2. P. 369–388. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2009.00538.x>.

Griffiths R. Age of secession. The international and domestic determinants of state birth. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 284 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781316676479>.

Griffiths R. Between dissolution and blood: How administrative lines and categories shape secessionist outcomes // International Organization. 2015. Vol. 69, № 3. P. 731–751. <https://doi.org/10.1017/S0020818315000077>.

Griffiths R., Martinez A. Local conditions and the demand for independence: A dataset of secessionist grievances // Nations and Nationalism. 2021. Vol. 27, № 2. P. 580–590. <https://doi.org/10.1111/nana.12667>.

Juon A. Minorities overlooked: Group-based power-sharing and the exclusion-amid-inclusion dilemma // International Political Science Review. 2020. Vol. 41, № 1. P. 89–107. <https://doi.org/10.1177/0192512119859206>.

Lynch D. Engaging Eurasia's separatist states: Unresolved conflicts and the de facto states. Washington, D.C.: United States Institute for Peace, 2004. 170 p.

O'Brochta W. Regional autonomy in rich regions: Evidence from Ajara, Georgia // Caucasus Survey. 2017. Vol. 6, № 1. P. 18–41. <https://doi.org/10.1080/23761199.2017.1344028>.

Roth H. Let's split! A complete guide to separatist movements and aspirant nations, from Abkhazia to Zanzibar. Sacramento: Litwin Books, 2015. 636 p.

Sambanis N., Germann M., Schädel A. SDM: A new data set on self-determination movements with an application to the reputational theory of conflict // Journal of Conflict Resolution. 2018. Vol. 62, № 3. P. 658–686. <https://doi.org/10.1177/0022002717735364>.

Swain A. Diasporas, armed conflicts and peacebuilding in their homelands. Uppsala: Uppsala University, 2007. 112 p.

Wood J. Secession: A comparative analytical framework // Canadian Journal of Political Science / Revue Canadienne De Science Politique. 1981. Vol. 14, № 1. P. 107–134. <https://doi.org/10.1017/S000842390003537X>.

Информация об авторах

Т. Б. Витковская – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований ФГБУН Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, 614990, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13а

SPIN-код (РИНЦ): 5414-6860

AuthorID (РИНЦ): 510365

Web of Science ResearcherID: L-8284-2018

М. В. Назукина – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований ФГБУН Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения Российской академии наук, 614990, Россия, г. Пермь, ул. Ленина, 13а

SPIN-код (РИНЦ): 6543-3557

AuthorID (РИНЦ): 251245

Web of Science Researcher ID: L-8246-2016

Scopus Author ID: 57220116378

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 19.06.2023; одобрена после рецензирования 25.07.2023; принята к публикации 25.07.2023.

References

Avetikyan, G. (2020), "The 2020 Nagorno-Karabakh war: The regional dimension", *Pathways to Peace and Security*, no. 2, pp. 181–191, <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2020-2-181-191>.

Bolshakov, A. G. (2007), "Unacknowledged political state formations of post-Soviet space: Case of Nagorno-Karabakh", *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, vol. 149, no. 3, pp. 129–145.

Vitkovskaya, T. B. and Nazukina, M. V. (2021), "The trajectory of the development of regionalism in Russia: Practices of Sverdlovsk Oblast and the Republic of Tatarstan", *Universe of Russia*, vol. 30, no. 1, pp. 67–87, <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2021-30-1-67-87>.

Ibrahimov, A. G. (2020), "The Nagorno-Karabakh problem in the context of regional interests", *Post-Soviet Studies*, vol. 3, no. 3, pp. 200–205, <https://doi.org/10.24411/2618-7426-2020-00022> [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nagorno-karabakhskaya-problema-v-kontekste-regionalnyh-interesov> (Accessed June 26, 2023).

Kotcharian, Sh. (2016), *Pochemu do sikh por ne uregulirovan nagorno-karabakhskii konflikt?* [Why is the Nagorno-Karabakh conflict still not settled?], LLC "MIA", Yerevan, Armenia.

Markedonov, S. M. (2018), "The thirty years of the Nagorno-Karabakh conflict: Basic stages and prospects of the resolution", *Post-Soviet Studies*, vol. 1, no. 2, pp. 129–138, <https://doi.org/10.24411/2618-7426-2018-00024> [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tridtsat-let-nagorno-karabakhskogo-konflikta-osnovnyye-etapy-i-perspektivy-uregulirovaniya> (Accessed June 24, 2023).

Popov, F. A. (2012), *Geografiya setsessionizma v sovremennom mire* [Geography of secessionism in the modern world], Novyi khronograf, Moscow, Russia.

Prokhorenko, I. L. (2018), *Evropeiskaya integratsiya i problema separatizma v gosudarstvakh – chlenakh Evropeiskogo soyuza* [European integration and the problem of separatism in the member States of the European Union], Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO), Moscow, Russia.

Turov, N. L. (2021), *Fenomen separatizma v sovremennom mire: analiticheskie obzor* [The phenomenon of separatism in the modern world: An analytical review], Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russia.

Beramendi, P. (2014), *The political geography of inequality: Regions and redistribution*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, <https://doi.org/10.1017/CBO9781139042796>.

Buchanan, J. M. and Faith, R. L. (1987), "Secession and the limits of taxation: Toward a theory of internal exit", *The American Economic Review*, vol. 77, no. 5, pp. 1023–1031.

Cederman, L.-E., Hug, S., Schadel, A. et al. (2015), "Territorial autonomy in the shadow of conflict: Too little, too late?", *American Political Science Review*, vol. 109, no. 2, pp. 354–370, <https://doi.org/10.1017/S0003055415000118>.

Coppieters, B. (1999), "The roots of the conflict", in Cohen, J. (ed.), *A question of sovereignty: The Georgia-Abkhazia peace process*, Conciliation Resources, London, UK, pp. 14–19.

Cunningham, K. G. (2014), *Inside the politics of self-determination*, Oxford University Press, New York, NY, US.

Derluguian, G. M. (1998), "The tale of two resorts: Abkhazia and Ajaria before and since the soviet collapse", in Crawford, B. and Lipschutz, R. D. (eds.), *The myth of "ethnic conflict": Politics, economics, and "cultural" violence*, Institute of International Studies, Berkeley, CA, US, pp. 261–292.

Eck, K. (2009), "From armed conflict to war: Ethnic mobilization and conflict intensification", *International Studies Quarterly*, vol. 53, no. 2, pp. 369–388, <https://doi.org/10.1111/j.1468-2478.2009.00538.x>.

Griffiths, R. (2016), *Age of secession. The international and domestic determinants of state birth*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, <https://doi.org/10.1017/CBO9781316676479>.

Griffiths, R. (2015), "Between dissolution and blood: How administrative lines and categories shape secessionist outcomes", *International Organization*, vol. 69, no. 3, pp. 731–751, <https://doi.org/10.1017/S0020818315000077>.

Griffiths, R. and Martinez, A. (2021), "Local conditions and the demand for independence: A dataset of secessionist grievances", *Nations and Nationalism*, vol. 27, no. 2, pp. 580–590, <https://doi.org/10.1111/nana.12667>.

Juon, A. (2020), "Minorities overlooked: Group-based power-sharing and the exclusion-amid-inclusion dilemma", *International Political Science Review*, vol. 41, no. 1, pp. 89–107, <https://doi.org/10.1177/0192512119859206>.

Lynch, D. (2004), *Engaging Eurasia's separatist states: Unresolved conflicts and the de facto states*, United States Institute for Peace, Washington, D.C., US.

O'Brochta, W. (2017), "Regional autonomy in rich regions: evidence from Ajara, Georgia", *Caucasus Survey*, vol. 6, no. 1, pp. 18–41, <https://doi.org/10.1080/23761199.2017.1344028>.

Roth, H. (2015), *Let's split! A complete guide to separatist movements and aspirant nations, from Abkhazia to Zanzibar*, Litwin Books, Sacramento, CA, US.

Sambanis, N., Germann, M. and Schädel, A. (2018), "SDM: A new data set on self-determination movements with an application to the reputational theory of conflict", *Journal of Conflict Resolution*, vol. 62, no. 3, pp. 658–686, <https://doi.org/10.1177/0022002717735364>.

Swain, A. (2007), *Diasporas, armed conflicts and peacebuilding in their homelands*, Uppsala University, Uppsala, Sweden.

Wood, J. (1981), "Secession: A comparative analytical framework", *Canadian Journal of Political Science / Revue Canadienne De Science Politique*, vol. 14, no. 1, pp. 107–134, <https://doi.org/10.1017/S000842390003537X>.

Information about the authors

T. B. Vitkovskaya – Candidate of Political Sciences, Senior Researcher of the Institute for Humanitarian Studies, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 13a Lenin Str., Perm, 614990, Russia

SPIN-code (RSCI): 5414-6860

AuthorID (RSCI): 510365

Web of Science ResearcherID: L-8284-2018

M. V. Nazukina – Candidate of Political Sciences, Senior Researcher of the Institute for Humanitarian Studies, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 13a Lenin Str., Perm, 614990, Russia

SPIN-code (RSCI): 6543-3557

AuthorID (RSCI): 251245

Web of Science ResearcherID: L-8246-2016

Scopus Author ID: 57220116378

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 19.06.2023; approved after reviewing 25.07.2023; accepted for publication 25.07.2023.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 3. С. 471–494.

Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 3, pp. 471–494.

Научная статья

УДК 332.1:[352:502](470)

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-471-494>

«ЭКСПЕРТНАЯ СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ» В ОБЩЕСТВЕННЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ СОВЕТАХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Кристина Павловна Турцева¹

¹Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия, burdina.k@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2109-7772>

Аннотация. Введение: консультативно-совещательные институты называют «пограничными» организациями, связывающими науку, политику и общество. Для публичной власти обеспечение поддержки ее позиций посредством взаимодействия с заинтересованными сторонами стало столь же важным, как и обеспечение более глубокого понимания проблем и выработки решений с использованием научных, профессиональных знаний. Соответственно, сбалансированное представительство экспертов, репрезентирующих, с одной стороны, специализированное знание, с другой – интересы вовлеченных сторон, может быть одним из оснований потенциальной эффективности работы подобных органов. Экологическая сфера включает в себя множество интересов, технических и научных знаний, поэтому для принятия оптимальных решений требуется широкий круг акторов. Однако в связи с серьезными диспропорциями в экологическом положении различных российских регионов в них может наблюдаться разная степень вовлеченности того или иного типа экспертов и, следовательно, «экспертной сбалансированности» представительства. **Цель:** выявление связи между составами региональных консультативно-совещательных органов в России, занимающихся природоохранной деятельностью, и характеристиками регионов в экологической сфере. **Методы:** типологизация, сравнительный анализ. **Результаты:** анализ составов 34 общественных советов показал отсутствие «экспертной сбалансированности» в большинстве из них. Ключевое теоретическое ожидание того, что в экологически депрессивных регионах будут наблюдаться более «экспертно сбалансированные» советы, не подтвердилось. Вместе с тем обнаружилось, что важную роль играет отраслевая специализация субъекта Российской Федерации: при наличии в регионе «грязной» промышленности отмечался больший уклон в сторону тех экспертов, которые презентуют интересы вовлеченных сторон, нежели тех, которые ориентированы на личные профессиональные знания. **Выводы:** отраслевая специализация региона может оказывать существенное влияние на состав региональных общественных советов при природоохранных органах исполнительной власти. Хаотичная представленность двух типов экспертов в исследуемых институтах подтверждает сохраняющееся отсутствие единого подхода к требованиям по подбору кандидатов, что может свидетельствовать как о потенциально разном уровне качества их деятельности, так и о низкой степени политической важности экологической сферы, а следовательно, невысокой заинтересованности политиков и гражданского общества в участии в подобных институтах.

Ключевые слова: общественные советы, регионы России, совещательно-консультативные институты, экологическая политика, вовлеченные стороны

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Для цитирования: Турцева К. П. «Экспертная сбалансированность» в общественных экологических советах регионов России // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 3. С. 471–494. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-471-494>.

Original article

“FAIR BALANCE” IN THE RUSSIAN REGIONAL PUBLIC ENVIRONMENTAL COUNCILS

Christina P. Turtseva¹

¹ Perm State University, Perm, Russia, burdina.k@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2109-7772>

Abstract. Introduction: advisory institutions are now called “frontier” organizations that link science, politics, and society. For public authorities, ensuring support for its positions through processes of participation and interaction with stakeholders has become as important as ensuring a deeper understanding of problems and developing solutions using scientific and professional knowledge. Accordingly, a balanced representation of experts presenting, on the one hand, specialized knowledge, and, on the other hand, the interests of stakeholders, can be vital for the potential effectiveness of such public bodies. The environmental field covers many interests, as well as technical and scientific knowledge, hence requiring a wide range of actors in making more environmentally beneficial decisions. However, due to serious disproportions in the ecological situation, various regions of the Russian Federation may show a different degree of a certain type of experts and, accordingly, the presence of “fair balance” representation. **Objectives:** to identify the relationship between the composition of regional advisory bodies in Russia involved in environmental activities and the regions characteristics in the environmental sphere. **Methods:** typology, comparative analysis. **Results:** a comparative analysis of the 34 regional public councils composition showed the lack of “fair balance” in most of them. The study’s key theoretical expectation that environmentally depressed regions would see more “fair-balanced” councils was not confirmed. At the same time, it was found that the industry specialization of a region can play an important role: in a region with a “dirty” industry there will be a greater bias towards experts representing the interests of stakeholders than those focused on personal professional knowledge. **Conclusions:** the sectoral specialization of the region can have a significant impact on the composition of regional public councils under environmental executive authorities. The chaotic representation of the two types of experts in the studied institutions confirms that there is a continuous lack of a unified approach to the requirements for candidates selection, which may indicate both a potentially different quality level of their activities and a low degree of political importance given to the environmental sphere and, consequently, a low interest from politicians and civil society to participate in such institutions.

Keywords: public councils, Russian regions, public advisory institutions, environmental policy, stakeholders

For citation: Turtseva, Ch. P. (2023), “Fair balance” in the Russian regional public environmental councils”, *Ars Administrandi*, vol. 15, no. 3, pp. 471–494, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-471-494>.

ВВЕДЕНИЕ

Государство больше не является единственным субъектом, действующим в экополитическом пространстве, и экологическая политика представлена разнообразными негосударственными акторами, которые стремятся оказать на нее влияние, что приводит к признанию необходимости разделения ответственности между ними за решение экологических проблем.

Новая парадигма государственного управления – общественно-государственное управление (Good governance) – предполагает открытость, прозрачность и подотчетность правительства, а также справедливость и равноправие в его отношениях с гражданами, включая механизмы консультаций и участия (Trommel, 2020; Kering, 2018; Понкин, 2013). Одной из форм участия общественности в процессе принятия экологических решений являются консультативно-совещательные институты, предполагающие сотрудничество широкого круга государственных и негосударственных акторов на всех уровнях публичного управления в рассмотрении вопросов по различным направлениям деятельности государства и разработке соответствующих рекомендаций. Появление экспертных советов при органах власти связано с растущим значением научных и технологических вопросов, решение которых необходимо для обеспечения благополучия людей и, следовательно, с увеличением потребности в надежных и авторитетных рекомендациях для комплексного решения проблем (Crowley and Head, 2017).

Как отмечают некоторые исследователи, существует нехватка современных работ об организации и функционировании консультативных органов (Van Damme et al., 2011); недостаточное внимание уделяется также национальным и субнациональным консультативным органам по изменению климата (Reinecke et al., 2013).

Анализ работы консультативно-совещательных институтов и органов государственной власти в России, их взаимодействия друг с другом представлен в ряде академических исследований (Гарифуллина, 2013; Беяева и др., 2016; Минченко, 2017; Сулимов, 2018; Матвеева и др., 2018; Дьякова, 2019; Сунгуров, 2017, 2018; Сунгуров и др., 2020). Однако деятельность этих структур изучается преимущественно в функциональном аспекте, труды носят правовой характер (Дьякова, 2019, с. 97). Отмечается «необходимость расширения гражданского дискурса по изучению института общественного контроля и перспективность научных разработок в данном направлении» (Грабельных и др., 2018, с. 160).

До сих пор практически вне поля зрения отечественных исследователей остается роль консультативно-совещательных институтов при органах власти, занимающихся природоохранной деятельностью. Между тем экологическая сфера предполагает наличие множества конкурирующих интересов, комплексных проблем, научных знаний, и без участия общественности в процессе принятия решений государство может что-либо упустить и рискует тем, что его решения в отношении качества окружающей среды будут признаны обществом как нелегитимное использование государственной власти (Momtaz and Gladstone, 2008; O’Faircheallaigh, 2010). Более того, «перед пра-

вительственными консультативными комитетами стоит задача улучшения эпистемологического качества решений, принимаемых государственными чиновниками, заинтересованными группами и отдельными гражданами» (Brown, 2008, с. 548). Этот факт приводит к необходимости анализа эффективности работы этих структур.

В России одними из совещательно-консультативных институтов являются общественные советы, создаваемые при органах государственной власти, в чьи функции входит участие в осуществлении общественного контроля за деятельностью властных структур, а также выработка рекомендаций по актуальным вопросам политики.

Несмотря на то, что существует довольно обширное количество работ, доказывающих символический, имитационный характер общественных советов при органах власти (Markus, 2007; Petrov et al., 2010), низкую эффективность их деятельности и несбалансированность интересов (Горный, 2011; Сунгуров и др., 2020; Дьякова, 2019), отсутствие самостоятельности (Мухаметов и др., 2018), мы предполагаем, что эффективность работы этих советов может варьироваться от региона к региону и зависеть от характеристик последних.

Одной из гарантий возможной эффективности работы консультативно-совещательных органов может являться «экспертная (честная) сбалансированность» (“fair balance”) их членов, под которой понимается наличие в данных органах двух типов привлекаемых к участию экспертов: экспертов-«мирян» (“laureople”) и экспертов-профессионалов (Brown, 2008, р. 548). К первой категории относятся непрофессионалы, отражающие конкретные интересы той или иной социальной группы и при этом обладающие опытом решения проблем в своей сфере деятельности. Они включают представителей как заинтересованных групп, так и более широких слоев общества. Вторая категория – это носители специализированного знания о той или иной сфере деятельности органов власти (Brown, 2008, р. 549, 555; Дьякова, 2019, с. 98). Состав совета является важным элементом консультативного потенциала, обуславливающим распространение и тип знаний, репутацию и представительство (Crowley and Head, 2017, р. 190). Согласно эмпирическим исследованиям, «экспертная сбалансированность» повышает эффективность деятельности совещательных институтов (Karty, 2005, р. 419).

Анализ субъектов общественного контроля в России (вариант консультативно-совещательных институтов в российском контексте) показал их уклон в сторону большей представленности академического сообщества в органах власти, занимающихся природоохранной деятельностью (Дьякова и Трахтенберг, 2019, с. 32). Авторы связывают это с высокими требованиями к компетенции членов советов, а также малым количеством общественных экологических организаций. Однако данные выводы были сделаны исключительно на примере одного субъекта Российской Федерации. Поэтому целесообразно проанализировать, какая ситуация наблюдается в других регионах и от каких их характеристик может зависеть «экспертная сбалансированность» исследуемых органов и представленность в них наиболее широкого круга групп. Прояснение данных вопросов позволит оценить потенциальную эффективность консультативно-совещательных институтов с точки зрения состава их участ-

ников и выявить, имеет ли значение ситуация в регионе при анализе качества их деятельности.

Таким образом, цель данного исследования – выявить связь между составами региональных консультативно-совещательных органов в России при органах власти, занимающихся природоохранной деятельностью, и характеристиками субъектов Российской Федерации в экологической сфере.

Анализ будет направлен на консультативно-совещательные институты, являющиеся субъектами общественного экологического контроля, так как существует мнение, что данные механизмы – это «единственный регулярный канал взаимодействия органов государственной власти и гражданского общества по вопросам актуальной экологической повестки» (Иншаков и др., 2021, с. 9).

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Институциональный аспект государственного управления может иметь важное значение в разрешении экологических конфликтов через нахождение правильного баланса между несопадающими интересами путем «установления, подтверждения или переопределения прав на экологические ресурсы» (Shkaruba and Kireyeu, 2018, p. 62). Институты ограничивают и упорядочивают поведение (Caronna, 2004); нормативные рамки структурируют выбор акторов; ценности и убеждения как центральные элементы институтов определяют поведение участников процесса принятия решений (Scott, 2013). В связи с данными утверждениями можно ожидать, что сформированные на сегодня консультативно-совещательные институты в России способны стать теми площадками для взаимодействия, в рамках которых осуществляется реальное сотрудничество между государственными и негосударственными акторами.

Консультативно-совещательные органы можно определить как учреждения, которые создаются органами публичной власти для предоставления консультаций по научным и техническим вопросам и в состав которых входят в основном эксперты, привлеченные из неправительственных организаций, исследовательских центров и бизнеса.

Десятилетия назад консультативные органы создавались и воспринимались как основной источник рекомендаций по формированию и реализации различных политик для правительств. Со временем наметилась тенденция отхода от прежней парадигмы независимых научных рекомендаций к новой, основанной на общении и взаимодействии с ключевыми заинтересованными сторонами внутри и вне правительства (Crowley and Head, 2017, p. 187). Акцент сместился от производства и распространения научных знаний к политическим дебатам по поводу отраслевых политик.

В связи с изменением роли советов их функции расширились. С одной стороны, они должны способствовать разработке политико-управленческих решений, основанных на фактических и достоверных данных, и предоставлять наилучшие доступные знания. С другой стороны, им необходимо участвовать в обеспечении прозрачности, интерактивности и коммуникативности процесса разработки политики (Van Damme et al., 2011). Многие аналитики

утверждают, что правительства стремятся использовать консультативные советы для повышения легитимности политики (Cash et al., 2003, p. 15).

Как отмечает Е. Г. Дьякова, ключевым в рамках формирования и деятельности общественных советов является вопрос о том, каких экспертов им следует привлекать (Дьякова, 2019, с. 98). В литературе рассматривается проблема обеспечения «экспертной сбалансированности» консультативных органов и роль, которую выполняют данные институты (Brown, 2008; Mowbray, 2010; Rowe et al., 2013).

Повторимся, что ученые выделяют два типа экспертов: эксперты-«миряне» (“laypeople”) и эксперты-профессионалы. Оба типа, благодаря своим особым знаниям и опыту, часто имеют жизненно важное значение для достижения всестороннего и авторитетного понимания конкретных проблем и возможных решений, которые должны быть рассмотрены органом публичной власти. Знания большинства экспертов-профессионалов настолько специализированы, что в отношении вопросов, выходящих за рамки их непосредственной области знаний, они оказываются дилетантами. Хотя, стоит признать, что и многие представители заинтересованных групп («миряне») сами являются компетентными экспертами, даже если их знания основаны на опыте, а не на профессиональной подготовке (Brown, 2008, p. 555). Иными словами, нельзя ограничиваться непрофессиональными знаниями и умениями для защиты и продвижения общественных интересов, но и экспертных технических знаний уже недостаточно для обеспечения надлежащих политических действий. Они должны быть легитимированы не только правительством, но и все более широкой общественностью (Crowley and Head, 2017, p. 196). С точки зрения экологической политики включение носителей экологических интересов в структуры управления, основанные на участии, приводит к принятию более экологически выгодных решений (Brody, 2003; Dryzek, 2013; Yi et al., 2018). В данной сфере важны не просто эксперты с глубокими научными знаниями, но и стейкхолдеры со своими интересами, понимающие, как реализовать принятые экологические решения на практике.

Несмотря на то, что существует тонкая грань между экспертами, носителями профессионального знания, которые в большей степени выражают абстрактные интересы, и экспертами, которые, тоже будучи специалистами в своей сфере, при этом представляют интересы определенной социальной группы, кажется, что в экологической политике различие двух этих типов может быть более четким. В данной сфере к экспертам-профессионалам могут быть отнесены: члены академического сообщества при условии отсутствия их участия в каких-либо общественных организациях; специалисты, работающие в государственных бюджетных и казенных учреждениях; представители органов власти по профилю консультативно-совещательного органа; независимые эксперты; бизнес, непосредственно связанный со сферой охраны окружающей среды (например, экологическое консультирование, предоставление услуг по утилизации отходов), так как его руководители и специалисты не могут не обладать соответствующими профильными знаниями, а конечная цель самого бизнеса – извлечение прибыли через улучшение условий окружающей среды. Ко второй категории – экспертов-«миряне» – принадлежат

члены некоммерческих, общественных организаций и движений, отдельные граждане, не обладающие необходимыми компетенциями, и бизнес, осуществляющий свою деятельность не по профилю общественного совета, то есть те, кто представляет интересы отдельной вовлеченной стороны или свои личные интересы.

В российской традиции консультативно-совещательными органами с определенного времени являются субъекты общественного контроля. В Федеральном законе «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»¹ определена возможность добровольного участия граждан в осуществлении общественного контроля самостоятельно или в составе негосударственных объединений (ст. 3).

Рассматриваемые нами общественные советы – один из консультативно-совещательных субъектов общественного контроля. В их состав могут входить общественные объединения и иные негосударственные некоммерческие организации, целями и направлениями деятельности которых являются представление или защита (содействие защите) общественных интересов и (или) выполнение экспертной работы в сфере общественных отношений (ст. 13). Е. Г. Дьякова указывает на то, что это определение предполагает различие экспертов-профессионалов и экспертов-«мирян» в данных институтах (Дьякова, 2019, с. 101). Подобное закрепление в федеральном законе позволяет нам проанализировать представленность данных типов экспертов в общественных советах, хотя, скорее всего, при формулировке категорий возможных кандидатов такое различие изначально не предполагалось.

Оформившееся на основе анализа литературы и полученных в ранних исследованиях результатов теоретическое ожидание заключается в следующем: на «экспертную сбалансированность» в общественных советах при органах исполнительной власти, занимающихся природоохранной деятельностью, может оказывать влияние экологическая ситуация в регионе и его отраслевая специализация. Так, при неблагоприятной экологической ситуации и отсутствии в регионе «грязных» производств (или их минимальном количестве) в анализируемых общественных советах будет наблюдаться бóльшая сбалансированность экспертов различных типов. При этом значительное количество «грязной» промышленности в субъекте Российской Федерации «обеспечит» доминирование экспертов-«мирян». Следовательно, самые сбалансированные общественные советы будут в регионах, которые характеризуются неблагоприятной экологической обстановкой и низкой долей «грязных» производств. Напротив, наибольшие различия по типам экспертов в советах будут наблюдаться в регионах с благоприятной экологической ситуацией и высокой долей «грязной» промышленности.

Это можно обосновать тем, что в экологически депрессивных регионах органы власти вынуждены более активно реагировать на острые экологические проблемы, а потому в целях их своевременного и адекватного решения и улучшения ситуации стремятся привлечь к диалогу разные стороны.

¹ Об основах общественного контроля в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ. URL: <https://base.garant.ru/70700452/> (дата обращения: 20.06.2023).

Иными словами, во взаимодействии с общественными группами у органов власти есть собственный интерес, мотивация выбирать правильных кандидатов, способных помочь повысить качество принимаемых решений. Далее заинтересованность органов власти может быть сохранена и заключаться в поддержании высокого качества окружающей среды.

При этом в регионах с большим количеством крупных предприятий, значительно загрязняющих окружающую среду (таковы в первую очередь предприятия химической, нефтеперерабатывающей промышленности и тяжелого машиностроения), с одной стороны, бизнес будет стремиться активно защищать их интересы и следить за направлением движения того или иного нормативно-правового акта, а с другой – активизируется гражданское общество, призванное защищать качество жизни населения и препятствовать интенсивному загрязнению среды.

Таким образом, можно ожидать, что в результате анализа будут обнаружены четыре группы субъектов Российской Федерации, в зависимости от экологической обстановки и отраслевой специализации.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Выбор субъектов Российской Федерации для анализа основан на динамике данных экологического рейтинга «Зеленый патруль»², отражающего текущее состояние экологии в регионе. Для исследования состава общественных советов при исполнительных органах власти, занимающихся природоохранной деятельностью, были взяты регионы, которые наиболее часто за последние десять лет занимали 25 первых и 25 последних строчек в рассматриваемом экологическом рейтинге (см. табл. 1). «Зеленый патруль» включает в себя три индекса – природоохранный, промышленно-экологический, социально-экологический, по семь индикаторов в каждом, и входит в список качественно подготовленных рейтингов, рекомендованных регионам для учета при стратегическом планировании³.

Всего был проанализирован состав 34 общественных советов при региональных органах исполнительной власти, занимающихся природоохранной деятельностью (министерствах). Экологические совещательно-консультативные институты при губернаторе субъекта Российской Федерации, а также территориальных органах по надзору в сфере природопользования и иных органах не рассматривались ввиду того, что они представлены не во всех исследуемых регионах, а в достаточно ограниченном их количестве, что не позволяет в полной мере провести сравнительный анализ их состава. Кроме того, подобные структуры (например, советы при губернаторе, правительстве субъектов Российской Федерации) в каждом конкретном регионе могут иметь свои обо-

² Национальный экологический рейтинг регионов. Идеология, концептуальная модель и методология расчета рейтинга [Электронный ресурс] // Сайт общерос. обществ. орг. «Зеленый патруль». URL: http://greenpatrolbackend.ru/projects/ner_prezentaciya_3mb_3_0.pdf (дата обращения: 20.06.2023).

³ Рейтинги [Электронный ресурс] // Ресурс. центр по стратег. планированию. URL: https://stratplan.ru/publication/index.php/?publicationtree_id=56 (дата обращения: 17.06.2023).

собленные цели, полномочия, названия (координационный экологический совет, совет по экобезопасности и т. д.) и способы формирования, что также усложняет их анализ, в отличие от общественных экологических советов при министерствах, которые по большей части имеют схожий порядок формирования и полномочия.

Общественные советы некоторых регионов были исключены из анализа ввиду отсутствия данных об их составе (либо о сфере деятельности их членов) на официальных сайтах. Вся информация приводится по состоянию на 1 июня 2023 года.

Тип экономики субъекта Российской Федерации определялся на основе исследования (Тихонова и Макеенко, 2018).

Таблица 1 / Table 1

**Субъекты Российской Федерации, выбранные для анализа /
Regions of the Russian Federation selected for analysis**

№ п/п	Субъект Российской Федерации	Среднее значение в рейтинге «Зеленый патруль» (2013–2023 гг.)
<i>Экологически благополучные регионы</i>		
1	Тамбовская область	1,0
2	Республика Алтай	3,1
3	Белгородская область	4,8
4	Алтайский край	4,8
5	Чукотский автономный округ	9,8
6	Чувашская Республика	10,2
7	Мурманская область	12,4
8	Магаданская область	13,2
9	Республика Коми	16,7
10	Кабардино-Балкарская Республика	17,3
11	Калужская область	18,1
12	Санкт-Петербург	20,1
13	Карачаево-Черкесская Республика	21,0
14	Костромская область	21,1
15	Ярославская область	23,4
16	Пензенская область	25,0
<i>Экологически депрессивные регионы</i>		
17	Калининградская область	59,0
18	Брянская область	60,6
19	Республика Тыва	61,1
20	Республика Бурятия	62,0
21	Саратовская область	63,2
22	Амурская область	64,2
23	Хабаровский край	64,4
24	Нижегородская область	64,6

№ п/п	Субъект Российской Федерации	Среднее значение в рейтинге «Зеленый патруль» (2013–2023 гг.)
25	Курганская область	67,2
26	Республика Калмыкия	68,5
27	Иркутская область	70,6
28	Ленинградская область	71,0
29	Забайкальский край	72,6
30	Республика Саха (Якутия)	72,8
31	Ханты-Мансийский автономный округ	73,1
32	Оренбургская область	75,5
33	Тульская область	77,1
34	Челябинская область	82,9

Источник: составлено автором на основе Национального экологического рейтинга регионов⁴.

Распределение в категории экспертов-«мирян» и экспертов-профессионалов происходило следующим образом. Члены некоммерческих, общественных организаций и движений, а также бизнес, осуществляющий свою деятельность не по профилю общественного экологического совета, были отнесены к первой категории. Во вторую категорию вошли члены академического сообщества, независимые эксперты, специалисты, работающие в государственных бюджетных и казенных учреждениях по профилю общественного совета, представители органов власти, а также бизнес, связанный со сферой охраны окружающей среды.

Дополнительно эксперты были разбиты еще на две категории – на основании их статуса (руководитель / специалист), так как существует точка зрения, что статус члена общественно-консультативной структуры может повлиять на его поведение. Например, мнения более статусных экспертов, осуществляющих руководство организациями, могут иметь больший вес при принятии итоговых решений, что позволяет им успешнее лоббировать свои интересы. При этом в открытый конфликт с органами власти они вступать не будут. Напротив, рядовые специалисты, особенно независимые от организации эксперты, могут представлять более широкие интересы, высказывая отличные от других точки зрения, тем самым дополняя варианты решения проблемы (Сунгуров и др., 2020, с. 17).

В итоге были выделены следующие категории членов общественных советов: независимые эксперты (не представляющие конкретной организации), общественные организации, общественные движения, некоммерческие организации, профсоюзы, представители властных структур, политические партии, бизнес (малый, средний, крупный), бизнес-ассоциации, представители СМИ, специалисты государственных бюджетных или казенных учреждений,

⁴ Национальный экологический рейтинг [Электронный ресурс] // Сайт общерос. обществ. орг. «Зеленый патруль». URL: <https://зеленыйпатруль.рф/stranica-dlya-obshchego-reytinga> (дата обращения: 20.06.2023).

научное сообщество (преподаватели, научные сотрудники образовательных организаций и исследовательских центров). В целом эти категории можно разбить на пять ключевых: органы власти, гражданское общество, бизнес, СМИ, академическое сообщество.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты анализа демонстрируют, что и в экологически благополучных, и в экологически депрессивных регионах распределение между экспертами-«мирянами» и экспертами-профессионалами носит хаотичный характер (см. табл. 2). И напротив, важное значение приобретает отраслевая специализация региона и степень его экономического развития. В субъектах Российской Федерации с преобладанием «грязных» производств, обрабатывающей промышленности, в промышленно-аграрных регионах вне зависимости от текущего состояния экологии наблюдается либо больший уклон в сторону экспертов-«мирян», либо примерно одинаковое распределение по типам экспертов, с некоторыми исключениями, требующими дополнительного анализа. При этом в большинстве общественных советов (26 из 34) интересы всех групп представляют статусные эксперты – генеральные директора предприятий, председатели общественных организаций и движений, заведующие кафедрами, деканы факультетов и проректоры вузов. Из анализа были исключены Калининградская область и Чукотский автономный округ, в которых ввиду отсутствия информации о должностях членов общественных советов не удалось выявить долю статусных экспертов.

При анализе представленности различных групп в советах было обнаружено, что в большинстве исследуемых субъектов Российской Федерации (30 регионов) активнее представлены академическое сообщество и общественные организации. На втором месте – малое и среднее предпринимательство (20 регионов), некоммерческие организации (18), крупный бизнес (14), государственные бюджетные учреждения (12). Наименее представлены общественные движения (11 регионов), крупные бизнес-ассоциации, такие как Торгово-промышленная палата, «Опора России», «Деловая Россия» (6 регионов), профсоюзы (4), СМИ (3) и политические партии (2).

Самыми «сбалансированными» по количеству экспертов двух типов оказались Республики Бурятия, Калмыкия, Коми, Кабардино-Балкарская Республика, Хабаровский край, Нижегородская, Саратовская, Челябинская и Ярославская области. В четырех регионах полностью отсутствуют эксперты-профессионалы (Чувашская Республика, Амурская, Калининградская и Костромская области), в одном регионе – эксперты-«миряне» (Брянская область).

Крупнейшие бизнес-ассоциации, представляющие интересы как крупных предприятий, так и малого и среднего предпринимательства, участвуют в работе советов Чувашской Республики и Республики Саха (Якутия), Иркутской, Калужской и Оренбургской областей, г. Санкт-Петербурга. Во всех указанных субъектах Российской Федерации присутствуют предприятия «грязных» производств: химической, топливной промышленности, машино-

Таблица 2 / Table 2

Распределение по типам экспертов в региональных общественных советах /
Distribution by expert types in regional public councils

№ п/п	Субъект Российской Федерации	Тип экономики	Соотношение по типам экспертов: «миряне»/ профессионалы, %	Доля статусных членов совета по типам экспертов, %	Число категорий членов совета
Экспертно сбалансированные					
1	Республика Коми	Сырьевой экспортно ориентированный	47,3 / 52,7	88,8 / 60	4
2	Кабардино-Балкарская Республика	Аграрный	43 / 57	66,6 / 87,5	4
3	Ярославская область	С опорой на обрабатывающую промышленность	46,1 / 53,9	83,3 / 71,4	4
4	Республика Бурятия	Аграрно-промышленный	45 / 55	44,4 / 90,9	3
5	Саратовская область	Аграрно-промышленный	54 / 46	85,7 / 66,6	3
6	Хабаровский край	Промышленно-аграрный	54,5 / 45,5	83,3 / 40	3
7	Нижегородская область	Диверсифицированная экономика	44 / 56	88,8 / 60	3
8	Республика Калмыкия	Аграрный	50 / 50	25 / 75	2
9	Челябинская область	С опорой на обрабатывающую промышленность	48 / 52	83,3 / 53,8	4
Несбалансированные					
10	Тамбовская область	Аграрно-промышленный	32 / 68	71,4 / 60	4
11	Республика Алтай	Аграрный	80 / 20	25 / 0	3
12	Белгородская область	С опорой на добывающую промышленность	40 / 60	25 / 100	3
13	Алтайский край	Аграрно-промышленный	31 / 69	80 / 91	4

№ п/п	Субъект Российской Федерации	Тип экономики	Соотношение по типам экспертов: «миряне»/ профессионалы, %	Доля статусных членов совета по типам экспертов, %	Число категорий членов совета
14	Чукотский автономный округ	Сырьевой	80 / 20	-	2
15	Чувашская Республика	Аграрно-промышленный	100 / 0	40 / 0	2
16	Мурманская область	С опорой на добывающую промышленность	33,3 / 66,7	33,3 / 33,3	4
17	Магаданская область	Сырьевой	62,5 / 37,5	60 / 33,3	3
18	Калужская область	Промышленно-аграрный	62,5 / 37,5	80 / 66,6	4
19	Санкт-Петербург	Финансово-экономический центр	86 / 14	100 / 0	3
20	Карачаево-Черкесская Республика	Аграрный	66,6 / 33,4	100 / 50	4
21	Костромская область	Промышленно-аграрный	100 / 0	62,5 / 0	1
22	Пензенская область	Аграрно-промышленный	37,5 / 62,5	33,3 / 40	4
23	Калининградская область	Промышленно-аграрный	100 / 0	-	2
24	Брянская область	Аграрно-промышленный	0 / 100	0 / 11	1
25	Республика Тыва	Аграрный	20 / 80	100 / 75	3
26	Амурская область	Сырьевой	100 / 0	57,1 / 0	1
27	Курганская область	Аграрно-промышленный	88 / 12	20 / 0	3
28	Иркутская область	С опорой на обрабатывающую промышленность	75 / 25	77,7 / 100	3
29	Ленинградская область	С опорой на обрабатывающую промышленность	78 / 22	85,7 / 50	3
30	Забайкальский край	Сырьевой	30,7 / 69,3	50 / 88,8	4

№ п/п	Субъект Российской Федерации	Тип экономики	Соотношение по типам экспертов: «миряне»/ профессионалы, %	Доля статусных членов совета по типам экспертов, %	Число категорий членов совета
31	Республика Саха (Якутия)	Сырьевой экспортно ориентированный	65 / 35	58,8 / 66,6	4
32	Ханты-Мансийский автономный округ	Сырьевой экспортно ориентированный	33,3 / 66,7	33,3 / 50	3
33	Оренбургская область	Аграрно-промышленный	70,5 / 29,5	50 / 40	3
34	Тульская область	Промышленно-аграрный	23 / 77	100 / 90	4

Источник: составлено автором.

строения и металлообработки. Возможно, в этих субъектах Российской Федерации бизнесу экономически выгодно представлять свои интересы на региональном уровне, и более того, он потенциально может повлиять на принятие политико-управленческих решений. Подтверждает высказанную точку зрения тот факт, что в этих же регионах спектр различных групп в советах наиболее широк: в них присутствуют научное сообщество, региональные отделения всероссийских общественных организаций и движений, некоммерческие организации. В общественных советах данных регионов, за исключением Калужской области, количество экспертов-«мирян» превышает количество экспертов-профессионалов не менее чем в полтора раза.

В целом в большинстве общественных экологических советов при региональных органах исполнительной власти количество различных категорий стейкхолдеров, представителей органов власти составляет в среднем три из пяти возможных, что говорит о потенциальной способности выражать широкие общественные интересы. Считается крайне важным использовать в консультативных группах всю гамму знаний, чтобы достичь глубины понимания и полноты опыта (Rowe et al., 2013, p. 178). Отметим, что советы 13 субъектов Российской Федерации можно считать местом выработки политики с учетом наибольшего количества возможных позиций.

В итоге по результатам анализа составлена матрица субъектов Российской Федерации и выявлены более сбалансированные региональные консультативно-совещательные органы, а значит, потенциально более эффективные (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

«Экспертно-сбалансированные» региональные общественные советы при органах исполнительной власти / «Fair-balanced» regional public councils under the environmental executive authorities

Субъект Российской Федерации	Высокое число предприятий «грязной» промышленности	Низкое число предприятий «грязной» промышленности
Экологически благополучные	Республика Коми, Белгородская область, Ярославская область	–
Экологически депрессивные	Хабаровский край, Нижегородская область, Саратовская область, Челябинская область	Республика Калмыкия

Источник: составлено автором.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, гипотеза о большей «экспертной сбалансированности» экологически депрессивных регионов отвергается. Как было выявлено, для равномерного распределения двух типов экспертов более значима отраслевая специализация региона.

В связи с полученными результатами мы предполагаем, что, несмотря на доказанную зависимость данных структур от органов власти, не везде на региональном уровне общественные экологические советы играют роль

имитационных структур, площадки для одобрения действий органов власти и формирования их положительного имиджа в глазах общественности. Реальная работа данных органов может наблюдаться именно в тех регионах, где преобладает «грязная» промышленность, где активно проявляют себя крупнейшие бизнес-ассоциации и в целом представлены разнообразные группы, отстаивающие интересы отдельных вовлеченных сторон или ориентированные на выработку научно обоснованных решений. Преобладание экспертов-профессионалов в советах, в свою очередь, может быть свидетельством низкой активности общественных и некоммерческих экологических организаций, предприятий, а также их незаинтересованности в участии в данных структурах, что в экологической политике свидетельствует, скорее, о низкой эффективности и символичности последних.

Кроме того, наличие большого числа статусных экспертов в общественных советах можно связать с тем, что эти советы не являются исключительно формальными институтами, в них действительно представлены разные точки зрения, сотрудничество и конкуренция между референтными группами, и у экспертов высокого ранга есть время на участие в заседаниях и выработку рекомендаций.

Высокая частота представления в консультативно-совещательных институтах общественных организаций и академического сообщества объясняется тем, что в соответствии с нормативно-правовыми актами в сфере общественного контроля именно от этих категорий ожидают присутствия в данных органах и именно они являются ключевыми группами экспертов, с которыми готовы сотрудничать органы власти. Частое присутствие в советах представителей малого и среднего предпринимательства может свидетельствовать в пользу того, что и они имеют значительные выгоды неэкологического характера. Например, участие в совете открывает дополнительные возможности для улучшения отношений с органами власти, снижения надзора и контроля с их стороны, способствует улучшению имиджа компании в глазах работников и общественности, появлению новых клиентов и новых инструментов для развития бизнеса; наконец, положительная экологическая репутация дает преимущество перед конкурентами⁵. Все сказанное применимо и к крупному бизнесу.

Отсутствие в части регионов определенных типов экспертов мы связываем с их невостребованностью в советах. Если отсутствие экспертов-профессионалов можно объяснить наличием большого количества стейкхолдеров, заинтересованных в участии в данном институте, и возможной конкуренцией между противоборствующими сторонами, то отсутствие экспертов-«мирян» – скорее, недостаточным вниманием региональных органов власти к решению экологических проблем и осознанием гражданским обществом бесполезности диалога с властью, а также необязательностью реализации экологической политики в реальной практике.

⁵ *Малый бизнес и соблюдение экологических требований. Анализ международного опыта и возможности его применения в Грузии* [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Орг. экон. сотрудничества и развития. 2007. С. 19. URL: <https://www.oecd.org/countries/georgia/49083368.pdf> (дата обращения: 13.05.2023).

Существование значительных различий в составе региональных общественных экологических советов подтверждает вывод о том, что в регионах до сих пор, несмотря на более чем десятилетнее функционирование данных институтов, не наблюдается единого подхода к принципам подбора членов совещательных органов (Сунгуров и др., 2020, с. 16). Это может быть связано, среди прочего, со слабостью региональной политики в этой области.

Определенное значение может иметь и степень политической важности экологической сферы. Хотя за последние десять лет роль экологической политики несколько возросла, однако она до сих пор не является стратегически значимым направлением деятельности государства, и потому интерес к ней среди политиков и гражданского общества недостаточно высок. С другой стороны, если экологическая политика не находится в центре внимания власти, значит, теоретически возможны большая свобода в выражении общественных интересов, конкуренция между различными группами внутри институтов и выработка решений, способных изменить существующие условия.

По итогам анализа можно заключить, что в российских условиях существует реальная потребность в четких и прозрачных критериях отбора экспертов, из которых можно было бы формировать консультативные группы.

В научной литературе (Rowe et al., 2013, p. 176) был разработан ряд критериев для обеспечения прозрачности, инклюзивности и сбалансированности при создании экспертных групп, а также в целях управления потенциальными конфликтами интересов. Данные критерии могут быть адаптированы и использованы в российском контексте. Основными являются критерии «включения» и «исключения» кандидатов из тех или иных структур. Рассмотрение кандидата в эксперты консультативного совета предполагает: полное раскрытие всех финансовых интересов; отказ эксперта от возможных предубеждений (политических, идеологических, религиозных и т. д.); стимулирование участия профильных ученых из всех географических и этнических групп, как мужчин, так и женщин; распространение права на участие на кандидатов из различных сфер (включая научное сообщество, профессиональные общества, государственные учреждения, неправительственные организации и учреждения частного сектора); четкость критериев для отбора и их доступность для ознакомления. Основаниями для отказа от рассмотрения кандидата являются недостаточная продолжительность и / или качество его опыта, нехватка времени для работы в качестве консультанта, множество потенциальных предубеждений.

Приведенный выше список, вероятно, можно было бы расширить и детализировать, но суть в том, что критерии для создания экспертных групп должны быть всеобъемлющими, чтобы формировать советы из лиц, которые являлись бы наиболее беспристрастными (то есть справедливыми) и действовали бы добросовестно.

Таким образом, список кандидатов в общественный совет должен быть достаточно широким, чтобы не исключать из рассмотрения никакую соответствующую экспертизу.

Общественные советы как консультативно-совещательные органы должны быть «самостоятельно действующим субъектом, самостоятельно ста-

вящим перед собой цели и добивающимся их реализации» (Сулимов, 2018, с. 92). Этого можно достичь через сохранение определенного консенсуса относительно выработки рекомендаций. Поскольку в условиях привлечения широких категорий референтных групп возникает риск возрастания интенсивности конфликтов между ними, для достижения субъектности совету необходим баланс интересов через обязательную представленность как абстрактного знания, основанного на научно обоснованных и достоверных данных, так и знаний и опыта общественности. В этой ситуации властным структурам следует ответственно подходить к формированию консультативных органов.

Список источников

Беляева Н. Ю., Ена О. В., Зайцев Д. Г. и др. Оценка воздействия аналитических сообществ на изменения политико-управленческих решений // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 1. С. 103–128.

Гарифуллина Г. А. Совещательные органы при федеральных ведомствах: политическая роль экспертного знания: автореф. дисс. ... канд. полит. н. М.: НИУ ВШЭ, 2013. 31 с.

Горный М. Б. Общественные консультативные структуры при органах власти: опыт Санкт-Петербурга // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2011. № 2. С. 14–24.

Грабельных Т. И., Лесниковская Е. В., Пархоменко А. Н. и др. Гражданское общество и власть: институт общественного контроля в свете современных исследовательских практик в Иркутской области // Вестник университета. 2018. № 1. С. 156–161. <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-1-156-161>.

Дьякова Е. Г. «Честная сбалансированность» или самостоятельность: проблематизация дискурса совещательно-консультативных органов в отечественной и американской административных традициях // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 438. С. 97–105. <https://doi.org/10.17223/15617793/438/13>.

Дьякова Е. Г., Трахтенберг А. Д. Общественные советы при региональных органах исполнительной власти: как обеспечить экспертную сбалансированность? (на примере Свердловской области) // Вопросы управления. 2019. № 3. С. 27–38. <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2019-3-27-38>.

Инишаков И. А., Колеснева Е. А., Корсун В. А. Институт общественных экологических инспекторов в России: оценка результатов внедрения. М.: Центр перспектив. управлен. решений, 2021. 63 с.

Матвеева Е. В., Украинцев И. С., Украинцева Д. А. Институционализация общественных советов в деятельности региональных органов исполнительной власти // Вестник Забайкальского государственного университета. 2018. Т. 24, № 5. С. 78–86. <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2018-24-5-78-86>.

Минченко О. С. Вопросы экспертизы при принятии решений в сфере государственного регулирования // Вопросы государственного и муниципального управления. 2017. № 4. С. 158–172.

Мухаметов Р. С., Гайсина А. В., Романова И. В. К вопросу о типологии консультативных советов при региональных органах исполнительной власти

- // Вестник Забайкальского государственного университета. 2018. Т. 24, № 1. С. 73–83. <https://doi.org/10.21209/2227-924520182417383>.
- Понкин И. В. О понятии и концепте «хорошего управления» (“Good governance”) // Государственная служба. 2013. № 4. С. 39–42.
- Сулимов К. А. Консультативно-совещательные органы в современной России: субъектность без автономии? // Вестник Пермского университета. Политология. 2018. № 3. С. 88–102. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2018-3-88-102>.
- Сунгуров А. Ю. Роль и функции экспертов в процессе принятия властных решений // Управленческое консультирование. 2017. № 6. С. 8–15. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-6-8-15>.
- Сунгуров А. Ю. Экспертное сообщество и власть: модели взаимодействия и проблемы гражданской ответственности // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 130–142. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.10>.
- Сунгуров А. Ю., Дубровский Д. В., Карягин М. Е. и др. Общественно-консультативные советы как форма вовлечения экспертного знания в процесс политико-управленческих решений (на примере г. Санкт-Петербурга) // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. №2. С. 7–31.
- Тихонова М. В., Макеенко М. В. Дифференцированный подход к стратегическому планированию развития промышленности регионов России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. Т. 9, № 4. С. 576–595. <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2018.9.4.576-595>.
- Brody S. D. Measuring the effects of stakeholder participation on the quality of local plans based on the principles of collaborative ecosystem management // Journal of Planning Education and Research. 2003. Vol. 22, №. 4. P. 407–419. <https://doi.org/10.1177/0739456X03022004007>.
- Brown M. B. Fairly balanced: The politics of representation on government advisory committees // Political Research Quarterly. 2008. Vol. 61, № 4. P. 547–560. <https://doi.org/10.1177/1065912907313076>.
- Caronna C. A. The misalignment of institutional “pillars”: Consequences for the U.S. health care field // Journal of Health and Social Behavior. 2004. Vol. 45. Extra issue. P.45–58.
- Cash D., Clark W. C., Alcock F. et al. Salience, credibility, legitimacy and boundaries: linking research, assessment and decision making // KSG Working Papers Series. 2003. 25 p. <https://doi.org/10.2139/ssrn.372280>.
- Crowley K., Head B. W. Expert advisory councils in the policy system // Routledge handbook of comparative policy analysis / Ed. by M. Brans, I. Geva-May, M. Howlett. New York: Routledge, 2017. P. 181–198. <https://doi.org/10.4324/9781315660561-12>.
- Dryzek J. The politics of the earth: Environmental discourses. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 2013. 270 p.
- Karty K. D. Membership balance, open meetings and effectiveness in federal advisory committees // The American Review of Public Administration. 2005. Vol. 35, № 4. P. 414–435. <https://doi.org/10.1177/0275074005277994>.
- Keping Y. Governance and good governance: A new framework for political analysis // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2018. Vol. 11. P. 1–8. <https://doi.org/10.1007/s40647-017-0197-4>.

Markus S. Capitalists of all Russia, unite! Business mobilization under debilitated dirigisme // *Polity*. 2007. Vol. 39. P. 277–304. <https://doi.org/10.1057/palgrave.polity.2300083>.

Momtaz S., Gladstone W. Ban on commercial fishing in the estuarine waters of New South Wales, Australia: Community consultation and social impacts // *Environmental Impact Assessment Review*. 2008. Vol. 28, № 2–3. P. 214–225. <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2007.03.001>.

Mowbray A. A study of the principle of fair balance in the jurisprudence of the European Court of Human Rights // *Human Rights Law Review*. 2010. Vol. 10, № 2. P. 289–317. <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngq006>.

O’Faircheallaigh C. Public participation and environmental impact assessment: Purposes, implications, and lessons for public policy making // *Environmental Impact Assessment Review*. 2010. Vol. 30, № 1. P. 19–27. <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2009.05.001>.

Petrov N., Lipman M., Hale H. E. Overmanaged democracy in Russia: Governance implications of hybrid regimes. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2010. 44 p. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep12953> (дата обращения: 28.05.2023).

Reinecke S., Hermann A. T., Bauer A. et al. Innovative climate policy advice: Case studies from Germany, the Netherlands, Switzerland and the UK // *INFER Research Report*. 2013. № 1. 108 p. URL: https://boku.ac.at/fileadmin/data/H03000/H73000/H73200/_TEMP_/InFER_RR_13_1_Case_study_report.pdf (дата обращения: 02.06.2023).

Rowe S., Alexander N., Weaver C. M. et al. How experts are chosen to inform public policy: Can the process be improved? // *Health Policy*. 2013. Vol. 112, № 3. P. 172–178. <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2013.01.012>.

Scott W. R. Institutions and organizations: Ideas, interests, and identities. 4th ed. Thousand Oaks: Sage Publications, 2013. 360 p.

Shkaruba A., Kireyev V. Environmental governance and institutions of environmental governance // *Principles of environmental policy: Local, European and global perspectives* / Ed. by A. Shkaruba. Pskov: Publishing house of Pskov State University, 2018. P. 60–75.

Trommel W. Good governance as reflexive governance: In praise of good collegueship // *Public Integrity*. 2020. Vol. 22, № 3. P. 227–235. <https://doi.org/10.1080/10999922.2020.1723356>.

Van Damme J., Brans M. and Fobé E. Balancing expertise, societal input and political control in the production of policy advice. A comparative study of education councils in Europe // *Halduskultuur – Administrative Culture*. 2011. Vol. 12, № 2. P. 126–145.

Yi H., Suo L., Shen R. et al. Regional governance and institutional collective action for environmental sustainability // *Public Administration Review*. 2018. Vol. 78, № 4. P. 556–566. <https://doi.org/10.1111/puar.12799>.

Информация об авторе

К. П. Турцева – аспирант кафедры политических наук историко-политологического факультета ФГАОУ ВО «Пермский государственный

национальный исследовательский университет», 614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

SPIN-код (РИНЦ): 5690-7570

Author ID (РИНЦ): 1189701

Web of Science ResearcherID: AAR-5489-2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 04.07.2023; одобрена после рецензирования 30.07.2023; принята к публикации 30.07.2023.

References

Belyaeva, N. Yu., Ena, O. V., Zaytsev, D. G. et al. (2016), “Analytical communities’ impact assessment on policy change”, *Public Administration Issues*, no. 1, pp. 103–128.

Garifullina, G. A. (2012), “Advisory bodies under federal departments: The political role of expert knowledge”, Abstract of Ph.D. dissertation, 23.00.02 – Political institutions, processes and technologies, Higher School of Economics, Moscow, Russia.

Gorny, M. B. (2011), “Public consultative structures under the government: Experience of St. Petersburg”, *Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research*, no. 2, pp. 14–24.

Grabelnykh, T., Lesnikovskaia, E., Parkhomenko, A. et al. (2018), “Civil society and state: The institution of public control in the light of modern research practices in Irkutsk region”, *Vestnik Universiteta*, no. 1, pp. 156–161, <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2018-1-156-161>.

Dyakova, E. G. (2019), “Fair balance” or independence: Problematization of the discourse on consultative bodies in the Russian and American administrative traditions”, *Tomsk State University Journal*, no. 438, pp. 97–105, <https://doi.org/10.17223/15617793/438/13>.

Dyakova, E. G. and Trakhtenberg, A. D. (2019), “Community councils affiliated with regional executive authorities: How to ensure expert balance? (by the example of Sverdlovsk region)”, *Management Issues*, no. 3, pp. 27–38, <https://doi.org/10.22394/2304-3369-2019-3-27-38>.

Inshakov, I. A., Kolesneva, E. A. and Korsun, V. A. (2021), *Institut obshchestvennykh ekologicheskikh inspektorov v Rossii: oценка rezul'tatov vnedreniya* [Institute of public environmental inspectors in Russia: Evaluation of implementation results], Center for Advanced Governance, Moscow, Russia.

Matveeva, E., Ukraintsev, I. and Ukraintseva, D. A. (2018), “Institutionalization of public councils in the activities of regional executive authorities”, *Transbaikalian State University Journal*, vol. 24, no. 5, pp. 78–86, <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2018-24-5-78-86>.

Minchenko, O. S. (2017), “Expertise issues of the decision-making process in the state regulation”, *Public Administration Issues*, no. 4, pp. 158–172.

Mukhamedov, R., Gaysina, A. and Romanova, I. (2018), "About typology of advisory councils at regional executive bodies", *Transbaikal State University Journal*, vol. 24, no. 1, pp. 73–83, <https://doi.org/10.21209/2227-924520182417383>.

Ponkin, I. V. (2013), "On the notion and concept of good governance, *Gosudarstvennaya sluzhba = Public administration*, no. 4, pp. 39–42.

Sulimov, K. A. (2018), "Consultative and advisory bodies in modern Russia: Agency without autonomy?", *Bulletin of Perm University. Political Science*, no. 3, pp. 88–102, <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2018-3-88-102>.

Sungurov, A. Yu. (2017), "Role and functions of experts in the process of governmental decision making", *Administrative Consulting*, no. 6, pp. 8–15, <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2017-6-8-15>.

Sungurov, A. Yu. (2018), "Expert community and power: models of interaction and problems of civil responsibility", *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 130–142, <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.10>.

Sungurov, A. Yu., Dubrovskiy, D. V., Karyagin, M. E. et al. (2020), "Public-consultative councils as a way of involving expert knowledge in policy decision process (case of St. Petersburg)", *Public Administration Issues*, no. 2, pp. 7–31.

Tihonova, M. V. and Makeenko, M. V. (2018), "Differentiated approach to strategic planning of industrial development of the regions of Russia", *MIR (Modernization. Innovation. Research)*, vol. 9, no. 4, pp. 576–595, <https://doi.org/10.18184/2079-4665.2018.9.4.576-595>.

Brody, S. D. (2003), "Measuring the effects of stakeholder participation on the quality of local plans based on the principles of collaborative ecosystem management", *Journal of Planning Education and Research*, vol. 22, no. 4, pp. 407–419, <https://doi.org/10.1177/0739456X03022004007>.

Brown, M. B. (2008), "Fairly balanced: The politics of representation on government advisory committees", *Political Research Quarterly*, vol. 61, no. 4, pp. 547–561, <https://doi.org/10.1177/1065912907313076>.

Caronna, C. A. (2004), "The misalignment of institutional "pillars": Consequences for the U.S. health care field", *Journal of Health and Social Behavior*, vol. 45, extra issue, pp. 45–58.

Cash, D., Clark, W. C., Alcock, F. et al. (2003), "Salience, credibility, legitimacy and boundaries: Linking research, assessment and decision making", *KSG Working Papers Series*, 25 p., <https://doi.org/10.2139/ssrn.372280>.

Crowley, K. and Head, B. W. (2017), "Expert advisory councils in the policy system", in Brans, M., Geva-May, I. and Howlett, M. (eds.), *Routledge handbook of comparative policy*, Routledge, New York, NY, US, pp. 181–198, <https://doi.org/10.4324/9781315660561-12>.

Dryzek, J. (2013), *The politics of the earth: Environmental discourses*, 3rd ed., Oxford University Press, Oxford, UK.

Karty, K. D. (2005), "Membership balance, open meetings and effectiveness in federal advisory committees", *The American Review of Public Administration*, vol. 35, no. 4, pp. 414–435, <https://doi.org/10.1177/0275074005277994>.

Keping, Y. (2018), "Governance and good governance: A new framework for political analysis", *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*, vol. 11, pp. 1–8, <https://doi.org/10.1007/s40647-017-0197-4>.

Markus, S. (2007), “Capitalists of all Russia, unite! Business mobilization under debilitated dirigisme”, *Polity*, vol. 39, pp. 277–304, <https://doi.org/10.1057/palgrave.polity.2300083>.

Momtaz, S. and Gladstone, W. (2008), “Ban on commercial fishing in the estuarine waters of New South Wales, Australia: Community consultation and social impacts”, *Environmental Impact Assessment Review*, vol. 28, no. 2–3, pp. 214–225, <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2007.03.001>.

Mowbray, A. (2010), “A study of the principle of fair balance in the jurisprudence of the European Court of Human Rights”, *Human Rights Law Review*, vol. 10, no. 2, pp. 289–317, <https://doi.org/10.1093/hrlr/ngq006>.

O’Faircheallaigh, C. (2010), “Public participation and environmental impact assessment: Purposes, implications, and lessons for public policy making”, *Environmental Impact Assessment Review*, vol. 30, no. 1, pp. 19–27, <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2009.05.001>.

Petrov, N., Lipman, M. and Hale, H. E. (2010), *Overmanaged democracy in Russia: Governance implications of hybrid regimes*, Carnegie Endowment for International Peace, Washington, D.C., US [Online], available at: <https://www.jstor.org/stable/resrep12953> (Accessed May 28, 2023).

Reinecke, S., Hermann, A. T., Bauer, A. et al. (2013), “Innovative climate policy advice: Case studies from Germany, the Netherlands, Switzerland and the UK”, *INFER Research Report*, no. 1, 108 p. [Online], available at: https://boku.ac.at/fileadmin/data/H03000/H73000/H73200/_TEMP_/InFER_RR_13_1_Case_study_report.pdf (Accessed June 2, 2023).

Rowe, S., Alexander, N., Weaver, C. M. et al. (2013), “How experts are chosen to inform public policy: Can the process be improved?”, *Health Policy*, vol. 112, no. 3, pp. 172–178, <https://doi.org/10.1016/j.healthpol.2013.01.012>.

Scott, W. R. (2013), *Institutions and organizations: Ideas, interests, and identities*, 4th ed., Sage Publications, Thousand Oaks, CA, US.

Shkaruba, A. and Kireyeu, V. (2018), “Environmental governance and institutions of environmental governance”, in Shkaruba, A. (ed.), *Principles of environmental policy: Local, European and global perspectives*, Publishing house of Pskov State University, Pskov, Russia, pp. 60–75.

Trommel, W. (2020), “Good governance as reflexive governance: In praise of good collegueship”, *Public Integrity*, vol. 22, no. 3, pp. 227–235, <https://doi.org/10.1080/10999922.2020.1723356>.

Van Damme, J., Brans, M. and Fobé, E. (2011), “Balancing expertise, societal input and political control in the production of policy advice. A comparative study of education councils in Europe”, *Halduskultuur – Administrative Culture*, vol. 12, no. 2, pp. 126–145.

Yi, H., Suo, L., Shen, R. et al. (2018), “Regional governance and institutional collective action for environmental sustainability”, *Public Administration Review*, vol. 78, no. 4, pp. 556–566, <https://doi.org/10.1111/puar.12799>.

Information about the author

Ch. P. Turtseva – Post-Graduate Student of the Department of Political Sciences, Faculty of History and Political Sciences, Perm State University, 15 Bukirev Str., Perm, 614068, Russia

SPIN-code (RSCI): 5690-7570

Author ID (RSCI): 1189701

Web of Science ResearcherID: AAR-5489-2021

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 04.07.2023; approved after reviewing 30.07.2023; accepted for publication 30.07.2023.

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 3. С. 495–515.

Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 3, pp. 495–515.

Научная статья

УДК 338.246.2

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-495-515>

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА» В СТАРОПРОМЫШЛЕННЫХ РЕГИОНАХ ЮГА РОССИИ

Инна Васильевна Митрофанова^{1,2}✉, Ольга Анатольевна Чернова³

¹ Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия, mitrofanova@volsu.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-1685-250X>

² Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

³ Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, chernova.olga71@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5072-7070>

Аннотация. Введение: национальный проект «Цифровая экономика» является основным инструментом государственного управления, формирующим условия для модернизационных преобразований региональных экономик на основе цифровизации. **Цель:** исследование социально-экономических эффектов реализации национального проекта «Цифровая экономика» в старопромышленных регионах Юга России. **Методы:** описательная статистика, сравнительный анализ, метод интегральной оценки. **Результаты:** проведен анализ результатов реализации региональных проектов в Волгоградской и Ростовской областях с точки зрения их соответствия целевым значениям национального проекта; рассмотрена динамика основных показателей цифрового развития регионов в годы реализации проекта; дана интегральная оценка социально-экономических эффектов цифровизации в исследуемых регионах. **Выводы:** результаты реализации национального проекта «Цифровая экономика» в Волгоградской и Ростовской областях показывают недостаточную эффективность инвестиций, выражающуюся в том, что рост предложения в отношении информационно-коммуникационных технологий не поддерживается ростом спроса на него. Это связано с тем, что специфика факторов и условий старопромышленного развития не находит отражения в содержании региональных проектов. Разработка региональных проектов должна базироваться на принципах проблемно-целевого подхода в управлении социально-экономическим развитием территории.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Ключевые слова: региональное управление, национальные проекты, цифровизация, социально-экономические эффекты, старопромышленные регионы

Благодарности: статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Южного научного центра РАН на 2022 год, проект № 122020100349-6 «Стратегические векторы развития социохозяйственного комплекса Юга России с учетом региональной резилентности (экономические и демографические аспекты)».

Для цитирования: Митрофанова И. В., Чернова О. А. Социально-экономические эффекты реализации национального проекта «Цифровая экономика» в старопромышленных регионах Юга России // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2023. Т. 15, № 3. С. 495–515. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-495-515>.

Original article

SOCIO-ECONOMIC EFFECTS OF IMPLEMENTING THE NATIONAL PROJECT “DIGITAL ECONOMY” IN THE OLD INDUSTRIAL REGIONS OF THE SOUTH OF RUSSIA

Inna V. Mitrofanova^{1,2}✉, Olga A. Chernova³

¹ Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia, mitrofanova@volsu.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-1685-250X>

² Volgograd State University, Volgograd, Russia

³ Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, chernova.olga71@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5072-7070>

Abstract. Introduction: the national project “Digital Economy” is the main instrument of public administration that creates the conditions for regional economies transformations based on digitalization. **Objectives:** to study the socio-economic effects of implementing the national project “Digital Economy” in the old industrial regions of the South of Russia. **Methods:** descriptive statistics, comparative analysis, integrated assessment method. **Results:** the results of regional projects implementation in the Volgograd and Rostov regions were analyzed in terms of their compliance with the target values of the national project; the dynamics of the main indicators of the regional digital development during the years of the project implementation was considered; an integral assessment of the socio-economic effects of digitalization in the studied regions was given. **Conclusions:** the results of the national project «Digital Economy» implementation in the Volgograd and Rostov regions show the lack of efficiency of ongoing investments, expressed in the fact that the growth in the supply of information and communication technologies (ICT) is not supported by the growth in demand for it. This is explained by the specific factors and conditions of the old industrial development that are not reflected in the regional projects. The development of regional projects should be based on the principles of the problem-target approach in managing the socio-economic development of the territory.

Keywords: regional management, national projects, digitalization, socio-economic effects, old industrial regions

Acknowledgements: the article has been funded through the state target to the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences for 2022, project no. 122020100349-6 “Strategic vectors of the Southern Russia socio-economic complex development in the view of regional resilience (economic and demographic aspects)”.

For citation: Mitrofanova, I. V. and Chernova, O. A. (2023), "Socio-economic effects of implementing the national project "Digital economy" in the old industrial regions of the South of Russia", *Ars Administrandi*, vol. 15, no. 3, pp. 495–515, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-495-515>.

ВВЕДЕНИЕ

Являясь инструментом государственного управления, национальные проекты широко используются для решения важнейших задач социально-экономического развития страны. Их цель – задать стратегический вектор экономического развития и выстроить эффективные механизмы взаимодействия органов власти с целевыми аудиториями¹. Как показывают научные исследования, государственная политика оказывает мощное воздействие на направление и темпы проводимых преобразований (Winthrop et al., 2002; Liang and Li, 2023). В регионах для достижения указанных в национальных проектах целей реализуются мезопроекты регионального масштаба, результаты которых находят отражение в различных показателях социально-экономического развития, а мониторинг и контроль их выполнения осуществляет Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации.

Изучению эффективности реализации национальных проектов и оценке их стратегических выгод для экономического развития страны посвящено довольно большое количество научных работ. Так, на платформе Elibrary.ru размещено более 2,5 тыс. публикаций с ключевым словом «национальный проект». Исследователи рассматривают различные аспекты их реализации, и чаще всего внимание уделяется финансовой проблематике. Например, И. Е. Зяблицкий определяет вклад национальных проектов в ВВП (Зяблицкий, 2020); К. Н. Самков анализирует проблемы их финансирования (Самков, 2021); Е. В. Сапир и И. А. Карачев акцентируют внимание на вопросах поощрения частных инвестиций в реализацию масштабных национальных задач (Сапир и Карачев, 2020).

Другим важным направлением исследований является оценка влияния национальных проектов на решение задач устойчивого социально-экономического развития отдельных регионов. Результаты таких исследований позволяют получить важные с точки зрения совершенствования практики государственного управления выводы. Так, А. Э. Калинина и соавторы отмечают важность институциональных факторов регионального развития, неразвитость которых в южнороссийских регионах приводит к тому, что в результате осуществления национальных проектов происходит не сглаживание, а усиление территориальной дифференциации (Калинина и др., 2021, с. 162). И. В. Митрофанова и ее коллеги делают вывод о том, что при реализации национальных проектов выстраивание эффективных взаимодействий федеральных и региональных властей с целевыми аудиториями на местах позволяет повысить уровень использования инклюзивного ресурсного потенциала регионов (Митрофанова и др., 2020, с. 216). Ряд иссле-

¹ *Национальные проекты: открытость власти и информированность общества. Аналит. докл. Центра полит. технологий [Электронный ресурс] // Информ. сайт полит. коммент. «Политком.RU». 2019. 11 окт. URL: <https://politcom.ru/23582.html> (дата обращения: 10.04.2023).*

дователей уделяют внимание выявлению мультипликативных (индуцированных) эффектов национальных проектов. Например, Е. И. Воробьева отмечает, что реализация национального проекта «Культура» способствует укреплению международных взаимодействий творческих элит (Воробьева, 2021, с. 5); Т. А. Смирнова и М. Б. Двинский рассматривают антропологические эффекты государственных проектов (Смирнова и Двинский, 2022).

Особое внимание в научной среде уделяется оценке результатов национального проекта «Цифровая экономика». Это связано с той значительной ролью, которую играют цифровые технологии в обеспечении качественного развития экономики и общества в условиях «новой нормальности». Данный проект был запущен в 2019 году, что инициировало поток исследований, посвященных оценке эффективности его реализации в отдельных регионах (Пынько и Толкачева, 2019; Соцкова и Ерохина, 2022; Рябова и Чернова, 2019) и сферах деятельности (Гусарева и др., 2020; Сулимова и Новицкая, 2022; Чернова и Даренин, 2020), выявлению проблем и рисков цифровых трансформаций (Ленчук и Власкин, 2018; Любавина и др., 2022), оценке влияния процессов цифровизации на уровень и качество жизни населения (Козлова и Макарова, 2020; Евлахова, 2020) и др.

Однако, несмотря на то, что исследованию социально-экономических результатов реализации национальных проектов, в том числе проекта «Цифровая экономика», посвящено немало количество научных работ, многие эффекты субнационального уровня остаются недооцененными, в частности те, что связаны с механизмами воздействия таких проектов на модернизационные преобразования в регионах. Чаще всего научный дискурс ведется в отношении результатов, выражаемых показателями паспорта проекта. При этом упускается из виду, что данные результаты продуцируют определенные социально-экономические эффекты, которые могут иметь как положительные, так и отрицательные последствия для регионального развития. Направленность таких эффектов, а также скорость и сила их проявления во многом определяются спецификой местных факторов и условий, включая факторы предшествующего развития: отраслевую структуру экономики, институциональные условия и проч.

Как справедливо отмечает А. В. Котов, оценку эффективности инструментов регионального управления «нельзя представить как некую единую практику, свободную от “обременений” своего географического происхождения и исторического контекста» (Котов, 2020, с. 353). Мы предполагаем, что такая практика препятствует целостному пониманию роли национальных проектов как инструмента государственного управления. Кроме того, недооценка социально-экономических эффектов реализации нацпроектов в регионах может привести к упущению политического значения данного инструмента управления. Поэтому для целостного понимания стратегических результатов реализуемых национальных проектов и повышения обоснованности управленческих решений, принимаемых на региональном уровне, представляется необходимым исследовать продуцируемые такими проектами социально-экономические эффекты в субъектах Российской Федерации.

Для старопромышленных регионов, которым отводится важная роль в стратегиях неоиндустриального развития, оценка социально-экономических эффектов реализации национального проекта «Цифровая экономика» имеет особое значение. К сожалению, в существующих исследованиях проблема-

тике цифровых трансформаций в старопромышленных регионах уделяется очень мало внимания. При этом традиционно используемые индикаторы цифровой экономики, характеризующие развитие сектора информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и уровень проникновения цифровых технологий в отдельные сферы экономической деятельности и жизнедеятельности граждан, не позволяют получить адекватное представление о специфике проявления социально-экономических эффектов осуществляемых в регионе преобразований. Настоящее исследование призвано заполнить данный пробел.

Цель статьи состоит в исследовании социально-экономических эффектов реализации национального проекта «Цифровая экономика» в старопромышленных регионах Юга России. При этом авторы стремились понять, обеспечивает ли реализация данного проекта решение задач модернизации экономики старопромышленных южнороссийских регионов, а также определить, в какой мере региональные факторы и условия способствуют или сдерживают процессы цифровизации. Объектом исследования выступили Волгоградская и Ростовская области.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты реализации национальных проектов находят проявление в возникающих в регионах системных эффектах (синергетических и мультипликативных), формирующих условия для модернизационных преобразований региональных экономик. Системные эффекты – это «новые особые свойства системы, которые не могли бы быть получены ранее в контексте отдельных элементов» (Фролов и Павлова, 2019, с. 2926) и которые могут выражаться в виде изменения эффективности ее функционирования. В отношении национального проекта «Цифровая экономика» системные эффекты выражаются, во-первых, в инновационных преобразованиях социально-экономических систем различного уровня управления; во-вторых, в активном проникновении цифровых технологий во все сферы жизнедеятельности граждан. Соответственно, при характеристике социально-экономических эффектов реализации нацпроекта «Цифровая экономика» авторы разделяют их на две группы: эффекты, отражающие изменение показателей инновационной деятельности в регионе; эффекты, отражающие изменение уровня и качества жизни населения.

Состав показателей, характеризующих первую группу эффектов, определен исходя из результатов исследования (Панфилов и Уринсон, 2020), подтверждающего на основе анализа стратегий технологического развития ряда стран, что цифровые технологии являются фундаментом инновационного развития практически всех сфер деятельности. В частности, для анализа были использованы такие показатели, как удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации; уровень инновационной активности организаций; объем инновационных товаров, работ, услуг.

При характеристике второй группы эффектов авторы статьи использовали методологию Института статистических исследований и экономики знаний НИУ «Высшая школа экономики», включающую факторы, которые имеют значение для благополучия человека в контексте цифровизации².

² *Цифровые технологии и общество: влияние на благополучие и качество жизни человека.* Науч. дайджест. 2022. № 7. С. 6–13 [Электронный ресурс] // Центр междисциплинар. исслед. чело-

В соответствии с разработанной специалистами института моделью Индекса условий цифрового благополучия авторы настоящей статьи выделили следующие показатели для анализа: доля населения, использующего сеть Интернет; удельный вес домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет; доля населения, использующего сеть Интернет для заказа товаров, услуг. Выбор показателей определялся возможностью их получения из официальных источников информации, при этом авторы избегали использования взаимозависимых показателей.

Оценка эффектов реализации национального проекта «Цифровая экономика» в старопромышленных регионах осуществлялась на основе интегральной оценки, где частные показатели по группам эффектов определялись как индексы изменения в 2021 году по сравнению с 2020-м, что позволило учесть отсроченный эффект цифровизации.

Структура исследования представлена следующим образом. На первом этапе авторы дали характеристику результатов реализации региональных проектов в Волгоградской и Ростовской областях в рамках национального проекта «Цифровая экономика». Для этого были сопоставлены показатели цифрового развития в регионах с целевыми показателями национального проекта и со средними показателями по России, а также рассмотрена динамика изменения данных показателей в период реализации проекта (с 2019 по 2021 год). На втором этапе оценивались социально-экономические эффекты цифровизации в исследуемых регионах с использованием интегральных оценок. Третий этап был посвящен осмыслению особенностей проявления социально-экономических эффектов в старопромышленных регионах, а также обсуждению роли национального проекта «Цифровая экономика» в решении задач модернизационного развития старопромышленных регионов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Результаты реализации национального проекта «Цифровая экономика» в старопромышленных регионах Юга России

Особенностью экономики южнороссийских старопромышленных регионов является значительная доля в ней низкорентабельных индустриальных отраслей III и IV технологических укладов, а также наличие серьезных проблем экологического и социально-экономического характера (Митрофанова и др., 2020, с. 215–216). Цифровизация, по мнению многих исследователей, способствует существенным модернизационным преобразованиям региональных экономик, приводя к качественным сдвигам в их структуре, формирующим базис устойчивого развития. Поэтому реализация на территории старопромышленных регионов проектов по цифровизации имеет важное стратегическое значение с точки зрения поддержания социально-экономической стабильности и обеспечения национальной безопасности.

Национальный проект «Цифровая экономика» имеет общий бюджет финансирования 1 794 658 000 рублей и охватывает период с 2019 по 2024 год³. Решение поставленных в рамках проекта целей и задач на уровне субъектов Российской Федерации обеспечивается региональными проектами, паспорта которых были утверждены в 2019 году. В 2023 году в рамках национального проекта «Цифровая экономика» в Волгоградской и Ростовской областях реализуются четыре региональных проекта: «Цифровые технологии», «Цифровое государственное управление», «Информационная инфраструктура», «Информационная безопасность». Структура затрат на данные проекты отражена на рисунке 1.

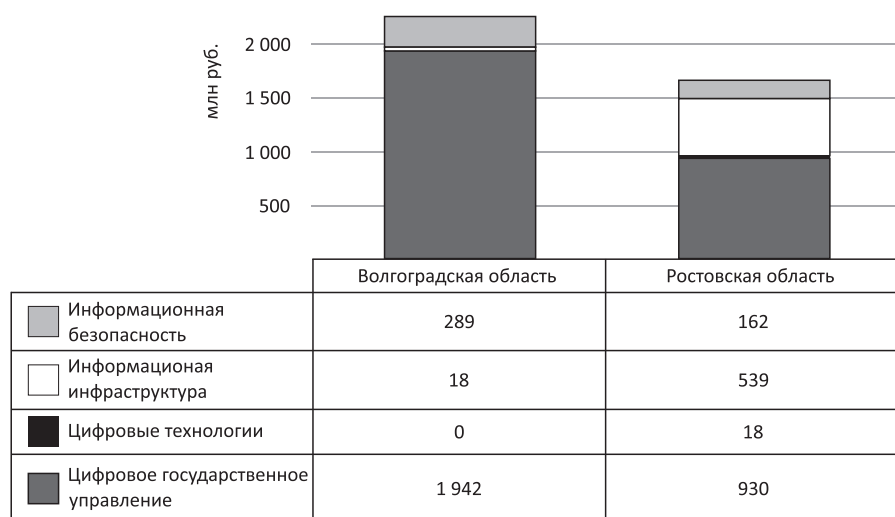

Рис. 1. Затраты на реализацию региональных проектов в Волгоградской и Ростовской областях в рамках осуществления национального проекта «Цифровая экономика» / Fig. 1. Costs for the implementation of regional projects in the Volgograd and Rostov regions as part of the national project “Digital Economy” implementation

Источник: составлено авторами на основе данных сайтов «Стратегия 24», «ЕМИСС. Государственная статистика», Федеральной службы государственной статистики⁴.

Как видно из приведенных данных, основные затраты на реализацию проекта связаны с цифровизацией предоставления государственных услуг и стимулирования граждан к их получению. В Ростовской области значитель-

³ Национальный проект «Цифровая экономика» [Электронный ресурс] // Стратегия 24. 2019. 23 янв. URL: <https://strategy24.ru/rf/management/projects/natsional-nyu-proyekt-tsifrova-ekonomika> (дата обращения: 11.04.2023).

⁴ Там же; Социально-экономические показатели по субъектам Российской Федерации. Приложение к сборнику «Регионы России. Социально-экономические показатели» [Электронный ресурс] // Офиц. сайт Федер. службы гос. статистики. 2022. 30 дек. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652> (дата обращения: 22.04.2023); Доля социально значимых объектов, имеющих широкополосный доступ к информационно-телекоммуникационной сети Интернет в соответствии с утвержденными требованиями (D2) [Электронный ресурс] // ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/61630> (дата обращения: 15.04.2023).

ное внимание уделяется также развитию информационной инфраструктуры в регионе. В то же время на развитие цифровых технологий путем субсидирования соответствующих акселерационных программ для малого и среднего бизнеса в Волгоградской области бюджетные средства не выделяются, а в Ростовской области их величина составляет всего 18 млн рублей.

Контрольные точки и результаты для оценки выполнения региональных проектов установлены их паспортами в рамках целей и направлений реализации национального проекта. Они выражаются следующими показателями цифрового развития: доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет, и доля социально значимых объектов инфраструктуры, имеющих возможность подключения технологии широкополосного доступа в Интернет.

Проведенный анализ показал, что, несмотря на предпринимаемые меры по цифровому развитию регионов, фактические показатели широкополосного доступа населения к сети Интернет в Волгоградской и Ростовской областях не достигли целевых значений нацпроекта (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Показатели цифрового развития Волгоградской и Ростовской областей /
Indicators of digital development of the Volgograd and Rostov regions**

Регион	Год		
	2019	2020	2021
<i>Доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет, %</i>			
Целевой показатель	79,0	84,0	92,0
Волгоградская область	77,6	74,7	88,0
Ростовская область	72,7	78,1	82,2
<i>Доля социально значимых объектов инфраструктуры, имеющих возможность подключения к технологии широкополосного доступа в Интернет, %</i>			
Целевой показатель	45,2	56,3	67,5
Волгоградская область	нет данных	54,0	100,0
Ростовская область	нет данных	58,0	100,0

Источник: составлено авторами на основе данных сайтов «Стратегия 24», «ЕМИСС. Государственная статистика», Федеральной службы государственной статистики.

Следует отметить, что даже в условиях коронакризиса, инициировавшего всплеск цифровой активности в экономике, показатели использования ИКТ предприятиями и организациями Волгоградской и Ростовской областей в 2021 году оказались не только ниже средних по Российской Федерации, но сократились и по сравнению с 2019 годом (см. табл. 2); при этом по результатам цифрового развития обе области относятся к субъектам со средним значением уровня цифровой зрелости (25–50 % выполнения целевых показателей)⁵.

⁵ Петрова В. Губернаторам выставили цифры. Представлен рейтинг «цифровой зрелости» регионов [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2021. 13 авг. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4938764> (дата обращения: 11.04.2023).

**Показатели использования информационно-коммуникационных технологий
в Волгоградской и Ростовской областях / Indicators of the use of information
and communication technologies in the Volgograd and Rostov regions**

Регион	Год		
	2019	2020	2021
<i>Доля предприятий и организаций, использующих персональные компьютеры, %</i>			
Среднероссийский показатель	93,5	80,7	81,8
Волгоградская область	90,1	68,7	79,4
Ростовская область	95,5	76,1	78,7
<i>Доля предприятий и организаций, использующих «облачные» сервисы, %</i>			
Среднероссийский показатель	28,1	25,7	27,1
Волгоградская область	25,0	20,5	24,5
Ростовская область	29,5	23,9	25,5
<i>Доля предприятий и организаций, использующих широкополосный доступ к сети Интернет, %</i>			
Среднероссийский показатель	86,6	58,1	75,6
Волгоградская область	80,0	51,8	73,0
Ростовская область	89,4	55,6	73,2
<i>Доля предприятий и организаций, имеющих веб-сайт, %</i>			
Среднероссийский показатель	51,9	44,3	46,2
Волгоградская область	48,9	37,1	44,3
Ростовская область	55,0	43,1	46,2
<i>Доля предприятий и организаций, использующих специальные программные средства, %</i>			
Среднероссийский показатель	85,9	65,4	66,8
Волгоградская область	83,0	54,9	63,8
Ростовская область	89,5	62,4	65,1

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики⁶.

Учитывая снижение среднероссийских показателей в 2020 году, можно утверждать, что «провалы» в использовании ИКТ характерны для всех субъектов Российской Федерации и, очевидно, связаны с коронакризисными явлениями. Тем не менее, факт отставания Волгоградской и Ростовской областей от средних по Российской Федерации значений свидетельствует о том, что в данных регионах процессы цифровизации протекали наименее активно. Одновременно следует отметить отставание от среднероссийских показате-

⁶ Регионы России. Социально-экономические показатели 2022 [Электронный ресурс]: стат. сб. М.: Росстат, 2022. 1122 с. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022.pdf (дата обращения: 15.04.2023).

лей использования современных технологий цифровой экономики предприятиями и организациями в исследуемых регионах (см. рис. 2). При этом для Ростовской области данное отставание значительно меньше, чем для Волгоградской, а по использованию технологий больших данных и геоинформационных систем показатели даже несколько выше средних по Российской Федерации.

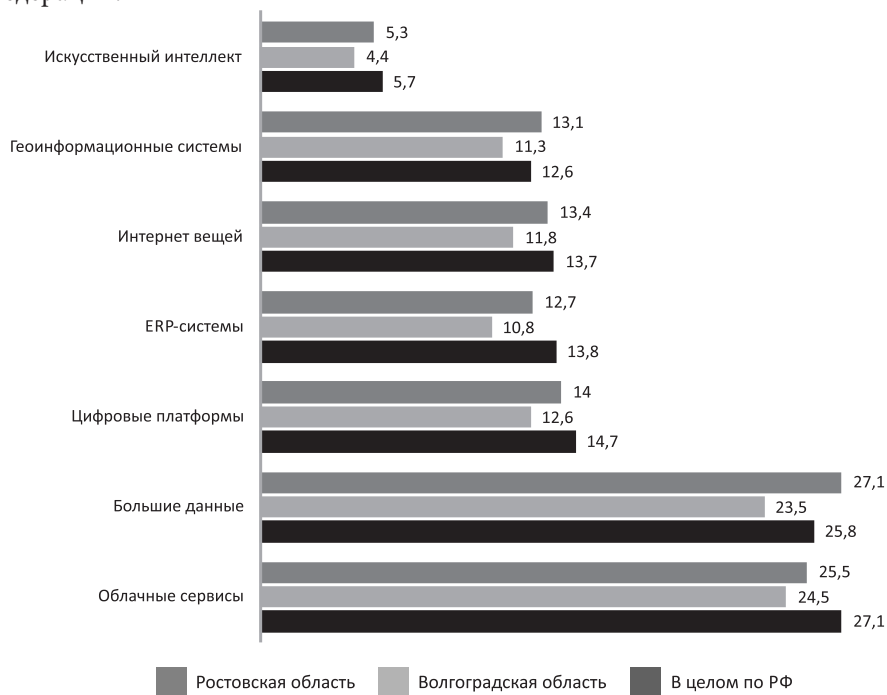

Рис. 2. Удельный вес предприятий и организаций, использующих цифровые технологии в 2021 году, % / Fig. 2. Share of enterprises and organizations using digital technologies in 2021, %

Источник: составлено авторами на основе (Абдрахманова и др., 2023).

Примечательно, что в отчетах о результатах реализации региональных проектов в рамках национального проекта «Цифровая экономика» отражается выполнение всех запланированных мероприятий и полное освоение выделенных бюджетных ассигнований. Учитывая, что реализация этого нацпроекта ориентирована на модернизацию всех сфер производственно-хозяйственной деятельности и жизнедеятельности граждан, можно предположить, что его результаты надо оценивать не столько по экстенсивным показателям цифровых преобразований в регионе, сколько по качественным изменениям в региональной экономике.

Цифровая трансформация, как отмечают Ф. Хайн-Пенсель и другие, выходит за рамки чистой цифровизации и должна рассматриваться шире – с точки зрения ее способности обеспечивать более высокие показатели социально-экономического развития (Hein-Pensel et al., 2023, p. 201). Поэтому

далее рассмотрим последствия реализации национального проекта «Цифровая экономика» с точки зрения модернизационного развития исследуемых регионов.

Социально-экономические эффекты национального проекта «Цифровая экономика» в старопромышленных регионах Юга России

Реализация национального проекта «Цифровая экономика» в регионах выражается не только в появлении новой инфраструктуры и увеличении количества используемых предприятиями и организациями, а также гражданами цифровых технологий, но и в модернизации всех сфер производственно-хозяйственной деятельности и жизнедеятельности населения. Ожидаемые социально-экономические эффекты в данных двух аспектах, а также показатели для их оценки приведены в таблице 3.

Таблица 3 / Table 3

Социально-экономические эффекты цифровизации и показатели их оценки / Socio-economic effects of digitalization and indicators for their assessment

Группа эффектов	Ожидаемые эффекты	Показатель оценки
Эффекты, отражающие изменение показателей инновационной деятельности в регионе	Снижение уровня технологической зависимости национальной экономики	Удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации
	Повышение уровня конкурентоспособности отечественной продукции	Объем инновационных товаров, работ, услуг
	Повышение уровня конкурентоспособности отечественного производства	Уровень инновационной активности организаций
Эффекты, отражающие изменение уровня и качества жизни населения	Повышение цифровой грамотности населения, развитие информационных потребностей граждан	Доля населения, использующего сеть Интернет
	Расширение возможностей для распространения знаний, удешевление и повышение качества межличностных и деловых коммуникаций	Удельный вес домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет
	Удешевление и повышение качества взаимодействия поставщиков и потребителей, решение проблемы обеспечения «доступности» товаров и услуг для населения, живущего за пределами центров деловой активности	Доля населения, использующего Интернет для заказа товаров, услуг

Источник: составлено авторами.

Результаты анализа данных эффектов с использованием интегральных показателей оценки представлены в таблице 4.

Таблица 4 / Table 4

Интегральная оценка социально-экономических эффектов цифровизации в Волгоградской и Ростовской областях / Integral assessment of the socio-economic effects of digitalization in the Volgograd and Rostov regions

Группа эффектов	Показатель оценки	Индекс изменения в 2021 г.		Интегральный показатель	
		Волгоградская область	Ростовская область	Волгоградская область	Ростовская область
Изменение показателей инновационной деятельности в регионе	Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации	1,03	1,28	1,03	1,50
	Объем инновационных товаров, работ, услуг	0,94	1,32		
	Уровень инновационной активности организаций	1,14	2,0		
Изменение уровня и качества жизни населения	Доля населения, использующего сеть Интернет	1,03	1,01	1,10	1,08
	Удельный вес домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет	1,18	1,05		
	Доля населения, использующего Интернет для заказа товаров, услуг	1,09	1,19		

Источник: рассчитано авторами с использованием данных Федеральной службы государственной статистики⁷ и (Абдрахманова и др., 2023).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что модернизационные преобразования в наибольшей степени характерны для Ростовской области, что выражается в повышении всех рассматриваемых показателей иннова-

⁷ Там же.

ционной деятельности. В Волгоградской области отмечается снижение объема производства инновационных товаров и услуг при невысоких темпах роста инновационной активности организаций и использования ими технологических инноваций. Примечательно, что и в отношении использования цифровых технологий населением, в частности Интернета для заказа товаров и услуг, Волгоградская область значительно отстает от среднероссийского показателя (38,2 % в сравнении с 46,6 %), притом, что уровень доступа к сети Интернет не ниже среднего по Российской Федерации (Абдрахманова и др., 2023, с. 293–294). Кроме того, если в Ростовской области 44 % граждан оценивают свой уровень владения цифровыми навыками как базовый и выше, то в Волгоградской области таких только 38 % (Абдрахманова и др., 2023, с. 303–304). Для наглядности полученные интегральные оценки эффектов отражены на рисунке 3.

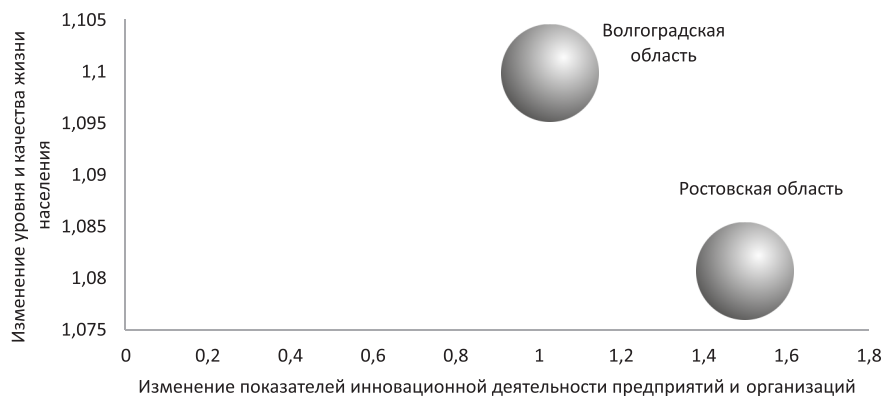

Рис. 3. Интегральные оценки социально-экономических эффектов реализации национального проекта «Цифровая экономика» в Волгоградской и Ростовской областях / Fig. 3. Integral assessments of socio-economic effects of the national project "Digital Economy" implementation in the Volgograd and Rostov regions

Источник: собственные расчеты авторов.

Очевидно, что для Волгоградской области в большей степени характерно проявление эффектов, выражающихся в повышении качества и уровня жизни населения, тогда как в Ростовской проявляются в первую очередь эффекты, отражающие рост уровня инновационной активности предприятий и организаций. Возможно, причина преобладания эффектов в социальной сфере в Волгоградской области связана с большей долей городского населения (77,6 %, тогда как в Ростовской области – 68,1 %)⁸, которое активнее использует Интернет. Преобладание инновационных эффектов в Ростовской области может быть связано с большим числом предприятий и организаций в регионе (более чем в два раза практически во всех сферах экономической деятельности) и более низким удельным весом убыточных организаций (25 % против 34 % в Волгоградской области)⁹, что говорит о наличии большого потенциала для осуществления цифровых трансформаций в экономике региона.

⁸ Там же. С. 47.

⁹ Там же. С. 516, 544.

ОБСУЖДЕНИЕ

В современных реалиях, когда формирование цифровой экономики становится важным условием инновационного развития страны на пути укрепления ее национальной безопасности, все очевиднее значимость национального проекта «Цифровая экономика» как основного инструмента управления процессами цифровизации в регионах и ключевого фактора, определяющего приоритеты их цифрового развития. Впечатляющие масштабы государственных инвестиций требуют и соответствующих им социально-экономических эффектов. Поэтому понимание потенциальной ценности обусловленных реализацией нацпроекта цифровых трансформаций для модернизационного развития региональных экономик имеет важное теоретическое и практическое значение.

Социально-экономические эффекты национального проекта «Цифровая экономика» в двух старопромышленных южнороссийских регионах – Волгоградской и Ростовской областях – проявляются в позитивных изменениях, связанных как с развитием их производственно-хозяйственных комплексов, так и с повышением качества и уровня жизни населения. Вместе с тем результаты проведенного анализа показывают недостаточную эффективность осуществляемых в регионах государственных инвестиций, выражающуюся в том, что рост предложения в отношении ИКТ не поддерживается ростом спроса на них.

Очевидно, что повышению эффективности реализации национального проекта «Цифровая экономика» способствовало бы отражение в обеспечивающих его реализацию региональных проектах специфики решаемых с помощью цифровизации социально-экономических задач. Как отмечают Л. Лианг и Ю. Ли, достичь серьезных системных эффектов цифровизации практически невозможно, если стратегическое управление выражается в шаблонных мерах (Liang and Li, 2023, p. 1), что фактически подтверждается результатами данного исследования. Разные регионы по-разному реагируют на цифровые технологии, и это, в частности, подразумевает, что разработка содержания региональных проектов должна базироваться на принципах проблемно-целевого подхода в управлении социально-экономическим развитием территории. При этом цифровые технологии следует рассматривать как элемент, формирующий определенную социально-экономическую среду, которая в стратегической перспективе позволяет решить наиболее важные для обеспечения экономической безопасности региона проблемы.

В частности, для старопромышленных регионов Юга России характерна высокая степень дифференциации социально-экономического пространства. Цифровые трансформации в большей степени затрагивают городские агломерации, выступающие центрами деловой активности. В системе регионального управления преобладает мнение, что инвестиции, в том числе в цифровизацию, должны быть направлены в первую очередь в точки роста, которые будут стимулировать диффузию инноваций к периферии. Однако авторы поддерживают иную позицию, согласно которой потенциал «умного» развития региона базируется на сглаживании цифрового разрыва в его пространстве (Nikitaeva et al., 2022, p. 124), что предполагает необходимость приоритет-

ного внимания к проблемным территориям, формирующим кумулятивные эффекты и сдерживающим возможности цифровизации в решении задач модернизации экономики региона в целом.

Так, для большинства территорий старопромышленных регионов характерны следующие основные проблемы:

- высокая доля населения старше трудоспособного возраста, которое отличается низким уровнем инновационной активности и цифровой грамотности, отсутствием понимания «полезности» Интернета, что отражается на масштабах его использования в повседневной жизни;

- высокий уровень промышленного загрязнения окружающей среды, низкий уровень энергоэффективности в промышленном секторе, что связано с преобладанием производств с низкими технологическими укладами;

- низкий уровень промышленной связанности производства, что сдерживает возможности «умного» развития региона;

- значительное количество территорий с плохим покрытием Интернета, низкое проникновение цифровых локальных сервисов или полное их отсутствие в большинстве городов, расположенных в удалении от регионального центра.

Следует отметить, что ни одна из этих проблем не нашла отражения в региональных проектах цифровизации, тогда как цифровые технологии, как отмечает С. Р. Хендерсон, предоставляют значительные возможности для модернизации даже технологически отсталых старопромышленных регионов (Henderson, 2015).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровая трансформация – это неизбежный этап современного экономического развития, который имеет значительные стратегические перспективы с точки зрения возможности решения важнейших задач повышения экономической безопасности страны. В данной статье авторы рассмотрели проявление социально-экономических эффектов цифровизации в старопромышленных регионах Юга России, а также изучили, как региональные проекты, реализуемые в рамках национального проекта «Цифровая экономика», способствуют модернизации региональных экономик.

Было выявлено, что, несмотря на значительные инвестиции в цифровое развитие регионов, по ряду показателей использования ИКТ Волгоградская и Ростовская области демонстрируют значения ниже среднероссийских. Одна из причин этого – использование «типового» (шаблонного) содержания региональных проектов, не учитывающего специфику местных факторов и условий, что сдерживает возможности модернизационных преобразований.

Данное исследование вносит определенный вклад в представление об эффективности реализации национальных проектов в регионах, расширяя теоретическое понимание роли региональных властей в формировании системных социально-экономических эффектов. В то же время авторы отмечают слабые места и ограничения проведенного исследования, связанные с тем, что для проявления ряда модернизационных эффектов цифровизации

требуется период более чем два-три года, учитывая, что они часто являются сопряженными с эффектами из других сфер деятельности. Также нуждается в инструментальной проверке авторская гипотеза о сдерживающих факторах цифровизации, характерных для старопромышленных регионов. Поэтому необходимость дальнейшего исследования этой темы не вызывает сомнений.

Список источников

Воробьева Е. И. Финансовое обеспечение реализации национального проекта «Культура»: социальные и экономические эффекты // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. 2021. № 3. С. 5–12.

Гусарева Н. Б., Царитова К. Г., Бондаренко А. В. Цифровизация сельскохозяйственной отрасли: тенденции и перспективы // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. Т. 16, № 3. С. 51–55.

Евлахова Ю. С. Влияние цифровизации на население на российском финансовом рынке // Экономика. Налоги. Право. 2020. Т. 13, № 3. С. 80–90. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2020-13-3-80-90>.

Зяблицкий И. Е. Оценка фискальных мультипликаторов в российской экономике // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 24, № 2. С. 268–294. <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2020-24-2-268-294>.

Индикаторы цифровой экономики 2022: стат. сб. / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневецкий и др. М.: НИУ ВШЭ, 2023. 332 с. <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2697-2>.

Калинина А. Э., Митрофанова И. В., Иванова Т. Б. Реализация национальных проектов «второй волны» в южных регионах России в координатах «КУБС»: экономико-политологический анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26, № 5. С. 151–166. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.12>.

Козлова О. А., Макарова М. Н. Сокращение ресурсного неравенства домашних хозяйств в условиях цифровизации экономики: постановка проблемы // Ars Administrandi (Искусство управления). 2020. Т. 12, № 3. С. 527–540. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2020-3-527-540>.

Котов А. В. Оценка эффективности инструментов региональной политики // Экономика региона. 2020. Т. 16, № 2. С. 352–362. <http://doi.org/10.17059/2020-2-2>.

Ленчук Е. Б., Власкин Г. А. Формирование цифровой экономики в России: проблемы, риски, перспективы // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 5. С. 9–21. <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2018-00001>.

Любавина Т. В., Мустафина Г. Г., Любавин А. Ю. и др. Цифровая экономика: проблемы и перспективы // Вестник экономики, права и социологии. 2022. № 4. С. 143–146.

Митрофанова И. В., Чернова О. А., Патракеева О. Ю. Приоритетные национальные проекты как инструмент социально-экономической и политической модернизации старопромышленных регионов Юга России // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионо-

ведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 5. С. 213–233. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.17>.

Панфилов К. С., Уринсон Я. М. Цифровизация как фактор развития инновационных стратегий на примере некоторых стран [Электронный ресурс] // Бизнес. Общество. Власть. 2020. № 2–3. С. 117–125. URL: <https://www.hse.ru/mag/27364712/2020--36,37/399210775.html> (дата обращения: 15.06.2023).

Пынько Л. Е., Толкачева Е. В. Интеграция «цифровой экономики» в социально-экономическую сферу Хабаровского края // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 4. С. 74–82. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2019-89-4-74-82>.

Рябова И. А., Чернова О. А. Становление цифровой экономики в старопромышленных регионах Юга России // Региональная экономика. Юг России. 2019. Т. 7, № 4. С. 88–99. <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2019.4.9>.

Самков К. Н. Финансирование реализации национальных и региональных проектов: проблемы и направления устойчивого развития // Финансы: теория и практика. 2021. Т. 25, № 4. С. 24–36. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2021-25-4-24-36>.

Сапир Е. В., Карачев И. А. Вызовы новой инвестиционной политики: защита и поощрение капиталовложений // Финансы: теория и практика. 2020. Т. 24, № 3. С. 118–131. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2020-24-3-118-131>.

Смирнова Т. А., Двинский М. Б. Оценка влияния мультипликативных эффектов программно-проектного управления социально-экономическим развитием территорий на антропологию населения // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. Т. 15, № 7. С. 1024–1032. <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0906>.

Соцкова Е. А., Ерохина Е. В. Оценка воздействия результатов цифрового развития на социальное благополучие населения Калужской области за 2021–2022 гг.: институциональный подход // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 7. С. 110–114.

Сулимова Е. А., Новицкая Д. А. Развитие цифровой экономики в сфере строительства // Экономика строительства. 2022. № 10. С. 89–95.

Фролов В. Г., Павлова А. А. Системные эффекты реализации инновационно-инвестиционно сбалансированной промышленной политики в условиях цифровой экономики // Экономические отношения. 2019. Т. 9, № 4. С. 2919–2936. <https://doi.org/10.18334/eo.9.4.41479>.

Чернова О. А., Даренин А. И. Цифровые трансформации в промышленности как фактор экономического роста // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 1. С. 222–226. <https://doi.org/10.24411/2309-4788-2020-00039>.

Hein-Pensel F., Winkler H., Brückner A. et al. Maturity assessment for Industry 5.0: A review of existing maturity models // Journal of Manufacturing Systems. 2023. Vol. 66. P. 200–210. <https://doi.org/10.1016/j.jmsy.2022.12.009>.

Henderson S. R. Transforming old industrial regions: Constructing collaboration within the Black Country, England // Geoforum. 2015. Vol. 60. P. 95–106. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2015.01.010>.

Liang L., Li Y. How does government support promote digital economy development in China? The mediating role of regional innovation ecosystem resilience // Technological Forecasting and Social Change. 2023. Vol. 188. Art. № 122328. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.122328>.

Nikitaeva A. Yu., Chernova O. A., Molapisi L. Smart territories as a driver for the transition to sustainable regional development and green economy // R-Economy. 2022. Vol. 8, № 2. P. 120–134. <https://doi.org/10.15826/recon.2022.8.2.010>.

Winthrop M. F., Deckro R. F., Kloeber J. M. Government R&D expenditures and US technology advancement in the aerospace industry: A case study // Journal of Engineering and Technology Management. 2002. Vol. 19, № 3–4. P. 287–305. [https://doi.org/10.1016/S0923-4748\(02\)00022-X](https://doi.org/10.1016/S0923-4748(02)00022-X).

Информация об авторах

И. В. Митрофанова – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Лаборатории региональной экономики ФГБУН «Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук», 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр-т Чехова, 41; профессор кафедры экономической теории, региональной экономики и предпринимательства Института экономики и финансов ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», 400062, Россия, г. Волгоград, пр-т Университетский, 100

SPIN-код (РИНЦ): 1339-6800

Author ID (РИНЦ): 251182

Web of Science Researcher ID: S-8203-2016

Scopus Author ID: 56622903000

О. А. Чернова – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры «Информационная экономика» экономического факультета ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

SPIN-код (РИНЦ): 2951-2763

Author ID (РИНЦ): 634941

Web of Science Researcher ID: H-9823-2015

Scopus Author ID: 56581560700

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 27.04.2023; одобрена после рецензирования 28.06.2023; принята к публикации 28.06.2023.

References

Vorobyova, E. I. (2021), “Financial support for the implementation of the national project “Culture”: Social and economic effects”, *Scientific Bulletin: Finance, Banks, Investments*, no. 3, pp. 5–12.

Gusareva, N. B., Tsaritova, K. G. and Bondarenko, A. V. (2020), “Digitalization of the agricultural industry: Trends and prospects”, *Economic Problem and Legal Practice*, vol. 16, no. 3, pp. 51–55.

Evlakhova, Yu. S. (2020), “The impact of digitalization on the population in the Russian financial market”, *Economics. Taxes & Law*, vol. 13, no. 3, pp. 80–90, <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2020-13-3-80-90>.

Zyablitskiy, I. E. (2020), “Estimating fiscal multipliers in Russian economy”, *Higher School of Economics Economic Journal*, vol. 24, no. 2, pp. 268–294, <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2020-24-2-268-294>.

Abdrakhmanova, G. I., Vasilkovskiy, S. A. and Vishnevskiy, K. O. et al. (eds.) (2023), *Indikatoriy tsifrovoy ekonomiki 2022: statisticheskii sbornik* [Digital economy indicators in the Russian Federation: 2022: Data book], HSE Press, Moscow, Russia, <https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2697-2>.

Kalinina, A. E., Mitrofanova, I. V. and Ivanova, T. B. (2021), “Implementation of national projects of the “second wave” in the southern regions of Russia within reference points “competitiveness, sustainability, security, balance”: Economic and political analysis”, *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, vol. 26, no. 5, pp. 151–166, <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.5.12>.

Kozlova, O. A. and Makarova, M. N. (2020), “Reducing household resource inequality under digitalization of the economy: Issue statement”, *Ars Administrandi*, vol. 12, no. 3, pp. 527–540, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2020-3-527-540>.

Kotov, A. V. (2020), “Assessing the effectiveness of regional policy tool”, *Economy of Regions*, vol. 16, no. 2, pp. 352–362, <http://doi.org/10.17059/2020-2-2>.

Lenchuk, E. B. and Vlaskin, G. A. (2018), “Formation of the digital economy in Russia: Problems, risks, prospects”, *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, no. 5, pp. 9–21, <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2018-00001>.

Lyubavina, T. V., Mustafina, G. G., Lyubavin, A. Yu. et al. (2022), “Digital economy: Problems and prospects”, *The Review of Economy, the Law and Sociology*, no. 4, pp. 143–146.

Mitrofanova, I. V., Chernova, O. A. and Patrakeeva, O. Yu. (2020), “Priority national projects as a tool of social, economic and political modernization of old industrial regions of the south of Russia”, *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, vol. 25, no. 5, pp. 213–233, <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.5.17>.

Panfilov, K. S. and Urinson, Ya. M. (2020), “Digitalization as a factor of innovation strategies development on the example of some countries”, *Business. Society. Power*, no. 2–3, pp. 117–125 [Online], available at: <https://www.hse.ru/mag/27364712/2020--36,37/399210775.html> (Accessed June 15, 2023).

Pynko, L. E. and Tolkacheva, E. V. (2019), “Integration of digital economy into the social and economic sphere of the Khabarovsk territory”, *Power and Administration in the East of Russia*, no. 4, pp. 74–82, <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2019-89-4-74-82>.

Ryabova, I. A. and Chernova, O. A. (2019), “Emergence of digital economy in the old industrial regions of the South of Russia”, *Regional Economy. South of Russia*, vol. 7, no. 4, pp. 88–99, <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2019.4.9>.

Samkov, K. N. (2021), “Financing the implementation of national and regional projects: Problems and sustainable development directions”, *Finance: Theory*

and Practice, vol. 25, no. 4, pp. 24–36, <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2021-25-4-24-36>.

Sapir, E. V. and Karachev, I. A. (2020), “Challenges of a new investment policy: Investment promotion and protection”, *Finance: Theory and Practice*, vol. 24, no. 3, pp. 118–131, <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2020-24-3-118-131>.

Smirnova, T. A. and Dvinsky, M. B. (2022), “Assessment of the impact of multiplicative effects of program and project management of socio-economic development of territories on the anthropology of the population”, *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, vol. 15, no. 7, pp. 1024–1032, <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0906>.

Sotskova, E. A. and Erokhina, E. V. (2022), “Assessing the impact of digital development results on the social well-being of the population of the Kaluga region for 2021–2022: An institutional approach”, *Social and Humanitarian Knowledge*, no. 7, pp. 110–114.

Sulimova, E. A. and Novickaya, D. A. (2022), “Development of the digital economy in the construction industry”, *Construction Economy*, no. 10, pp. 89–95.

Frolov, V. G. and Pavlova, A. A. (2019), “Systemic effects of implementation of innovation and investment balanced industrial policy in the context of the digital economy”, *Journal of International Economic Affairs*, vol. 9, no. 4, pp. 2919–2936, <https://doi.org/10.18334/eo.9.4.41479>.

Chernova, O. A. and Darenin, A. I. (2020), “Digital transformations in industry as a factor of economic growth”, *Natural-Humanitarian Studies*, no. 1, pp. 222–226, <https://doi.org/10.24411/2309-4788-2020-00039>.

Hein-Pensel, F., Winkler, H., Brückner, A. et al. (2023), “Maturity assessment for Industry 5.0: A review of existing maturity models”, *Journal of Manufacturing Systems*, vol. 66, pp. 200–210, <https://doi.org/10.1016/j.jmsy.2022.12.009>.

Henderson, S. R. (2015), “Transforming old industrial regions: Constructing collaboration within the Black Country, England”, *Geoforum*, vol. 60, pp. 95–106, <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2015.01.010>.

Liang, L. and Li, Y. (2023), “How does government support promote digital economy development in China? The mediating role of regional innovation ecosystem resilience”, *Technological Forecasting and Social Change*, vol. 188, art. no. 122328, <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2023.122328>.

Nikitaeva, A. Yu., Chernova, O. A. and Molapisi, L. (2022), “Smart territories as a driver for the transition to sustainable regional development and green economy”, *R-Economy*, vol. 8, no. 2, pp. 120–134, <https://doi.org/10.15826/recon.2022.8.2.010>.

Winthrop, M. F., Deckro, R. F. and Kloeber, J. M. (2002), “Government R&D expenditures and US technology advancement in the aerospace industry: A case study”, *Journal of Engineering and Technology Management*, vol. 19, no. 3–4, pp. 287–305, [https://doi.org/10.1016/S0923-4748\(02\)00022-X](https://doi.org/10.1016/S0923-4748(02)00022-X).

Information about the authors

I. V. Mitrofanova – Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Regional Economics, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, 41 Chekhov Ave., Rostov-on-Don, 344006, Russia; Professor of the Department of Economic Theory, Regional

Economics and Entrepreneurship, Institute of Economics and Management,
Volgograd State University, 100 Universitetsky Ave., Volgograd, 400062, Russia
SPIN-code (RSCI): 1339-6800
Author ID (RSCI): 251182
Web of Science ResearcherID: S-8203-2016
Scopus Author ID: 56622903000

O. A. Chernova – Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department
of Information Economics, Faculty of Economics, Southern Federal University,
105/42 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, 344006, Russia
SPIN-code (RSCI): 2951-2763
Author ID (RSCI): 634941
Web of Science ResearcherID: H-9823-2015
Scopus Author ID: 56581560700

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

*The article was submitted 27.04.2023; approved after reviewing 28.06.2023;
accepted for publication 28.06.2023.*

Ars Administrandi (Искусство управления). 2023. Т. 15, № 3. С. 516–535.

Ars Administrandi. 2023. Vol. 15, no. 3, pp. 516–535.

Научная статья

УДК 332.1:338.4:352(470-21)

<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-516-535>

ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО РАЗВИТИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ УРБАНИЗИРОВАННЫХ ПРОСТРАНСТВ

Ольга Владимировна Рогач¹, Елена Викторовна Фролова²✉

^{1,2} Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

¹ rogach16@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3031-4575>

² efrolova06@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>

Аннотация. Введение: в статье рассматриваются проблемы в работе органов власти по формированию инфраструктурного профиля урбанизированных пространств. **Цель:** проанализировать деятельность органов власти по развитию социальной инфраструктуры урбанизированных пространств на основе интерпретации оценок жителей данных территорий. **Методы:** анкетный опрос населения российских городов, проведенный в январе – феврале 2023 года. Итоговая выборка включила 65 регионов Российской Федерации, 844 респондента. Исследование носило разведывательный характер. В процессе обработки полученных данных использовались такие методы, как сравнительный анализ, анализ случайных таблиц сопряженности с расчетом показателя χ^2 Пирсона. **Результаты:** жители крупных городов дают более высокие оценки уровню развития инфраструктуры (выше средних значений по выборке на 14,7 п. п.). Малые города и сельские поселения находятся в более уязвимой позиции, две трети проживающего там населения оценивает уровень развития социальной инфраструктуры как средний и низкий. Анализ ответов респондентов показал наличие ожидаемой зависимости между оценками уровня развития инфраструктурного профиля и эффективностью деятельности органов власти. Несмотря на довольно высокую в целом удовлетворенность состоянием социальной инфраструктуры, в ходе исследования были выявлены ключевые проблемы развития урбанизированных пространств: трудности в получении качественного медицинского обслуживания (45,9 %), низкое качество инженерных коммуникаций (34,1 %), плохие дороги (28,2 %). В качестве основных причин недостаточного уровня развития инфраструктуры были названы следующие: необоснованное расходование бюджетных средств (59,8 %), коррупция в органах власти (54,1 %). **Выводы:** результаты исследования показали, что оценки уровня развития инфраструктуры

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

определяются социально-демографическими характеристиками респондентов: уровнем дохода, полом, возрастом. Установлено, что показатели доверия к власти в вопросах принятия решений по развитию инфраструктуры и оценки деятельности властных структур тесно связаны между собой. При этом доверие формирует более высокий уровень готовности россиян к участию в практиках развития города.

Ключевые слова: социальная инфраструктура, органы власти, население, урбанизированные пространства, город, доверие

Благодарности: статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств в рамках государственного задания Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Для цитирования: Рогач О. В., Фролова Е. В. Оценка деятельности органов власти по развитию социальной инфраструктуры урбанизированных пространств // *Ars Administrandi (Искусство управления)*. 2023. Т. 15, № 3. С. 516–535. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-516-535>.

Original article

EVALUATING THE ACTIVITIES OF THE AUTHORITIES IN DEVELOPING SOCIAL INFRASTRUCTURE OF URBANIZED SPACES

Olga V. Rogach¹, Elena V. Frolova²✉

^{1,2} Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ rogach16@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3031-4575>

² efrolova06@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0002-8958-4561>

Abstract. Introduction: the article deals with the problems in the activities of the authorities in developing the infrastructural profile of urbanized spaces. **Objectives:** to analyze the activities of the authorities in developing the social infrastructure of urbanized spaces based on the interpretation of the assessments from the residents of these territories. **Methods:** questionnaire survey of Russian cities residents conducted in January–February 2023. The final sample included 65 regions of the Russian Federation, 844 respondents. The study was exploratory in nature. During the analysis of the data obtained, the following methods as comparative analysis, analysis of random contingency tables with the calculation of Pearson's χ^2 index were used. **Results:** residents of large cities give higher estimates of the infrastructure development level (the average values for the sample higher by 14.7 pps). Small towns and rural settlements are in a more vulnerable position, 2/3 of the population living there assesses the social infrastructure development level as medium or low. An analysis of the respondents' answers revealed an expected relationship between the assessments of the level of infrastructure development profile and the authorities efficiency. Despite a rather high satisfaction with the social infrastructure in general, the study identified key problems in the development of urbanized spaces, namely: difficulties in obtaining quality medical care (45.9 %), poor quality of engineering communications (34.1 %), bad roads (28.2 %). The following were named as reasons for the insufficient level of infrastructure development: unreasonable spending of budget funds (59.8 %), corruption in government bodies (54.1 %). **Conclusions:** the results of the study showed that evaluation of infrastructure development level is determined by the respondents' socio-demographic characteristics (income level, gender, age). It has been established that the indicators of trust in the authorities related to decision-

making in developing infrastructure and the assessment of the activities of power structures are closely related. At the same time, trust forms a higher level of the Russians readiness to participate in city development practices.

Keywords: social infrastructure, authorities, population, urbanized spaces, city, trust

Acknowledgments: the article is based on the research carried out as part of the state assignment to Financial University under the Government of the Russian Federation.

For citation: Rogach, O. V. and Frolova, E. V. (2023), "Evaluating the activities of the authorities in developing social infrastructure of urbanized spaces", *Ars Administrandi*, vol. 15, no. 3, pp. 516–535, <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-3-516-535>.

ВВЕДЕНИЕ

Современные тенденции социально-экономического развития урбанизированных пространств демонстрируют высокую зависимость социального самочувствия населения от условий жизни в городе, его инфраструктурного профиля (Недосека и Карбаинов, 2019, с. 16). Однако изучение состояния и тем более процессов развития социальной инфраструктуры городов Российской Федерации представляется сложной исследовательской задачей в силу целого ряда обстоятельств. Во-первых, имеют место методологические проблемы в поиске подходов к интерпретации социальной инфраструктуры как сложного социокультурного феномена, встроенного в социально-экономическую систему современного общества. В данном исследовании под социальной инфраструктурой урбанизированных пространств предлагается понимать комплекс взаимосвязанных объектов, функционально обеспечивающих создание благоприятных условий жизнедеятельности городского населения, удовлетворение его ключевых потребностей и интересов. Во-вторых, процессы развития социальной инфраструктуры города отличаются как существенной дифференциацией, неоднородностью условий территориального развития, так и необходимостью интеграции интересов значительного числа субъектов (представителей местных сообществ), что в целом дает неоднозначные оценки деятельности органов власти по развитию социальной инфраструктуры урбанизированных пространств. В частности, в российских исследованиях делается вывод, что неэффективная деятельность органов власти чревата возникновением институциональных ловушек. Например, когда приоритетной целью развития провинциальных городов является улучшение социально-демографических показателей территории (рост населения) без учета инфраструктурной обеспеченности потребностей населения, это может привести к «деградации рынка труда, тормозу социальных лифтов, снижению инновационной и инвестиционной активности» (Юрасов и Танина, 2018, с. 262). В более ранних работах, построенных на эмпирическом материале российских регионов, также подтверждается наличие прямой взаимосвязи между инфраструктурным профилем городов и качеством жизни местных сообществ. Выдвигается тезис, согласно которому развитие социальной инфраструктуры обеспечивает рост уровня и качества жизни россиян, что позволяет рассма-

тривать инфраструктурные вопросы как важнейшую задачу органов власти вне зависимости от их уровня (Орлов и Логачева, 2015, с. 171).

Дестабилизация социально-экономических основ российского общества, вызванная давлением антироссийских санкций, актуализирует деятельность органов власти по всестороннему развертыванию инфраструктурных процессов на урбанизированных пространствах. По мнению российских авторов, деятельность властных структур по развитию социальной инфраструктуры требует создания предпосылок для роста комплекса объектов социальной инфраструктуры, «позволяющих улучшить благосостояние населения, его отдельных групп» (Юрьева, 2022, с. 340), обеспечить «эффективное взаимодействие субъектов основного и вспомогательного производств» (Притула, 2015, с. 2). Однако результаты ранжирования субъектов Российской Федерации по величине интегральных показателей развития социальной инфраструктуры иллюстрируют весьма высокую степень дифференциации регионов (Фаттахов и др., 2020, с. 114). Динамика показателей развития инфраструктурного профиля депрессивных регионов (как, например, Республики Дагестан) демонстрирует низкие темпы обеспечения населения жилыми помещениями, сокращение культурной инфраструктуры, недостаточное развитие сети дошкольных образовательных учреждений и пр. (Гасанов, 2020, с. 108).

Опираясь на сказанное выше, авторы поставили перед собой цель проанализировать деятельность органов власти по развитию социальной инфраструктуры урбанизированных пространств на основе интерпретации оценок жителей данных территорий. Задачами исследования выступили: социологический анализ мнения жителей российских городов об уровне развития инфраструктуры урбанизированных пространств; анализ деятельности органов местной власти по развитию социальной инфраструктуры в оценках различных социально-демографических групп; определение уровня доверия населения к местной власти и анализ зависимости между готовностью граждан внести свой вклад в решение вопросов инфраструктурного развития города и уровнем их доверия к органам власти.

В качестве гипотез исследования выдвигаются предположения:

1) оценка населением работы местных органов власти по развитию инфраструктуры зависит от субъективных характеристик (пола, возраста, уровня дохода) агента оценивания;

2) готовность населения к участию в практиках развития социальной инфраструктуры урбанизированных пространств зависит от уровня его доверия к деятельности органов власти в данном направлении.

МЕТОДОЛОГИЯ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ) ИССЛЕДОВАНИЯ

В научных трудах ряда ученых делается заключение, что дисфункциональность инфраструктурного профиля большинства российских территорий лимитирует полноценное развитие гражданского общества. Это связано с тем, что недооценка влияния инфраструктуры на социально-экономические процессы территории может стать «ключевой причиной появления социальной напряженности и тенденций экономического спада» (Попов и др., 2016, с. 54).

Взаимосвязь деятельности органов власти по развитию социальной инфраструктуры и потенциала развития городских сообществ отмечается

в российских и зарубежных исследованиях. Анализ материалов, представленных на основе отечественного эмпирического опыта, позволяет говорить о связи инвестирования в инфраструктурные проекты и мультипликативного эффекта от их реализации (Белова, 2020, с. 18). Научным коллективом под руководством Л. Николетти делается вывод, что города с высоким уровнем развития социальной инфраструктуры (финансовая обеспеченность, технологически современный инфраструктурный профиль и пр.) являются привлекательными для проживания более обеспеченных социальных групп. Это запускает цепь поддерживающих трансформаций: лучше инфраструктура → больше обеспеченного населения → значительнее вклад в развитие территории (Nicoletti et al., 2022, p. 832). Вместе с тем Э. Клиненберг предупреждает о наличии обратной стороны бездумной фокусировки властей на удовлетворении инфраструктурных запросов высокодоходных групп населения (джентрификация, жилищная сегрегация, практики запретительного зонирования и т.п.) (Klinenberg, 2018, p. 28). Недостаточно эффективная деятельность органов власти по развитию социальной инфраструктуры будет способствовать социально-экономической сегрегации (Musterd et al., 2017, p. 1063), снижению доступности удобств и услуг (Natera Orozco et al., 2020, p. 905).

Наличие значительных дисфункций в развитии инфраструктуры обращают внимание и российские ученые. Например, состояние ряда объектов социальной инфраструктуры Дальнего Востока давно превысило собственные эксплуатационные возможности, а ввод новых осуществляется точечно, что не позволяет обеспечить часть населенных пунктов необходимым набором социально значимых услуг (Найден и др., 2020, с. 19). Данные статистической и аналитической отчетности, представленные по регионам Российской Федерации, демонстрируют существенное отличие в показателях обеспеченности сельских поселений, малых и крупных городов базовыми объектами инфраструктуры. Наблюдается разрыв в объемах и качестве инфраструктурного обеспечения, темпах развития инфраструктурных объектов урбанизированных пространств. Так, динамика роста аварийного жилого фонда в городских поселениях составляет 105,8 %, тогда как в сельских населенных пунктах данный показатель превышает 200 % (Шамин и Проваленова, 2020, с. 84).

По мнению Н. Б. Беляевой и В. А. Тучкова, каждый город, помимо постоянного населения и дифференцированной экономики, обладает неповторимым обликом (Беляева и Тучков, 2022, с. 114). Однако было бы неверно считать, что каждое урбанизированное пространство имеет социальную инфраструктуру, способную стать драйвером его развития. Территории, которые в своем облике содержат заметные образы бедности и экономического упадка (ветхое / аварийное жилье, неблагоустроенные «пустыри», заброшенные фабрики и т.п.), отражают общую симптоматику города, неспособного адаптироваться к социальным и экономическим изменениям (Новикова и Шефер, 2023, с. 99). Социальная инфраструктура, находящаяся в стагнации, не может выступить в роли катализатора социально-экономических перемен.

Можно предположить, что слабость инфраструктурного профиля – это симптом не столько общего упадка, сколько низкой эффективности деятельности органов власти. Опираясь на теоретические и методологические разработки в области исследования деятельности органов власти по разви-

тию российских территорий, авторы ставили перед собой задачу изучить мнение общественности в части оценок этой деятельности в местах проживания респондентов. В настоящей статье представлены результаты исследования, проведенного в январе – феврале 2023 года и носившего разведывательный характер. Данное обстоятельство нашло отражение в методике построения выборки и отборе респондентов. В частности, выборка носила стихийный характер, территориальный охват представлен 65 субъектами Российской Федерации. Рекрутинг респондентов осуществлялся методом снежного кома, с соблюдением принципов добровольности участия и анонимности ответов. Охват респондентов $N = 844$.

Таблица 1 / Table 1

**Социально-демографические характеристики респондентов, человек /
Socio-demographic characteristics of respondents, persons**

Тип муниципального образования			
Крупный город	Средний город	Малый город	Сельское поселение
513	182	99	50
Пол респондентов			
Мужчины		Женщины	
342		502	
Возраст респондентов			
18–29	30–45	46–55	56 и старше
574	136	82	52
Уровень образования			
Среднее	Среднее профессиональное		Высшее
200	208		436
Уровень дохода			
Высокий	Средний	Низкий	Затруднились с ответом
83	431	219	111

Источник: составлено авторами.

В ходе обработки собранных сведений использовались такие методы, как сравнительный анализ, анализ случайных таблиц сопряженности с расчетом показателя χ^2 Пирсона. Также применялись общенаучные методы: обобщение, систематизация, традиционный анализ документов. Авторы осознают ограничения проведенного анализа, однако полученные материалы позволили скорректировать инструментарий для осуществления в дальнейшем второго этапа исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалы исследования иллюстрируют имеющиеся в ответах респондентов различия в оценке уровня развития социальной инфраструктуры в зависимости от типа муниципального образования (рис. 1). Вполне ожидаемо высокие оценки инфраструктурного профиля (4 и 5 баллов) получили крупные города,

что выше средних значений по выборке на 14,7 п. п. Малые города и сельские территории существенно уступают им по данному показателю: практически две трети респондентов оценивает уровень развития социальной инфраструктуры на данных территориях как средний и низкий (3 балла и менее).

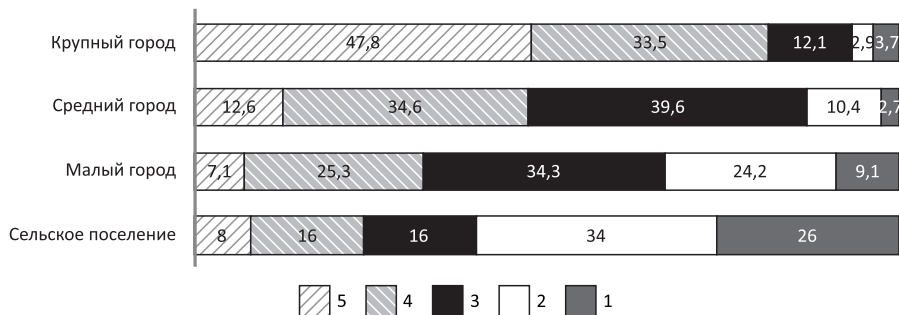

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Оцените уровень развития инфраструктуры вашего города по 5-бальной шкале, где 1 – это ничего не развито (очень плохо), а 5 – имеется развитая инфраструктура», % / Fig. 1. Distribution of answers to the question “Assess the level of infrastructure development in your city using a 5-point scale, where 1 means nothing is developed (very bad), and 5 means infrastructure is developed”, %

Однако связывать развитие инфраструктуры только с размером урбанизированных пространств было бы преждевременно. Интересны результаты анализа других факторов, которые могут влиять на оценку респондентов: уровня дохода, определяющего доступ к инфраструктурным благам, и качества работы местных органов власти по развитию инфраструктуры. В частности, материалы исследования показали, что уровень дохода респондента влияет на его восприятие процессов развития социальной инфраструктуры (см. рис. 2). При числе степеней свободы, равном 8, значение критерия χ^2 составляет 78,043. Критическое значение χ^2 при уровне значимости $p = 0,01$ составляет 20,09. Связь между факторным и результативным признаками статистически значима при уровне значимости $p < 0,01$.

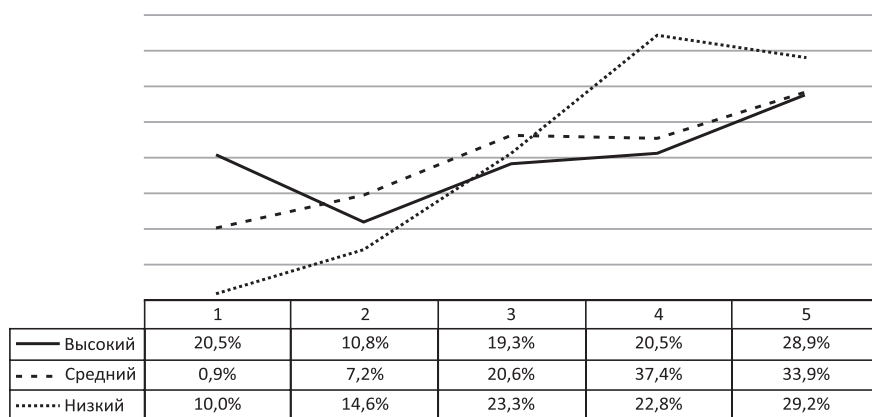

Рис. 2. Зависимость оценок развития социальной инфраструктуры от уровня доходов респондентов, % / Fig. 2. Dependence of social infrastructure development assessments on respondents' income level, %

Однако, что примечательно: люди с высоким уровнем дохода, имея больший доступ к инфраструктурным благам, оценивают социальную инфраструктуру схоже, а где-то и более критично, чем люди с низким уровнем дохода (и низким доступом). Возможно, это связано с высокими ожиданиями относительно качества сервиса, разнообразия объектов инфраструктурного профиля урбанизированных пространств. Существенно больше, чем в среднем по выборке, высоких оценок развития социальной инфраструктуры в группе респондентов, оценивающих уровень своего дохода как средний. Можно предположить, что у данной категории респондентов ожидания и возможности доступа к социальной инфраструктуре совпадают. Учет в деятельности органов власти данного аспекта позволит сбалансировать процессы развития социальной инфраструктуры в современных городах.

Кроме того, в ходе исследования установлено, что среди опрошенных, высоко оценивших работу местных органов власти по развитию инфраструктурного профиля территории, на 16 п. п. значительно больше тех, кто столь же высоко оценивает уровень развития социальной инфраструктуры в месте своего проживания (см. табл. 2). Имеет место и обратная закономерность: среди тех, кто недоволен работой местных властей в данном направлении, выше доля респондентов, которые низко (на 1 и 2 балла) оценили уровень развития социальной инфраструктуры (выше на 16,1 и 27,5 п. п. соответственно).

Таблица 2 / Table 2

Зависимость оценки уровня развития социальной инфраструктуры от оценок работы органов местной власти, % / The dependence between the assessment of social infrastructure development level and the assessments of the local authorities activities, %

Как вы оцениваете работу местных органов власти по развитию инфраструктуры?	Оцените уровень развития инфраструктуры вашего города по 5-балльной шкале, где 1 – ничего не развито (очень плохо), а 5 – имеется развитая инфраструктура				
Отлично	11,2	8,6	8,6	22,4	49,1
Хорошо	2,2	3,4	13,7	31,7	49,1
Удовлетворительно	1,4	7,4	30,6	41,2	19,4
Плохо	21,6	36,4	25,0	12,5	4,5
Среднее значение по выборке	5,5	8,9	20,9	31,8	33,1

Источник: составлено авторами.

Установлено, что в целом по выборке у 35,8 % респондентов есть в прошлом опыт подачи жалобы в органы власти на неудовлетворительное качество жилищно-коммунальных услуг. При этом ни размер города, ни уровень дохода респондента, ни общая оценка (выставленный балл) уровня развития социальной инфраструктуры значения не имеют. Скорее, здесь следует говорить о наличии объективных проблем в жилищно-коммунальном хозяйстве города. Однако весьма примечательно, что среди тех, кто писал жалобы в органы власти, большинство (56,6 %) составляет молодежь в возрасте 18–29 лет. Такое распределение ответов можно объяснить как активной позицией молодого поколения, так и более высоким развитием у него цифровых навыков.

Цифровые платформы и сервисы сегодня облегчают доступ к старту взаимодействия с органами власти для целевых групп общественности, однако дисфункции в их цифровой компетенции способны стать непреодолимым барьером.

Данный вывод обращает внимание авторов на возможность высокого влияния субъективных факторов – пола, возраста, уровня дохода – на оценки деятельности местных органов власти по развитию социальной инфраструктуры. Анализ данных, представленных в таблице 3, позволяет сделать следующие заключения: 1) субъективные характеристики влияют на восприятие и оценку деятельности властных структур; 2) данное влияние неидентично, доминирующим фактором становятся возрастные особенности агента оценивания; 3) респонденты с более высоким уровнем дохода оптимистичнее в своих оценках, что может быть связано с общей удовлетворенностью той жизнью, что они ведут, и меньшим развитием протестных настроений по отношению к органам власти; 4) несущественные различия оценок по гендерному признаку могут служить свидетельством унификации инфраструктурных запросов мужчин и женщин.

Таблица 3 / Table 3

Зависимость оценки населением работы местных органов власти по развитию инфраструктуры от субъективных характеристик агента оценивания, % / Dependence between the population's assessment of the local authorities activities in infrastructure developing and the subjective characteristics of the assessment agent, %

Субъективные характеристики респондентов	Как Вы оцениваете работу местных органов власти по развитию инфраструктуры?				
	Отлично	Хорошо	Удовлетворительно	Плохо	Затрудняюсь ответить
Пол респондентов					
Мужчины	16,1	32,8	31,3	14,1	5,7
Женщин	12,1	41,9	35,3	7,9	2,8
Возраст респондентов					
18–29	16,6	42,7	30,8	4,9	5,1
30–45	11,0	27,9	43,4	16,2	1,5
46–55	6,1	25,6	34,1	31,7	2,4
56 и старше	1,9	34,6	38,5	23,1	1,9
Уровень дохода респондентов					
Высокий	33,7	36,1	18,1	9,6	2,4
Средний	11,4	41,3	37,6	6,0	3,7
Низкий	11,9	31,5	32,0	22,4	2,3
Затрудняюсь ответить	11,7	40,5	33,3	4,5	9,9
Среднее значение по выборке	13,7	38,2	33,6	10,4	4,1

Источник: составлено авторами.

Таким образом, первая гипотеза о зависимости оценки деятельности органов власти по развитию социальной инфраструктуры от субъективных харак-

теристик агента оценивания получила свое подтверждение. Влияние пола, возраста и уровня дохода респондента является статистически значимым, однако было бы неверно говорить о его равномерности. Так, возрастные особенности участников опроса значительно сильнее влияют на восприятие работы органов власти по развитию социальной инфраструктуры. Это может быть связано с наличием дифференцированных потребностей возрастных групп в объектах и качественном содержании инфраструктурного профиля территории. Обратим внимание, что среди молодежи оценки деятельности органов власти по развитию социальной инфраструктуры несколько выше, чем в категории «46–55 лет», что может быть следствием как большей политической индифферентности, так и меньшей восприимчивости к дефициту инфраструктурных объектов (впрочем, отметим, что данный аспект требует более детального исследования). Установлено также, что уровень дохода и пол респондентов обладают меньшим влиянием на оценку деятельности органов власти.

Несмотря на довольно высокую удовлетворенность в целом состоянием социальной инфраструктуры места проживания, респонденты отмечают ряд проблем в деятельности органов власти: 45,9 % обратили внимание на трудности в получении качественного медицинского обслуживания, плохое качество инженерных коммуникаций отметили 34,1 %, плохие дороги – 28,2 %. Перечень проблем этим не исчерпывается. На некоторых территориях России ситуация с социальной инфраструктурой столь критична, что на вопрос о желании сменить место своего жительства в случае возникновения такой возможности 55,7 % респондентов ответили положительно. (Данное обстоятельство привлекает внимание исследователей к миграционной политике органов власти, проведению соответствующих мероприятий по удовлетворению актуализированных потребностей местного сообщества, в том числе в рамках инфраструктурного обеспечения.) При этом, по мнению каждого десятого опрошенного, «власть, скорее всего, не знает о том, что волнует население» (12,4 %). Часть опрошенных (9,7 %) высказались в более резкой форме, что может свидетельствовать о наличии конфликтных противоречий между органами власти и отдельными представителями местного сообщества.

Какие же проблемы в деятельности органов власти становятся предиктором инфраструктурных дисфункций? Этот условный рейтинг возглавляют проблемы, связанные с выполнением органами власти своих бюджетных / финансовых функций (рис. 3).

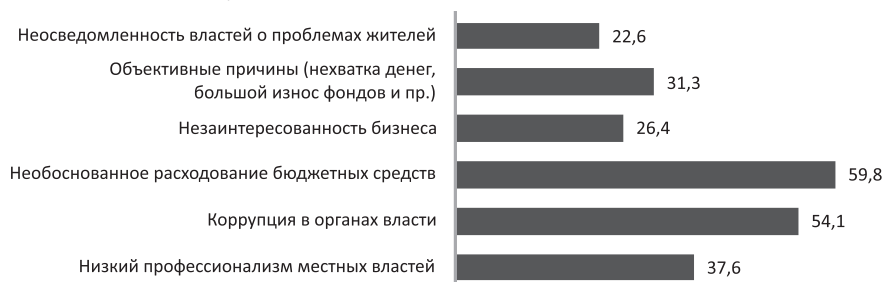

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, проблемы с инфраструктурой связаны с ...» (множественный выбор), % / Fig. 3. Distribution of answers to the question “In your opinion, infrastructure problems are related to...” (multiple choice), %

В частности, большинство респондентов в качестве проблем выделяют необоснованное расходование бюджетных средств (59,8 %) и коррупцию в органах власти (54,1 %). Многие проблемы могут служить причиной и следствием друг друга, что затрудняет идентификацию первоисточника дисфункций в деятельности органов власти по развитию социальной инфраструктуры. Однако не может не вызывать опасений тот факт, что более трети опрошенных (37,6 %) связывают проблемы в области инфраструктурного обеспечения территорий с низким уровнем профессионализма муниципальных служащих.

Таким образом, наблюдается неоднозначность мнений опрошенных о деятельности органов власти по развитию социальной инфраструктуры. С одной стороны, респондентами в целом вполне позитивно оценивается инфраструктурный профиль территории и работа местных властей в данном направлении. С другой – они отмечают низкое качество базового инфраструктурного фонда (отсутствие качественного медицинского обслуживания, образования, плохие дороги и инженерные коммуникации) и наличие ряда нарушений / проблем в бюджетном обеспечении процессов развития социальной инфраструктуры (коррупция, необоснованное расходование средств и пр.). Пессимистический настрой респондентов подчеркивается их желанием сменить место своего постоянного проживания.

Надо полагать, что интерпретировать полученные ответы должно с учетом общего социально-экономического и политического контекста, который накладывает свой отпечаток на их тональность. В этой связи представляет интерес наличие доверия населения к органам власти, а также готовность граждан включиться в решение проблем города. Распределение ответов на вопрос «Доверяете ли Вы органам власти в вопросах принятия решений по развитию инфраструктуры (на что выделять бюджетные деньги, их расходование и т. д.)?» демонстрирует отсутствие доминирующего мнения в общественном сознании: 30,1 % высказались положительно, 31,2 % дали отрицательный ответ, еще треть опрошенных затруднились с ответом.

Материалы исследования показали, что среди респондентов, высказавших доверие к органам власти в вопросах принятия решений по развитию инфраструктуры, около двух третей – жители крупных и средних городов. Данное обстоятельство может служить свидетельством взаимосвязи между более высоким уровнем развития социальной инфраструктуры как результатом деятельности местных властей и уровнем доверия, которое демонстрирует население. Жители ожидают, что их инфраструктурные потребности будут и дальше удовлетворяться. Также можно отметить, что уровень доверия к деятельности органов власти по развитию социальной инфраструктуры несколько выше среди мужской части населения (34,8 против 26,9 %). Среди участников опроса, продемонстрировавших низкий уровень доверия к органам власти в вопросах принятия решений по развитию инфраструктуры, выше представительство респондентов в возрасте 46 лет и старше, а также жителей малых городов и сельских поселений. Последнее обстоятельство может быть интерпретировано и в контексте причинно-следственной связи между низким уровнем развития инфраструктурного профиля данных территорий и снижением доверия к работе властных структур.

В ходе исследования респондентам также был задан вопрос о том, готовы ли они внести свой вклад в решение проблем развития города. В целом ответы респондентов продемонстрировали положительную тональность: 35,0 % высказались однозначно в положительном ключе (выбор варианта «да»). Однако интерес для нас представляет группа респондентов, которые внесли дополнительное основание для своего участия – «при условии, что проблема касается лично меня / моей семьи» – 48,5 %. Таким образом, практически половина опрошенных не готова солидаризироваться с местным сообществом, четко разделяет «свои» и «не свои» проблемы. При этом, по мнению российских ученых, показатель привлечения жителей к управлению городским хозяйством в целом довольно низок: базовое значение составляет 5 %, прогноз роста до 30 % к 2024 году (Курчеева и Копылов, 2022, с. 9).

Можно предположить, что проблемы в развитии социальной инфраструктуры, такие, например, как плохие дороги или коммуникации, затрагивают все местное сообщество, однако дифференциация ответов респондентов по уровню дохода (о чем было сказано выше) уже выявила различия в запросах, предъявляемых гражданами. Поэтому неготовность населения вносить свой вклад в развитие инфраструктуры города без условий личной проблематизации вопроса требует пристального внимания властей.

Кроме того, респондентам был предложен открытый вопрос, ответы на который позволили бы установить популярные формы их участия в решении проблем развития городского пространства. Анализ материалов исследования привел к заключению, что граждане чаще выбирают традиционные формы участия: выход на субботник (47,5 %), работу в общественных советах (47,9 %). Примечательно, что критика деятельности органов власти по развитию социальной инфраструктуры урбанизированных пространств в большей степени касалась выполнения властными структурами финансовой / бюджетной функции, однако стремления подключиться к данным формам участия общественность не проявила. В ответах респондентов не нашли отражения такие формы, как инициативное бюджетирование, общественный контроль, проекты муниципально-частного партнерства, софинансирования; практически в равных долях были представлены такие позиции, как «готовы сдавать деньги на благоустройство территории» и «готовы выступать организатором сбора таких средств» (24,1 и 27,8 % соответственно).

Полученное распределение ответов заставляет задуматься о факторах, которые влияют на готовность населения включиться в решение вопросов развития инфраструктуры, начать взаимодействовать с органами власти. Анализ свободных таблиц сопряженности показал, что значение критерия χ^2 составляет 29,974, критическое значение χ^2 при уровне значимости $p = 0,01$ – 13,277. Связь между факторным и результативным признаками статистически значима при уровне значимости $p < 0,01$. Уровень значимости $p < 0,001$ (табл. 4).

**Зависимость между готовностью населения внести свой вклад в решение вопросов развития города и уровнем доверия к органам власти, человек /
Dependence between the population willingness to contribute to the solution of city development issues and the level of trust in the authorities, persons**

Доверяете ли Вы органам власти в вопросах принятия решений по развитию инфраструктуры (на что выделять бюджетные деньги, их расходование и т. д.)?	Готовы ли Вы внести свой вклад в решение вопросов развития города?			Всего
	Да	Возможно, при условии, что проблема касается лично меня/моей семьи	Нет	
Да	118	115	21	254
Нет	82	129	52	263
Затрудняюсь ответить	95	165	67	327
Всего	295	409	140	844

Источник: составлено авторами.

Таким образом вторая гипотеза также нашла свое подтверждение. Установлено, что готовность населения к участию в практиках развития российских городов зависит от уровня доверия к органам власти в вопросах принятия решений по развитию инфраструктуры. Однако гипотетическое предположение не учитывало мотивацию готовности местных жителей (близкий радиус – проблемы, касающиеся лично респондента, его семьи). Поэтому развертывание данной гипотезы требует внесения некоторого допущения о затронутости каждого представителя местного сообщества проблемами, связанными с инфраструктурным профилем территории.

ОБСУЖДЕНИЕ

На основе полученных данных можно заключить, что тип муниципального образования и уровень доходов населения оказывают влияние на восприятие людьми процессов развития социальной инфраструктуры в местах их проживания. Данный вывод находит частичное подтверждение и в других исследованиях. В частности, Е. В. Попов, И. С. Кац и А. Ю. Веретенникова задаются вопросами: влияет ли размер населенного пункта на степень равномерности распределения объектов инфраструктуры и насколько распространена неоднородность качества и доступности объектов социальной инфраструктуры в разрезе российских городов? (Попов и др., 2016, с. 59).

Материалы исследования позволяют сделать вывод, что в оценках деятельности органов власти по развитию социальной инфраструктуры важное значение имеет совпадение запроса населения (ожиданий) и уровня инфраструктурной обеспеченности территорий. Данное заключение также нашло отражение в исследовании, проведенном А. Н. Зубцом. Ученым были изучены социальные и инфраструктурные факторы демографических процессов, на основе чего сделан вывод о влиянии возрастной дифференциации населения при формировании спроса на конкретные виды / объекты инфраструктур-

туры. В частности, молодежь при прочих равных условиях предъявляет повышенный спрос на объекты образовательной инфраструктуры, тогда как лица трудоспособного возраста более требовательны к объектам инфраструктуры, которые могут способствовать созданию рабочих мест, включая инфраструктуру поддержки частного сектора (Зубец, 2019, с. 79).

Несмотря на весьма депрессивный фон процессов развития инфраструктурного профиля урбанизированных пространств, результаты исследования показали, что более половины опрошенных довольно высоко оценивают деятельность местных органов власти в данном направлении. Однако существует некоторая закономерность: чем выше оценивается уровень развития социальной инфраструктуры, тем положительнее оценивается деятельность органов власти. Поэтому вполне справедливо предположение, что в числе активных субъектов социального конструирования городских пространств жители рассматривают только властные структуры, исключая из данного списка себя как жителей конкретной территории, представителей бизнеса или общественных организаций. Развивая данное предположение, можно отметить наличие патерналистских ожиданий населения по развитию территории, которые связаны с надеждами на способность власти обеспечить «лучшую жизнь» (Зазулина, 2019, с. 114). По мнению Г. В. Разинского, городские сообщества и муниципальные органы власти «испытывают сильное воздействие патерналистского синдрома, что связано с тотальностью его проникновения во все структуры и страты социальных отношений» (Разинский, 2018, с. 163).

Косвенным подтверждением сделанных в работах российских авторов заключений могут служить результаты проведенного исследования. В частности, установлено, что треть опрошенных пишет жалобы в органы власти на неудовлетворительное качество жилищно-коммунальных услуг. При этом значение имеет только возрастной параметр респондентов, что может быть следствием более высокого развития цифровых навыков у молодежи. Примечательно, что 76,3 % респондентов считают, что именно от руководства города зависит развитие социальной инфраструктуры, и только 39,2 % разделяют данную задачу с местными жителями (в вопросе использовался множественный выбор). Сложившееся распределение ответов подтверждает тезис о доминировании патерналистских настроений среди россиян.

Справедливо заметить, что рост инвестиций и финансовых вложений в социальную инфраструктуру урбанизированных пространств рассматривается в современной практике государственного и муниципального управления как значимый механизм решения проблем территорий. Финансирование основных направлений социальной инфраструктуры относится к базовым обязательствам социального государства (Аитова, 2020, с. 162). Однако результаты авторского исследования показывают весьма скептическое отношение населения как к профессиональным навыкам местных властей, так и к их этическим качествам. Положение усугубляется тем, что только каждый третий житель доверяет органам власти в вопросах принятия решений по развитию инфраструктуры. Более широко вопрос доверия населения к деятельности органов власти исследован в работах Д. Г. Макаренко, Я. А. Никифорова и др. (Макаренко, 2021; Никифоров, 2018). Можно предположить, что современ-

ное российское общество находится в переломном моменте своего развития, что смещает вектор оценки уровня доверия к деятельности органов власти по развитию инфраструктуры на образ власти в целом.

Итак, теоретическая значимость исследования обусловлена расширением концептуального представления о взаимодействии местной власти и населения в вопросах инфраструктурного развития урбанизированных пространств, обоснованием роли доверия как предиктора включенности жителей в процессы развития городской инфраструктуры. Полученные результаты позволяют сделать вывод о среднем уровне доверия населения к местной власти с выраженной тенденцией снижения при усилении инфраструктурных проблем. Теоретическая интерпретация рисков доверия иллюстрирует функциональную слабость местных органов власти при высоких патерналистских ожиданиях жителей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, результаты проведенного исследования подтвердили выдвинутые гипотезы. В частности, была установлена зависимость оценок, даваемых респондентами деятельности органов власти по развитию социальной инфраструктуры, от субъективных характеристик самих респондентов: их пола, возраста, уровня дохода. При этом выявлено, что на отношение к работе властных структур большее влияние оказывает возраст участников опроса, что может быть связано с наличием дифференцированных потребностей местных жителей – молодежи, трудоспособной части населения, пенсионеров – в объектах инфраструктуры. Уровень дохода и пол респондентов обладают меньшим влиянием на оценки деятельности органов власти по данному направлению, однако этот вывод требует более детального изучения в контексте развития инфраструктурного профиля урбанизированных пространств.

Установлено, что в целом только 13,7 % опрошенных оценивают работу местных органов власти по развитию инфраструктуры на «отлично». При этом стоит отметить, что оценки деятельности властных структур связаны с уровнем доверия, которое испытывает население к власти в вопросах принятия решений по развитию инфраструктуры (на что выделять бюджетные деньги, их расходование и т. д.). Среди респондентов, давших положительный ответ о доверии, около двух третей – жители крупных и средних городов. Полученные данные позволяют предположить наличие взаимосвязи между более высоким уровнем развития социальной инфраструктуры как результатом деятельности местных властей и уровнем доверия, которое демонстрирует население.

Результаты исследования показали, что готовность населения к участию в практиках развития урбанизированных пространств также зависит от уровня доверия к органам власти в вопросах принятия решений по развитию инфраструктуры. Однако в данный вывод следует внести некоторое допущение: мотивация готовности местных жителей сильнее, если необходимо решить проблемы, касающиеся лично респондента / его семьи.

В связи с этим можно говорить о низком уровне солидаризации в местном сообществе, об имеющемся разделении на «свои и не свои» проблемы.

Дальнейшими направлениями исследования могут стать анализ деятельности органов власти по развитию социальной инфраструктуры в контексте социально-демографического профиля территории, изучение факторов формирования ожиданий разных социально-демографических групп и способности инфраструктурного профиля удовлетворить их. Эластичность спроса на отдельные виды инфраструктурных услуг и политика, проводимая местными властями, также требуют более глубокого изучения.

Список источников

Аитова Ю. С., Орешников В. В. Взаимосвязь уровня развития и финансирования социальной инфраструктуры в Российской Федерации // Вестник НГИЭИ. 2020. № 11. С. 160–174. <https://doi.org/10.24411/2227-9407-2020-10114>.

Белова М. Т. Мультипликативные эффекты от реализации инфраструктурных проектов // Финансовые рынки и банки. 2020. № 1. С. 18–21.

Беляева Н. Б., Тучков В. А. Социальная инфраструктура арктических городов северной Европы и Российской Федерации // Техничко-технологические проблемы сервиса. 2022. № 3. С. 110–118.

Гасанов А. С. Социальная инфраструктура Республики Дагестан: современное состояние и проблемы развития // Региональные проблемы преобразования экономики. 2020. № 9. С. 100–110. <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2020-9-100-110>.

Зазулина М. Р. Трансформирующийся патернализм и его пределы: о некоторых закономерностях в изменении структуры ожиданий сельского населения современной России // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 441. С. 113–119. <https://doi.org/10.17223/15617793/441/15>.

Зубец А. Н. Основные социальные и инфраструктурные факторы, определяющие демографическую динамику в регионах России и их привлекательность для миграции // Социология. 2019. № 6. С. 77–86.

Курчиева Г. И., Копылов В. Б. Цифровизация услуг для улучшения качества социальной инфраструктуры // *π-Economy*. 2022. Т. 15, № 3. С. 7–21. <https://doi.org/10.18721/πE.15301>.

Макаренко Д. Г. Механизмы формирования доверия общества к институтам государственной власти // Мониторинг правоприменения. 2021. № 2. С. 21–26. <https://doi.org/10.21681/2226-0692-2021-2-21-26>.

Найден С. Н., Грицко М. А., Буревая Н. С. Развитие социальной инфраструктуры как условие роста человеческого капитала // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2. С. 16–29. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-91-2-16-29>.

Недосека Е. В., Карбаинов Н. И. Социальное самочувствие жителей постсоветского моногорода (на примере г. Сокола) [Электронный ресурс] // Социальное пространство. 2019. № 5. С. 16–29. <https://doi.org/10.15838/sa.2019.5.22.2>. URL: http://socialarea-journal.ru/article/28390/full?_lang=ru (дата обращения: 15.06.2023).

Никифоров Я. А. Доверие к власти в региональном контексте: социологическое измерение // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2018. Т. 18, № 2. С. 120–123. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-2-120-123>.

Новикова П., Шефер В. В. Формирование стратегии при ревитализации депрессивной городской среды // Экономика строительства. 2023. № 2. С. 99–107.

Орлов С. Н., Логачева Н. М. Социальная инфраструктура региона // Экономическое возрождение России. 2015. № 1. С. 169–174.

Попов Е. В., Кац И. С., Веретенникова А. Ю. Доступность социальной инфраструктуры городских территорий // Региональная экономика: теория и практика. 2016. № 2. С. 54–67.

Пругула О. Д. Роль органов власти в развитии инфраструктуры сельского поселения [Электронный ресурс] // Universum: Экономика и юриспруденция. 2015. № 7. 9 с. URL: [https://7universum.com/pdf/economy/7\(18\)/Pritula.pdf](https://7universum.com/pdf/economy/7(18)/Pritula.pdf) (дата обращения: 12.06.2023).

Разинский Г. В. Муниципальная власть и местные сообщества: пути оптимизации взаимоотношений // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2018. № 3. С. 162–173. <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2018.3.13>.

Фаттахов Р. В., Низамутдинов М. М., Орешников В. В. Оценка развития социальной инфраструктуры регионов России и ее влияние на демографические процессы // Финансы: теория и практика. 2020. Т. 24, № 2. С. 104–119. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2020-24-2-104-119>.

Шамин А. Е., Проваленова Н. В. Организационно-экономические условия развития социальной инфраструктуры сельских территорий // Вестник НГИЭИ. 2020. № 2. С. 77–89.

Юрасов И. А., Танина М. А. Социальное самочувствие жителей провинциального города // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2018. Т. 18, № 3. С. 260–264. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-3-260-264>.

Юрьева Т. В. Социальная инфраструктура в системе целей устойчивого инклюзивного развития // Вестник Академии знаний. 2022. № 2. С. 340–348.

Klinenberg E. Palaces for the people: How social infrastructure can help fight inequality, polarization, and the decline of civic life. New York: Crown, 2018. 283 p.

Musterd S., Marcinczak S., van Ham M. et al. Socioeconomic segregation in European capital cities. Increasing separation between poor and rich // Urban Geography. 2017. Vol. 38, № 7. P. 1062–1083. <https://doi.org/10.1080/02723638.2016.1228371>.

Natera Orozco L. G., Deritei D., Vancso A. et al. Quantifying life quality as walkability on urban networks: The case of Budapest // Complex Networks and Their Applications VIII. COMPLEX NETWORKS 2019. Studies in Computational Intelligence. Vol. 882 / Ed. by H. Cherifi, S. Gaito, J. Mendes et al. Cham: Springer, 2020. P. 905–918. https://doi.org/10.1007/978-3-030-36683-4_72.

Nicoletti L., Sirenko M., Verma T. Disadvantaged communities have lower access to urban infrastructure // Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science. 2023. Vol. 50, № 3. P. 831–849. <https://doi.org/10.1177/2399808322113104>.

Информация об авторах

О. В. Рогач – кандидат социологических наук, доцент, доцент Департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», 125167, Россия, г. Москва, пр-т Ленинградский, 49/2

SPIN-код (РИНЦ): 2618-6681

AuthorID (РИНЦ): 800637

Web of Science ResearcherID: W-4432-2017

Scopus Author ID: 57191411110

Е. В. Фролова – доктор социологических наук, профессор, профессор Департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», 125167, Россия, г. Москва, пр-т Ленинградский, 49/2

SPIN-код (РИНЦ): 4098-3475

AuthorID (РИНЦ): 639721

Web of Science ResearcherID: C-8429-2016

Scopus Author ID: 55511159600

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 09.04.2023; одобрена после рецензирования 12.06.2023; принята к публикации 12.06.2023.

References

Aitova, Yu. S. and Oreshnikov, V. V. (2020), "Interrelation between the level of development and financing of social infrastructure in the Russian Federation", *Bulletin NGIEI*, no. 11, pp. 160–174, <https://doi.org/10.24411/2227-9407-2020-10114>.

Belova, M. T. (2020), "Multiplicative effects of infrastructure projects implementation", *Financial Markets and Banks*, no. 1, pp. 18–21.

Belyaeva, N. B. and Tuchkov, V. A. (2022), "Social infrastructure of arctic cities of Northern Europe and the Russian Federation", *Technical and Technological Problems of Service*, no. 3, pp. 110–118.

Gasanov, A. S. (2020), "Social infrastructure of the Republic of Dagestan: Current state and problems of development", *Regional Problems of Transforming the Economy*, no. 9, pp. 100–110, <https://doi.org/10.26726/1812-7096-2020-9-100-110>.

Zazulina, M. R. (2019), "A transforming paternalism and its limits: Some regularities in changing the structure of expectations of the rural population of modern Russia", *Tomsk State University Journal*, no. 441, pp. 113–119, <https://doi.org/10.17223/15617793/441/15>.

Zubets, A. N. (2019), "The main social and infrastructural factors determining the demographic dynamics in the regions of Russia and their attractiveness for migration", *Sociology*, no. 6, pp. 77–86.

Kurcheeva, G. I. and Kopylov, V. B. (2022), "Digitalization of services to improve the quality of social infrastructure", *π-Economy*, vol. 15, no. 3, pp. 7–21, <https://doi.org/10.18721/JE.15301>.

Makarenko, D. G. (2021), "Mechanisms for building public trust in governmental power institutions", *Monitoring of Law Enforcement*, no. 2, pp. 21–26, <https://doi.org/10.21681/2226-0692-2021-2-21-26>.

Naiden, S. N., Gritsko, M. A. and Burevaya, N. S. (2020), "Development of social infrastructure as a condition for the growth of human capital", *The Power and Administration in the East of Russia*, no. 2, pp. 16–29, <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-91-2-16-29>.

Nedoseka, E. V. and Karbainov, N. I. (2019), "Social well-being of residents of the post-soviet monotown (case study of the town of Sokol)", *Social Area*, no. 5, pp. 16–29, <https://doi.org/10.15838/sa.2019.5.22.2> [Online], available at: http://socialarea-journal.ru/article/28390/full?_lang=ru (Accessed June 15, 2023).

Nikiforov, Ya. A. (2018), "Trust to the authorities in the regional context: Sociological measurement", *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, vol. 18, no. 2, pp. 120–123, <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-2-120-123>.

Novikova, P. and Shefer, V. V. (2023), "Formation of a strategy for the revitalization of a depressive urban environment", *Construction Economy*, no. 2, pp. 99–107.

Orlov, S. N. and Logacheva, N. M. (2015), "Social infrastructure in the region", *Economic Revival of Russia*, no. 1, pp. 169–174.

Popov, E. V., Kats, I. S. and Veretennikova, A. Yu. (2016), "Availability of social infrastructure in urban areas", *Regional Economics: Theory and Practice*, no. 2, pp. 54–67.

Pritula, O. D. (2015), "The role of the authorities in infrastructure development of rural settlements", *Universum: Ekonomika i yurisprudentsiya*, no. 7, 9 p. [Online], available at: [https://7universum.com/pdf/economy/7\(18\)/Pritula.pdf](https://7universum.com/pdf/economy/7(18)/Pritula.pdf) (Accessed June 12, 2023).

Razinsky, G. V. (2018), "Municipal authorities and local communities: Ways of optimization of relationships", *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*, no. 3, pp. 162–173, <https://doi.org/10.15593/2224-9354/2018.3.13>.

Fattahov, R. V., Nizamutdinov, M. M. and Oreshnikov, V. V. (2020), "Assessment of the development of the social infrastructure of Russian regions and its impact on demographic processes", *Finance: Theory and Practice*, vol. 24, no. 2, pp. 104–119, <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2020-24-2-104-119>.

Shamin, A. Y. and Provalenova, N. V. (2020), "Organizational and economic conditions for the development of social infrastructure in rural areas", *Bulletin NGIEL*, no. 2, pp. 77–89.

Yurasov, I. A. and Tanina, M. A. (2018), "Social wellbeing of residents of the provincial cities case", *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, vol. 18, no. 3, pp. 260–264, <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-3-260-264>.

Yurieva, T. V. (2022), "Social infrastructure in the system of sustainable inclusive development goals", *Bulletin of the Academy of Knowledge*, no. 2, pp. 340–348.

Klinenberg, E. (2018), *Palaces for the people: How social infrastructure can help fight inequality, polarization, and the decline of civic life*, Crown, New York, NY, US.

Musterd, S., Marcinczak, S., van Ham, M. et al. (2017), "Socioeconomic segregation in European capital cities. Increasing separation between poor and rich", *Urban Geography*, vol. 38, no. 7, pp. 1062–1083, <https://doi.org/10.1080/02723638.2016.1228371>.

Natera Orozco, L. G., Deritei, D., Vancso, A. et al. (2020), "Quantifying life quality as walkability on urban networks: The case of Budapest", in Cherifi, H., Gaito, S., Mendes, J. et al. (eds.), *Complex Networks and Their Applications VIII. COMPLEX NETWORKS 2019. Studies in Computational Intelligence*, vol. 882, Springer, Cham, Switzerland, pp. 905–918, https://doi.org/10.1007/978-3-030-36683-4_72.

Nicoletti, L., Sirenko, M. and Verma, T. (2023), "Disadvantaged communities have lower access to urban infrastructure", *Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science*, vol. 50, no. 3, pp. 831–849, <https://doi.org/10.1177/2399808322113104>.

Information about the authors

O. V. Rogach – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russia

SPIN-code (RSCI): 2618-6681

AuthorID (RSCI): 800637

Web of Science ResearcherID: W-4432-2017

Scopus Author ID: 57191411110

E. V. Frolova – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2 Leningradsky Ave., Moscow, 125167, Russia

SPIN-code (RSCI): 4098-3475

AuthorID (RSCI): 639721

Web of Science ResearcherID: C-8429-2016

Scopus Author ID: 55511159600

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 09.04.2023; approved after reviewing 12.06.2023; accepted for publication 12.06.2023.

Научное издание

ARS ADMINISTRANDI (Искусство управления)

2023. Т. 15, № 3 (353–535)

Редакторы – *Т. И. Ускова, Е. А. Троицкая*
Корректоры – *О. С. Толстогузова, И. Р. Саматов*
Переводчик – *М. Г. Мильман*
Компьютерная верстка – *И. Р. Смолянин, И. Р. Саматов*

Дата выхода в свет 04.09.2023. Формат 70x100 1/16
Усл. печ. л. 15,6. Тираж 500 экз. Заказ № 272 670

Редакция научного журнала “Ars Administrandi” («Искусство управления»)
614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
кафедра государственного и муниципального управления
тел. (342) 239-66-89
ars-administrandi.com
e-mail: arsadmag@yandex.ru

Издательский центр
Пермского государственного национального исследовательского университета
614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Отпечатано в ООО «АСТЕР ДИДЖИТАЛ»
614000, Пермский край, г. Пермь, ул. Пермская, 46
тел. (342) 206-06-86

Распространяется бесплатно